

Вестник
Университета Дмитрия Пожарского

№ 1(21)

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2021

JOURNAL OF DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY

2021, № 1 (21)

Rus' Under the Blow of Pestilence

Dmitry Pozharsky University

Moscow 2021

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

2021, № 1 (21)

Русь под ударом моровых поветрий

Университет Дмитрия Пожарского

Москва 2021

Русский фонд содействия образованию и науке

*Журнал издаётся по решению Учёного совета
Университета Дмитрия Пожарского*

Редакционная коллегия:

Волков С.В. (доктор исторических наук, Университет Дмитрия Пожарского) (главный редактор), Донской Г.Г. (кандидат исторических наук, Университет Дмитрия Пожарского) (зам. главного редактора), Авдеев А.Г. (доктор исторических наук, ПСТГУ, профессор, Университет Дмитрия Пожарского, школа-интернат «Интеллектуал»), Антоненко Е.В. (доктор филологических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова), Деопик Д.В. (доктор исторических наук, профессор, ИСАА МГУ, ПСТГУ, Университет Дмитрия Пожарского), Габелко О.Л. (доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Университет Дмитрия Пожарского), Ладынин И.А. (доктор исторических наук, доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова), Лаушкин А.В. (кандидат исторических наук, доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова), Любжин А.И. (доктор филологических наук, Университет Дмитрия Пожарского), Матасова Т.А. (кандидат исторических наук, доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова), Поваляев М.В. (Университет Дмитрия Пожарского), Солопов А.И. (доктор филологических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова), Степанов А.С. (доктор исторических наук, Институт российской истории РАН), Чегодаев М.А. (кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Университет Дмитрия Пожарского).

Ответственный секретарь — А.В. Пименова

Editorial Board:

Volkov S.V. (DPh in History, University of Dmitry Pozharsky), (editor), Donskoy G.G. (Ph.D. in History, University of Dmitry Pozharsky), Antonetz E.V. (DPh in Philology, Moscow State University), Avdeev A.G. (DPh in History, full Professor, St. Tikhon's Orthodox University, University of Dmitry Pozharsky, boarding school «Intellectual»), Deopik D.V. (DPh in History, Moscow State University, St. Tikhon's Orthodox University, University of Dmitry Pozharsky), Gabelko O.L. (DPh in History, RSUH, University of Dmitry Pozharsky), Ladynin I.A. (DPh in History, Associate Professor, Moscow State University), Laushkin A.V. (Ph. D. in History, Moscow State University), Lyubzhin A.I. (DPh in Philology, University of Dmitry Pozharsky), Matasova T.A. (Ph.D. in History, Moscow State University), Povalyaev M.V. (University of Dmitry Pozharsky), Solopov A.I. (DPh in Philology, Moscow State University), Stepanov A.S. (DPh in of History, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, University of Dmitry Pozharsky), Chegodaev M.A. (Ph. D. in History of Art, State Institute of Art History, University of Dmitry Pozharsky).

Issue collected by Pimenova A. V.

В данном номере опубликованы доклады участников межвузовского научного семинара «Допетровская Русь под ударом моровых поветрий», прошедшего в онлайн-режиме 15 мая 2020 г. Организатором семинара выступила кафедра истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

The present issue of the journal provides the reports of the participants of the intercollegiate academic seminar “Pre-Petrine Rus’ Under the Blow of Pestilence”, held online on May 15, 2020. The seminar was organized by the Department of Pre-19th Century Russian History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

В оформлении обложки использована миниатюра Лицевого свода под 1567 г.
с изображением морового поветрия

© Коллектив авторов, текст, 2021

© Яворский И. Р., дизайн макета, 2014

© Горева Е. А., дизайн макета обложки, 2015

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2021

Содержание

<i>Лаушкин А.В., Матасова Т.А.</i> Научный семинар «Допетровская Русь под ударом моровых поветрий»	9
<i>Авдеев А.Г.</i> Два малоизвестных свидетеля морового поветрия 1654–1655 г.: памятные кресты из Старой Руссы и Шуи	13
<i>Горюшкина Л.П.</i> Моровые поветрия, карантинные меры и Церковь в XVI столетии	34
<i>Лаушкин А.В.</i> Смерть от чумы новгородского архиепископа Василия Калики: реакция современников	62
<i>Матасова Т.А.</i> Эпидемии чумы 1460-х гг. в судьбе Софьи Палеолог	70
<i>Носов А.В.</i> Два свидетельства о чуме 1654 г. в Солигаличе и Шуе	85
<i>Тарасов А.Е.</i> «Великий мор» 1427 г. и книжные памятники «Пафнутьевского» цикла	97
<i>Шемякина О.Д.</i> Микробиологическая опасность и социальные инициативы: чума в Москве 1770–1772 гг.	115
<i>Борисов Н.С.</i> Заключительное слово	126
Информация об авторах	131
Information about Authors	133
Список сокращений	135

Contents

<i>Laushkin A.V., Matasova T.A.</i> The academic seminar “Pre-Petrine Rus’ Under the Blow of Pestilence”.	9
<i>Avdeev A.G.</i> Two Little-Known Witnesses of the Pestilence of 1654–1655: Memorial Crosses from Staraya Russa and Shuya	13
<i>Goryushkina L.P.</i> Pestilences, quarantine actions and church during the 16 th century	34
<i>Laushkin A.V.</i> Novgorod Archbishop Vasilii Kalika’s Death from Plague: the Reaction of his Contemporaries	62
<i>Matasova T.A.</i> The Plague Epidemics of the 1460s in the Fate of Sophia Palaeologus	70
<i>Nosov A.V.</i> Two Accounts of the Pestilence of 1654 in Soligalich and Shuya	85
<i>Tarasov A.E.</i> The “Great Pestilence” of 1427 and the Literary Monuments of the “Paphnutievsky” Cycle	97
<i>Shemyakina O.D.</i> Microbiological Hazard and Social Initiatives: The Plague in Moscow in 1770–1772	115
<i>Borisov N.S.</i> Closing remarks	120
Information about Authors	127

А.В. Лаушкин, Т.А. Матасова

Научный семинар
«Допетровская Русь под ударом моровых поветрий»

Что ни век, то век железный.

А. Кушнер

Победы порождают уверенность в завтрашнем дне. Но плоды побед не вечны. История уже горько смеётся над диагнозом, вынесенным ей Френсисом Фукуямой на рубеже 80–90-х гг. прошлого века¹. Эйфория 90-х по поводу окончательной победы Запада и «конце истории» как следствии этой победы заканчивается. Уверовав после «краха коммунистической России» в идею своей исторической непогрешимости, либеральный мир из-за непомерных амбиций и сомнительных новаций в социокультурной сфере всё чаще стал сбиваться с чеканного ритма «вечной победы».

Ковидный 2020 г. разбил ещё одну фикцию адептов «конца истории» — веру в способность «цивилизованного мира» эффективно противостоять массовым болезням, оставшимся, как думалось многим, лишь в прошлом — в пыльных анналах исторического (не)бытия. Из двух великих страхов прежних времен — перед голодом и перед «черной смертью» — один неожиданно вернулся в ту часть мира, из которой, казалось, был изгнан навсегда.

Если смотреть на происходящее открытыми глазами, становится понятно, что история не только не остановилась, но, напротив, с каждым годом разгоняется всё сильнее, устремляясь к неведомым потрясениям того привычного уклада, который совсем недавно представлялся вечным.

В такой ситуации историки получили редкую возможность, оставаясь исследователями прошлого, черпать материал для своих размышлений и из современности — буквально из мира «за окном». Массовое поведение людей, их реакции на происходящее, появление героев и антигероев «нашего времени», взрывы архаики и модерна в общественной жизни — всё это бесценный материал для

¹ *Fukuyama Y.F. The End of History and the Last Man. New York, 1992.*

изучающего общество в его историческом развитии. Это именно тот подход, к которому в своё время призывал собратьев по цеху Марк Блок, живший в страшные предвоенные и военные годы: «Незнание прошлого неизбежно приводит к непониманию настоящего. Но, пожалуй, столь же тщетны попытки понять прошлое, если не представляешь настоящего»².

Вопросы, порождаемые современностью, ныне становятся удивительно созвучны проблемам, возникавшим столетия назад. А исторический опыт оказывается неожиданно актуален.

Представляется, что именно этим, а не только желанием «сыграть» на популярной теме, вызвана поднявшаяся в 2020 г. волна научных публикаций об истории эпидемий. Вот только некоторые работы, увидевшие свет в ушедшем году. А.А. Селин, дав краткий очерк новейшей историографии чумы в эпоху русского Средневековья, обратился в своей монографии к истории борьбы с «морowymi поветриями» на Северо-Западе России в XVI и XVII столетиях³. Медицинский взгляд на историю противостояния человека и чумы представлен в книге И.Г. Метелевой⁴. Н.А. Миронова посвятила исследование жутковатой повседневности времен эпидемии тифа первых лет советской власти⁵. Добавим к этому ещё книгу литературного критика и переводчика М.Я. Визеля, анализирующего роль болдинского карантина в биографии А.С. Пушкина и реакцию поэта на внезапно возникшие обстоятельства его принудительной «самоизоляции»⁶.

В этом ряду научных новинок находится настоящий выпуск «Вестника Университета Дмитрия Пожарского». В него вошли доклады участников межвузовского научного семинара «Допетровская Русь под ударом моровых поветрий», прошедшего в онлайн-режиме 15 мая 2020 г. Организатором семинара выступила кафедра истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

* * *

Прежде чем предоставить слово докладчикам, мы бы хотели коснуться одной грани рассматриваемой проблемы, которая не кажется частной.

Не дело историков упрекать людей древности за отсутствие медицинских знаний и правильных подходов к лечению болезней и к профилактике их распро-

² Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 27.

³ Селин А.А. Московские карантинны. Борьба с «морowymi поветриями» в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020.

⁴ Метелева И.Г. Бич Божий: История чумы. М., 2020.

⁵ Миронова Н.А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М., 2020.

⁶ Визель М.Я. Пушкин. Болдино. Карантин. Хроника самоизоляции 1830 года. М., 2000.

странения. Средневековый мир жил по законам своего времени и в границах своей культурной реальности. И в этой реальности массовое бедствие — будь то мор, голод или нашествие иноплеменников — порождало не столько медицинские, экономические или политические вопросы, сколько вопросы духовные, имеющие прямое отношение к пониманию природы Бога и его таинственного участия в делах людей: и в жизни всего социума, и в судьбе каждого отдельного человека. Мимо этой темы историю пройти невозможно.

Рефлексия *о голоде, губительстве, трусе, потопе, огне и мече, о нашествии иноплеменников, о тлетворных ветрах и напрасной смерти* как способах свидетельства Господа о Себе — важная тема большинства средневековых текстов. Своими корнями она уходит в глубину библейской традиции и христианского богословия. Непостижимая воля Творца приоткрывалась и ветхозаветным мудрецам, и средневековым книжникам не только в ослепительном сиянии дарованных Богом побед, но и в мрачных отблесках попущенных Им трагедий. Провиденциальный взгляд на историю заставлял видеть в катаклизмах прошлого и настоящего напоминание о том, что сотворённый свободным человек не всесилен, но и не одинок среди разумных существ, действующих в мире. Нестроения — в том числе моровые поветрия — воспринимались как напоминания Создателя о Себе и одновременно как Его отеческий призыв к людям задуматься о собственной природе — природе, причастной вечности.

Это не только средневековое, но и вообще христианское настроение уловила в одном из своих стихотворений О.А. Седакова:

И как сердце древнего рассказа,
бьется в разных языках –
не оставивший ни разу
никого пропавшего, проказу
обдувающий, как прах,
из прибоя поколенья
собирающий Себе народ –
Боже правды, Боже вразумленья,
Бог того, кто без Тебя умрет⁷.

⁷ Седакова О.А. Варлаам и Иоасаф // Седакова О.А. Избранное. СПб., 2018. С. 179–180. Древнее сказание о Варлааме и Иоасафе, не позднее начала XII в. получившее широкое распространение в русской средневековой книжности, повествует о том, как несмотря на все усилия царя-язычника оградить сына от христианского учения, царевич все же обратился ко Христу. Согласно повествованию, царь Авенир построил для царевича Иоасафа роскошный дворец, в котором можно было предаваться любым мирским увеселениям и страстям. В этот дворец по воле Божьей пришёл пустынный Варлаам, представившись купцом и обещая показать Иоасафу необыкновенный драгоценный камень. В образе этого камня — христианская вера, главное сокровище человечества.

Впечатляюще яркую картину средневекового восприятия чумы нарисовал в своём романе «Лавр» другой учёный-филолог — Е.Г. Водолазкин⁸. Как кажется, в этом можно увидеть некую тенденцию. Тема Божьего Промысла в живом бытии средневековой жизни насколько тонка и трудноуловима, что ум исследователя-медиевиста, отнюдь не сторонясь сугубо научных подходов, одновременно ищет и возможность выйти за привычные академические рамки в пространство художественного текста. За этим стоит своего рода научная эмпатия — стремление не только наблюдать за людьми прошлого, но и внутренне проживать вместе с ними «железные века» истории.

Культурный контекст очень часто оказывается единственным ключом к пониманию явления изнутри. Такой подход оказался близок всем участникам семинара «Допетровская Русь под ударом моровых поветрий», работы которых мы предлагаем благосклонному вниманию читателей.

Варлаам рассказывал Иоасафу многие притчи, раскрывшие полноту веры Христовой, силу Всевышнего и Его любовь к людям. Среди этих притч особое место занимает притча о единороге, обнаруживающая суть ложного, но привычного людям поведения перед лицом реальной опасности, которую человек не в силах не только обуздать, но и контролировать. Как бы сегодняшняя секулярная культура ни противилась существованию Господа, как бы ни стремилась не замечать Его, Творец найдет способ войти в самое ожесточенное, потерявшее надежду и уклоняющееся от Него сердце. Опыт Средневековья не дает ключа к решению медицинских проблем современности, но представляет примеры созидательного, конструктивного отношения к «моровой» повестке.

⁸ *Водолазкин Е.Г.* Лавр. М., 2012.

А.Г. Авдеев

Два малоизвестных свидетеля
морového поветрия 1654–1655 г.:
памятные кресты из Старой Руссы и Шуи¹

В отечественной историографии одним из первых к истории морového поветрия середины 50-х гг. XVII в. обратился декан Медицинского факультета Императорского Московского университета В.М. фон Рихтер², а самое обстоятельное исследование эпидемии, основанное главным образом на актовом материале³, принадлежит Н.Ф. Высоцкому, медику, преподававшему в Императорском Казанском университете⁴. Оно послужило основой для последующих описаний данного морového поветрия⁵.

По мнению Н.Ф. Высоцкого, в 1654–1657 гг. Московское государство пережило две эпидемии чумы, с коротким промежутком охватившим разные регионы. Первая бушевала в 1654–1655 гг. в Центральной России. Второе поветрие, меньших масштабов, «учинилось» в июле 1656 г. в понизовых городах (Нижнее Поволжье)⁶ и охватило Астрахань, Казань, Хлынов и Кострому и продолжалось до 1657 г. В Синодике Иаково-Железоборовского монастыря даны её признаки:

¹ Статья написана в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке ПСТГУ, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA. См.: URL: <http://cir.rssda.su>. Научный руководитель проекта А.Г. Авдеев, технический руководитель проекта Ю.М. Свойский. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность Б. Л. Макарянцу за ценные замечания, высказанные в процессе обсуждения статьи.

² *Рихтер В.* История медицины в России. Ч. II. М., 1820. С. 125–132.

³ ДАИ. Т. III. СПб., 1848. С. 442–521. № 119.

⁴ *Высоцкий Н.Ф.* Чума при Алексее Михайловиче 1654–1655. Казань, 1879.

⁵ *Брикнер А.Г.* Чума в Москве в 1654 году // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1884. Т. XVI. С. 5–22; *Васильев К.Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960. С. 53–63; *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы. Кн. I: Чума добактериологического периода. М., 2006. С. 144–160.

⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. I. СПб., 1830. С. 391. № 184.

«тоужь болезнію помирають пострѣломъ»⁷. Другой очаг эпидемии затронул земли от Риги до Смоленска, куда, как полагал Н.Ф. Высоцкий, она была занесена войсками, возвращавшимися из-под Смоленска⁸. Опыт борьбы с этими поветриями был обобщён в Окружном послании патриарха Никона о моровой язве, напечатанном на Печатном дворе после 6 сентября 1656 г. и, таким образом, ставшим первой публикацией в России, посвящённой методам защиты от эпидемий⁹.

Памятные кресты, о которых пойдёт речь в данной статье, хранят память о моровом поветрии 1654–1655 гг. В этой связи в первую очередь встаёт вопрос о правомерности отождествления его с чумой. Основной корпус источников, относящихся к этой эпидемии, был опубликован в III томе «Дополнений к Актам историческим, собранным Археографическою комиссиею», изданном в 1848 г. Ими активно пользовались дореволюционные и советские исследователи, не выходявшие обычно за рамки данного корпуса. К настоящему времени круг источников, сообщающих о моровом поветрии, расширился благодаря публикациям летописных сводов второй половины XVII — первой четверти XVIII в., актовых материалов, монастырских синодиков, сказаний о чудотворных иконах, а также записок иностранцев. Важные дополнения содержат материалы, опубликованные в 1909 г. Н.Я. Новомбергским¹⁰. В целом это позволяет существенно систематизировать диагностику и временные рамки эпидемии.

⁷ Преображенский И. Синодик, принадлежащий Железоборовскому монастырю Буйского уезда Костромской губ. // КС. Вып. 5 / Под ред. В. С. Соколова. Кострома, 1901. Приложение. С. 230.

⁸ Высоцкий Н.Ф. Чума... С. 12. О второй эпидемии см.: Летописец 1619–1691 гг. // ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 182; Записки времени Алексея Михайловича // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 257; Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание... С. 299; Шпилевский С. М. О чуме в Казани в царствование Алексея Михайловича (заметка по поводу двух предыдущих сообщениях) // Сборник статей о чуме, изданных Обществом Казанских врачей. Вып. 1. Казань, 1879. С. 53–55; Маркелов А. В. Влияние местночтимых икон и святых Волго-Камского региона на общественную жизнь (на примере Вятской епархии второй половины XVII века) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3 (1). С. 36.

⁹ [Никон, патр.]. Поучение о моровой язве. М.: Печатный двор, [после 6 сентября 1656] (Зёрнова, 240). Комментированное издание: Севастьянова С.К. Святейший патриарх Никон. Окружное послание о моровой язве // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник трудов конференции / Сост. и научн. ред. Г.М. Зеленская. Вып. III. М., 2011. С. 313–324. Как грамота патриарха Никона к духовным и мирским всякого чина и состояния людям о принятии предосторожностей от моровой язвы Окружное послание вошло в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. I. СПб., 1803. С. 393–401. № 188) с датировкой 6 августа 1656 г.

¹⁰ Новомбергский Н. Врачебное строение в до-Петровской Руси // Известия Императорского Томского университета. 1909. Кн. XXXI. Приложение. С. 163–171 (отд. паг.).

Общеизвестно, что древнерусские источники дают несистемные описания болезней, и под фразой «моровое поветрие» может «скрываться» любая эпидемия, от чумы и холеры до брюшного тифа и оспы¹¹. К.Г. Васильев и А.Е. Сигал предложили выявлять характер эпидемии по внешним признакам, описываемым в источниках. «Мор железю» и «мор коркотою» они определяли как септическую форму чумы, «мор прыщом» синим и «черленным» — как оспу¹². «Классическое» описание симптомов легочной и бубонной чумы дают русские летописи: «Хракаху людію кровію, а иніи желѣзою болзеноваху»¹³; «преже яко рагатиною ударить за лопатку человѣка, или противу сердца, или подъ груди, или промежи криль, или въ паху, или подъ пазуху; и, разболѣвся, человѣкъ начнетъ кровію хрвати <...> желѣза же та не едина бяше, иному на шіи, иному на стегнѣ, иному подъ скулою, иному за лопаткою, иному въ паху, и на инѣхъ мѣстехъ»¹⁴.

Описания симптомов морового поветрия 1654–1655 гг. кратки и в редких случаях содержат подробные описания симптомов болезни. Симптомы эпидемии 1654–1655 гг., на которые обычно обращали внимание исследователи, вроде бы как типичны для бубонной чумы — «съ язвами и безъ язвъ»¹⁵, «язвы пострѣлныи и непострѣлныи»¹⁶. Однако в равной степени эти признаки характеризуют и чуму и сибирскую язву¹⁷. Компильтивный Хронограф, составленный в 1720 г. ярославским священником Фёдором Петровым «по прозванию» Рак отмечает, что язвы, появившиеся на теле во время данного морового поветрия, были «знаменемъ болѣзни морушки», ассоциируя их внешний вид с ягодами морошки¹⁸. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» данное словоупотребление не отражено, однако «Словарь русских народных говоров» под словом «морушка» даёт также значения, как «большая смертность» (тверской говор), «болезнь, похожая на сибирскую язву, вызывающая большую смертность» (казанский говор), «прыщик на теле или лице, появляющийся перед смертью» (переславский и владимирский говоры)¹⁹. Данные примеры убеждают в том, что в сочетании

¹¹ Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Чёрной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII — первая половина XV вв.). Казань, 2018. С. 253.

¹² Васильев К.Г., Сигал А.Е. История эпидемий... С. 36, 38, 356.

¹³ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XI. М., 2000. С. 3.

¹⁴ Новгородская I летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 409; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 89; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XI. М., 2000. С. 231–232.

¹⁵ ДАИ. Т. III. СПб., 1848. С. 487.

¹⁶ Там же. С. 504. LXXIV.

¹⁷ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 256. s.v. пострѣль. 2.

¹⁸ РНБ ОР. ОСРК. Ф. IV. 679. Л. 600; описание рукописи: Отчёт Императорской публичной библиотеки за 1887 год. СПб., 1890. С. 149–164; иссл.: Бычков Ф.А. Заметка о хронографе ярославского священника Фёдора Петрова. М., 1890. С. 4; ср.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 267. s.v. морошка.

¹⁹ СРНГ. Вып. 18. Л., 1982. С. 279. s.v.

с существительным «знамение», болезнь «морушка» скорее всего, указывает на кожную форму *сибирской язвы*, симптомами проявления которой являются везикулы — пузыри, наполненные серозным содержимым и кровью, цветом, напоминающие по форме ягоды морошки.

Характерно, что розыск, начатый в августе 1631 г. по инициативе князя Д.М. Пожарского в Коломенском и Рязанском уездах, для предотвращения перерастания эпизоотии сибирской язвы в полномасштабное моровое поветрие, проявившиеся у людей признаки заболевания называет «знаменами пострельными»: «знамя было на брови и за ухомъ», «знамя <...> было за ухомъ», «появилось знамя на шеѣ», «а знамя на ногѣ было да запухло горло» (четыре случая), «было знамя подь щекою, да горло завалило» и др.²⁰ Один из отмеченных признаков — «выпрянуло за ухомъ за правымъ, походило на ожогу» — сравнивает внешний вид «знамени» с ожогами 2-й или 3-й степеней, для которых также характерны везикулы, заполненные серозным или геморрагическим содержимым желтоватого цвета. Это описание фактически аналогично сообщению Хронографа свящ. Фёдора Петрова, что придаёт последнему особое значение в определении характера эпидемии 1654–1655 гг.

Бесспорную клиническую картину сибирской язвы даёт роспись Кашина 1655 г., где — в единственном из подобных источников — применительно к большинству смертных случаев указаны внешние признаки и продолжительность заболевания²¹. Отмеченные в росписи 83 случая смерти с 6 сентября по 12 ноября 1654 г. распределяются следующим образом:

Таблица 1

Уровень смертности в Кашине во время морового поветрия 1654 г.

Симптомы смерти	Количество умерших
С язвой; из них скончались:	9
– скоропостижно («скорой смертью»)	2
– через 4 дня с начала заболевания	4
С язвой, «горло запухло»; из них скончались:	1
– скоропостижно	1
Без язвы; из них скончались	44
– скоропостижно	1
– через 1–2 сутки («немногое время»)	6
– через 3 дня с начала заболевания	4
– через 4 дня с начала заболевания	1

²⁰ Новомбергский Н. Врачебное строение... Приложение. С. 19, 26–27 (отд. паг.).

²¹ Там же. С. 164–165 (отд. паг.); Город Кашин. Материалы для его истории. Собр. И.Я. Кункин. Вып. 1. М., 1903. С. 58–64. № 27 (более полное издание документа).

– через 6 дней с начала заболевания	2
– через 7 дней с начала заболевания	11
– через 8 дней с начала заболевания	1
– через 11 дней с начала заболевания	1
– через 14 дней с начала заболевания	1
Симптомы болезни не указаны; из них скончались:	19
– скоропостижно	9
– через 1 сутки с начала заболевания	2
– через 3 дня с начала заболевания	1
– через 4 дня с начала заболевания	2
– через 7 дней с начала заболевания	1
– через 14 дней с начала заболевания	1
– через 21 день с начала заболевания	1
– через 28 дней с начала заболевания	1
– точные сроки болезни не указаны («многое время»)	1

Итак, таблица отражает типичный для сибирской язвы инкубационный период — от нескольких часов до двух недель, в ряде случаев с повреждениями горла (этот же признак отмечен и в розыске 1631 г.). Отсутствие язв у подавляющего большинства заболевших кашинцев характерно для септической формы сибирской язвы. Данные сообщения также могут указывать на лёгочную форму сибирской язвы, при которой клинически выраженные формы заболевания отсутствуют, а летальный исход наступает молниеносно в течение первых суток²².

С этими описаниями коррелируют росписи, присланные из других городов о смерти людей с указаниями внешних признаков болезни — «без язв» и «скорой смерти»²³. Об этом же сообщает и Адам Олеарий, находившийся во время поветрия в Москве: люди «здоровыми вышедши из дому, как говорят, падают на улицах и помирают»²⁴.

Наконец, источники позволяют судить, что моровое поветрие пришло не из регионов, откуда традиционно распространялась чума. Первый очаг заболевания зафиксирована в начале июля 1654 г. в Рузе (совр. Московская область)²⁵, откуда поветрие распространилось на Москву и другие уезды.

²² См.: Маринин Л.И., Онищенко Г.Г., Кравченко Т.Б., Дятлов И.А., Тюрин Е.И., Степанов А.В., Никифоров В.В. Сибирская язва человека: эпидемиология, профилактика, диагностика. Смоленск, 2008. С. 55–91.

²³ ДАИ. Т. III. СПб., 1848. С. 452. XVII; С. 464. XXXIV; С. 468. XXXVIII.

²⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указат. А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 158.

²⁵ ДАИ. Т. III. СПб., 1848. С. 519. № 119. LXXXIV.

* * *

Эпиграфические памятники существенно дополняют картину морового поветрия 1654–1655 гг.²⁶, и к их исследованию я обращаюсь не впервые²⁷. Уникальность этих источников заключается не только в том, что они содержат сведения, не встречающиеся в традиционных источниках (как, например, надгробная плита из Галича — единственное свидетельство об эпидемии в этом городе), но и демонстрируют отношение современников к внезапно пришедшему бедствию.

Поветрие традиционно обострило религиозное чувство, так как главной его причиной сочли наказание «грех ради наших за наши великие неправды»²⁸. Старообрядцы увидели в эпидемии закономерную кару за реформы патриарха Никона²⁹. «В то время Никон-отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради Бог изливал фиал гнева ярости Своея на Рускую землю», — писал протопоп Аввакум³⁰.

Одним из способов прекращения эпидемии и вечного напоминания о ней стала установка Голгофских памятных крестов. Голгофский крест — главный символ христианства. Согласно творению свт. Симеона Солунского († 1429) «О священных обрядах и таинствах Церкви», «бжтвенный крѣтъ» есть «блгословѣнный ѡргѣнь жертвы, ѣже сътъ со четьрми члстми, за ѡнаго ѣже пригвоздиша верху сгѡ, ѣ соглѣи горнѣи ѣ долнѣи, сирѣчь агглы ѣ чловѣки · събше приде долъ на землю, ѣ воплотисѣ. ѣ пакн вознесѣа ѣкѡ на крѣтъ, ѡнидѣ же высотѡи бжтвѣ, вознесѣ

²⁶ См.: *Погодин М.П.* О церкви Гребневския Божия Матери, что на Лубянке // Молва. 1834. Ч. 8. № 36. С. 133–142; Сказание о моровой язве // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 620–630; *Виноградова Е.А., Федышины Н.Н. и И.Н.* Икона из Вологодского Спасо-Всеградского собора «Спас Всемилостивый (Обыденный) и её списки в собрании Вологодского музея-заповедника // Вестник Псковского государственного университета. 2013. Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 2. С. 188–202.

²⁷ См.: *Авдеев А.Г.* Новые эпиграфические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси // Вестник ПСТГУ. 2012. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 1 (44). С. 121–132; *Он же.* Валунные надгробия Верхневолжья (Конец XV — вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения). М., 2015. С. 263–277; *Он же.* Малоизвестные эпиграфические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси // *Palaeoslavica*. 2019. Т. XXVII. № 1. С. 8–28; *Он же.* Надгробная плита Евфимии Васильевны Гавреновой, из Троицкого Рябова монастыря // «По пути времени...» 2017–2018. Вып. 7. Тверь, 2019. С. 194–209.

²⁸ Новгородский хронограф... С. 299; ср.: *Летописец 1619–1691 гг.* // ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 182; Сказание о моровой язве... С. 623; *Лествицын В. И.* Другая редакция Сказания о Спасопробойнской церкви г. Ярославля. Ярославль, 1874. С. 19.

²⁹ *Житие святого благоверного царевича Димитрия Иоанновича Углицкаго.* Углич, 2009. С. 134.

³⁰ *Житие протопопа Аввакума* / Изд. подг. Н.С. Демкова и Л.В. Титова. СПб., 2019. С. 14 (редакция А), 66–67 (редакция В), 119 (основной вариант редакции Б), 161–162 (особый вариант редакции Б), 193 (особая редакция).

смирѣннѣи плоть , и высотѣи славы бжтѣи , възвыси гдѣннѣи нищѣтѣи и смирѣнѣи , и богачѣствомъ мнѣостѣи и лѣвѣи , ѣнже възлѣнѣи нѣсъ , ѡродѣи нѣсъ , и ѡ ѡдѣ въздѣнѣи , и воскресѣи , и нѣсъ ѡбщнхъ земнхъ и небеснхъ сотвори . Сѣе ѡбѣи ѡбразѣнѣи крѣтъ , и чѣннство тѣи даде нѣсъ съ ѡбразѣи крѣтъ . занѣи прочѣеи ѡбѣи дрѣво крѣтъ знаменѣнѣи ѡца вышнѣиго , иже печѣтѣи ѡ нѣсъ жнвѣщнхъ на землѣи : кѣиенное же дрѣво ѣже совершѣнѣи крѣтъ , знаменѣнѣи тогѣи сна и стѣиго дѣла , иже , снрѣчѣи спомѣи и стѣиимъ дѣломъ , ѡи кѣи стѣи рѣчѣи , иже нѣсъ пакѣи сотвори»³¹.

Один из памятных Голгофских крестов был поставлен по благословению митрополита Ростовского и Ярославского Ионы Сысоевича в память об окончании эпидемии на Поклонной горе в трёх верстах от Ярославля по Московской дороге. Уточнить дату создания креста позволяют дополнительные хронологические указатели, имеющиеся в надписи. Так, указанный в надписи царский титул «всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержец» был узаконен 19 сентября 1655 г.³², но едва ли не впервые он встречается в жалованной грамоте Иверскому Валдайскому монастырю 6 мая 1654 г.³³ и далее используется систематически. Восьмому индикту соответствует промежуток времени между 1 сентября 1654 и 31 августа 1655 г., но он может быть сужен до 12 июля 1655 г. (истечение 10-го года царствования Алексея Михайловича)³⁴. Имеющийся же в надписи перевод даты от Сотворения мира в год от Рождества Христова сделан с традиционным для Московской Руси вычетом 5509 лет с сохранением новолетия 1 сентября без коррекции с месяцем года³⁵, что реально соответствует 1654 г. Учитывая, что моровое поветрие в Ярославле завершилось 19 ноября 1654 г.³⁶, можно полагать, что крест был установлен после этой даты, но до 31 декабря 1654 г.

Начертанная на тыльной стороне креста надпись апеллировала к его защитительным функциям, сообщая, что он поставлен «вмѣсто вѣи спасѣнѣиго зѣбрѣла і цнѣи да не нѣдѣи на лѣдѣи члѣтворнѣи ѡ вѣчѣи». Преодоление поветрия надпись связывала с благодатной силой креста, заступничеством Божией Матери и

³¹ *Sym. Thes., De fide, rit. et myst. eccl.*, 133 // PG. T. CLV. Col. 342D, 344A. Цит. по: Скрижаль. М.: Печатный двор. X.1656. Л. 33–34 (Зѣрнова. 266). Перевод на современный русский язык: *Блаженный Симеон Солунский*. Объяснение православных богослужений, обрядов и таинств. Оранта, 2010. С. 163.

³² ПСЗ. Собр. 1-е. Т. I. С 1649 по 1675. СПб., 1830. С. 370. № 167.

³³ Там же. С. 333. № 124.

³⁴ Указание в надписи на третий год патриаршества Никона соответствует промежутку времени между 25 июля 1654 и 24 июля 1655 г., но не играет роли для уточнения времени создания креста.

³⁵ *Авдеев А.Г.* Календарь старорусских надписей // Ползуновский альманах. 2017. № 4. Т. I. Вып. 1. С. 179.

³⁶ В Ярославле эпидемия прекратилась в первое воскресенье Рождественского поста (*Горшкова В.В., Добрякова О.И., Полознев Д.Ф., Рутман Т.А.* «Золотой век» Ярославля. Опыт культурографии русского города XVII — первой трети XVIII века. Ярославль, 2004. С. 51) Дата уточнена по: *Черепнин Л.В.* Русская хронология. М., 1944. Табл. X.

молитвами князей Феодора и его чад Давыда и Константина, святых покровителей Ярославля³⁷.

Два деревянных креста были поставлены в Старой Руссе и Шуе. Оба утрачены, но надписи на них были переписаны местными любителями старины, а из специалистов по русской эпиграфике на них обратил внимание И.А. Шляпкин, отметивший мемориальный характер этих памятников³⁸.

1. ЧУДНЫЙ КРЕСТ В СТАРОЙ РУССЕ (CIR4086)

Старая Русса была крайней северной точкой распространения морового поветрия. Эпидемия здесь началась 2 сентября 1654 г. К 10 ноября она ослабла, и число её жертв в городе и уезде к этому времени составило 154 человека, а число оставшихся в живых — 207 человек³⁹. Действенным средством защиты от поветрия стала установка Голгофского креста. Надпись на кресте была образцово для 70-х гг. XIX в. издана П.И. Савваитовым гражданским шрифтом по фото, представленному свящ. П. Полянским с разделением на строки и сохранением орфографии подлинника и позднее неоднократно воспроизводилась в дореволюционной краеведческой литературе⁴⁰.

Как свидетельствует надпись на его тыльной стороне, он был воздвигнут по инициативе жителей Ильинской улицы 6 декабря 1654 г. на углу Ильинской и Крестецкой улиц. День установки креста вряд ли были выбраны случайно. На 6 декабря приходится день памяти одного из самых почитаемых святых на Руси — свт. Николая, епископа Мир Ликийских («Никола зимний»). Надпись на тыльной стороне креста была сделана после 22 декабря того же года в память об окончании эпидемии. Эта дата отсутствует в иных источниках, что придаёт данному эпиграфическому памятнику статус уникального хронологического свидетельства.

Позднее над крестом была поставлена деревянная часовня. В 1815 г. на средства купца Д.П. Купцова была сооружена каменная часовня. После пожа-

³⁷ О нём см.: *Авдеев А.Г.* Малоизвестные эпиграфические источники... С. 116–119.

³⁸ *Шляпкин И.А.* Древние русские кресты. I. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб., 1906. С. 14.

³⁹ ДАИ. Т. III. СПб., 1848. С. 521. № 119. LXXXIV.

⁴⁰ *Савваитов П.И.* Чудный крест в Старой Руссе. СПб., 1873. С. 4–5; *Савваитов П.И.* Чудный крест в Старой Руссе // ИРАО. Т. VIII. Вып. 1. СПб., 1877. Стб. 54–56; *Толстой М.В.* Святые и древности Старой Руссы. М., 1878. С. 18 (гражданским шрифтом, с исправленной орфографией); *Полянский М.И.* Иллюстрированный историко-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885. Отд. I. С. 275–276 (по публикации М.В. Толстого, со сверкой по надписи на лицевой стороне памятника, гражданским шрифтом, с исправленной орфографией); *Пылаев В.* Старая Русса. Ч. 1: Исторический очерк города. Сергиев Посад, 1916. С. 110–112 (по публикации М. В. Толстого, со сверкой по надписи на лицевой стороне памятника, гражданским шрифтом, с исправленной орфографией).

ра 1883 г. крест был временно перенесён в Мироносицкую часовню и в 1888 г. возвращён в возобновлённую Ильинскую часовню⁴¹. В 30-е гг. XX в. часовня была закрыта. Тогда же, видимо, был утрачен и крест. Часовня снесена в 50-е — 60-е гг. XX в. Ныне её место занято жилыми домами⁴².

Надпись на тыльной стороне креста гласила: «¹Лѣта 7000 во 163 ²году въ Старой Русе бысть послание Божіе ³грехъ ради нашихъ созданию Божію многимъ живымъ ⁴смертоносія. И тово жъ году декабря 6 день ⁵поставили сии ⁶крестъ на семь мѣ⁷сте въ-Ыльинской улице по завещанию своему тояжъ Иліинской улицы сожители, чтобъ все⁸ милостивый Господь Богъ нашъ уталилъ свой праведной гневъ смертоносія. ⁹А изложили празновать въ предъидущія лѣта сему образу честному и Животворящему Кресту Господню, на немже распять бысть Господь ¹⁰нашъ Ис. Хс., се¹¹гожь декабря въ 22 день ¹²на память святаы велика¹³мученицы Анастасеи ¹⁴узорешительницы ¹⁵второе празнество ізложили на третію неде¹⁵лю великово посту, ¹⁶отныне и въ предъиду¹⁷щія лѣта, ¹⁸въ честь и въ бла¹⁹годарние, въ славу ¹⁹и въ хвалу въ ²⁰Троице славимому ²⁰Богу, и въ поклане²¹ние и велелѣпие ²²Отцу і Сыну і Святому ²³Духу во веки. ²⁴Аминь».

На лицевой стороне креста было вырезано распятие в окружении крестных имён — **ш . ч . ж . к . н . р . г . н .** (Образ **Ч**естного **Ж**ивотворящего **К**реста, **Н**а немже **Р**аспяся **Г**осподь **Н**аш), **м . л . р . в .** (Место **Л**обное, **Р**ай **Б**ысть), **з . х . с . у .** (Здесь **Х**ристос **С** нами **У**ставися), **г . л .** (Глава **А**дама), **ф . [X?.]** **с . х .** (**Ф**ѡς [**Х**ристоѡ?] **С**вет **Х**ристов), **х . п . в . н .** (**Х**ристос **П**росвещает **В**сех **Н**ас). Можно полагать, что акронимы связывали крестную жертву Христа с просвещением жителей Старой Руссы, которые, как свидетельствует надпись на тыльной стороне, традиционно восприняли эпидемию как наказание за грехи (стк. 2–4), а в установке креста усматривали символ общего покаяния и надежды на прекращение Божьего гнева (стк. 7–8).

Данная надпись, как и надпись на ярославском кресте, сообщает об увековечивании памяти о прекращении морового поветрия «въ честь и въ благодарение, въ славу и въ хвалу въ Троице славимому Богу, и въ покланение и велелѣпие Отцу і Сыну і Святому Духу» установлением особых крестных ходов 22 декабря, в день прекращения эпидемии, приходящийся день памяти вмч. Анастасии Узорешительницы, и в третью неделю Великого поста, именуемую Крестополонной.

⁴¹ Полянскій М.И. Иллюстрированный историко-статистический очерк... Отд. I. С. 274–275.

⁴² Подробнее см.: *Ядрышников В.А.* Архитектура Старой Руссы XII — начала XX века. М.; СПб., 2010. С. 327–329.

2. ШУЙСКИЙ КРЕСТ (CIR4087)

Деревянный Голгофский крест с предстоящими, установленный в память о моровом поветрии в Шуе, является интересным объектом для эпитафиста. Он находился в часовне Животворящего Креста Господня у Спасского собора и сгорел во время пожара 1770 г. В 1821 г. часовня была воссоздана, а бывшая на кресте надпись была воспроизведена краской на выступах стен справа и слева от ниши с образом Спаса Нерукотворного, поддерживаемого прп. Симеоном Столпником и его матерью Марфой. В 1930 г. часовня была снесена, а крест утрачен.

Надпись на выступе стены слева от образа Спаса Нерукотворного гласила⁴³:

А) Поставися Животворящій Крестъ Господень (5) съ предстоящими при храмѣ Нерукотвореннаго (10) Образа Спаса нашего по подобію (15) и изображенію и мѣрѣ стоящаго (20) во храмѣ Воскресенія Христова, что (25) въ Новомѣ Іерусалимѣ изъ трехъ (30) составныхъ древъ: кедра, кипариса и (35) вмѣсто певга мужжевела отъ усердія (40) жителей въ лѣто отъ Сотворенія (45) міра 716{5} году и въ (50) лѣто отъ Рождества Христова (55) 1654 во дни Благочестивѣйшаго Великаго (60) Государя Царя и Великаго Князя

Её продолжала надпись на выступе стены справа от образа Спаса Нерукотворного:

Б) Алексѣя Михайловича всея Великія (5) и Малыя и Бѣлыя Россіи (10) Самодержца и при Великомѣ [[государе]] (15) Святѣйшемѣ Патріархѣ Никонѣ бысть смертоносная (20) язва въ городѣ Шуѣ отъ (25) 1-го сентября по 12-й день (30) октября. Въ теченіе сего времени (35) померло 560 человекъ, а осталось (40) въ живыхъ 610 человекъ. И (45) оттолѣ поставленъ сей Святый Крестъ (50) Господень въ предбудущіе вѣки Христіанскому (55) роду и для того установлено (60) молебное пѣніе о спасеніи града (70) Шуи на память Симеона Столпника (75) и матери его Марфы.

Начиная с 1830 г. вплоть до конца XIX в. данные надписи неоднократно издавались⁴⁴. Критический анализ данных публикаций на высоком для своего

⁴³ Цифрами в скобках обозначен порядковый номер слова в надписи.

⁴⁴ *Извольский А.* Город Шуя // Вестник Европы, издаваемый М. Каченовским. 1830. № 22–21. С. 233–234 (в сокращении, гражданским шрифтом, по собственной копии); *Борисов В.* Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851. С. 17 (гражданским шрифтом, по собственной копии); *Лядов И. М.* Историческая и современная записка о городе Шуе. М., 1863. С. 25 (в сокращении, гражданским шрифтом, по копии, близкой публикации А. Извольского); *Правдин Е., свящ.* Описание города Шуи и шуйских церквей с приложением Сказания о чудесах от чудотворной иконы Шуйской Смоленской Божией Матери в русском переводе. Шуя, 1884. С. 112 (1-й паг.) (гражданским шрифтом, по публикации В. Борисова); *Миловский Н., свящ.* Часовня Животворящего креста Господня при Шуйской Спасской церкви // Владимирские губернские ведомости.

времени уровне в 1891 г. провёл священник Николай Михайлович Миловский (1861–1927), уроженец Шуи, окончивший Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословских наук. Исследователь предположил, что в основу публикации А. Извольского лёг список с оригинальной надписи, тогда шуйский краевед В. Борисов воспроизвёл её по копии 1770 г. на стене часовни. Исследователь указал на встречающиеся у него фразы «купечество Шуйское», «в течение», а также неточный перевод года от Р.Х. в год от Сотворения мира, которые, по его мнению, указывали на позднейшее происхождение данного памятника эпиграфики⁴⁵. В первом случае свящ. Н.М. Миловский был прав. По наблюдениям В.Б. Перхавко, термин «купечество», хотя и редко, но использовался в XVI–XVII вв. для обозначения купеческого дела и торговли, а с конца XVII ст. стали также обозначать совокупность купцов-профессионалов. При этом понятие «купечество», ещё не обособившегося в отдельную социальную группу, означало профессиональных торговцев, принадлежавших к посадским людям, но не всегда входивших в привилегированные торговые корпорации — Гостиную и Суконную сотни. Как обозначение общности людей, связанных торговыми интересами, термин «купечество» в Московской Руси не употреблялся⁴⁶. Вместо фразы «купечество Шуйское» А. Извольский дал чтение «жители» (А, 30), что подтверждается надписью на упомянутом выше Чудном кресте из Старой Руссы, современном шуйскому: «Илиинской улицы сожители» (С1R4086). Этого же чтения, очевидно, придерживался и И.М. Лядов, автор изданного в 1863 г. исторического очерка о Шуде, где он отмечал, что памятный крест был поставлен «усердием Шуйских граждан»⁴⁷. Термин же «течение» в значении «протекание, прохождение времени» зафиксирован в древнерусском лексиконе⁴⁸. Что же касается датирующей формулы с обозначением числа лет от Сотворения мира и от Рождества Христова появляется в старорусских надписях в конце 40-х гг. XVII в., при этом год от Рождества Христова рассчитывался путём вычитания

1891. № 27. Часть неоф. С. 2 (по собственной копии, гражданским шрифтом); *Он же*. Древняя часовня Животворящего креста Господня при Спасской церкви г. Шуи (Владим. губ.). Историческое описание. Владимир на Клязьме, 1891. С. 16–17 (перепечатка публикации из «Владимирских губернских ведомостей»); *Березин С. М.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5: Шуйский и Ковровский уезды. Владимир, 1898. С. 28 (гражданским шрифтом, по публикации свящ. Е. Правдина); *Миловский Н.М.* Неканонизованные святые города Шуи. Избранные труды и материалы / Сост. В. В. Возилов / Научн. ред. Т.Б. Котлова. Иваново, 2007. С. 86–87 (гражданским шрифтом в современной орфографии, перепечатка из «Владимирских губернских ведомостей»).

⁴⁵ *Миловский Н., свящ.* Древняя часовня Животворящего креста... С. 11–14.

⁴⁶ *Перхавко А.В.* Средневековое русское купечество. М., 2012. С. 203–208.

⁴⁷ *Лядов И.М.* Историческая и современная записка... С. 25.

⁴⁸ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 29. М., 2011. С. 338. s.v. течение. 5.

5509 лет из даты от Сотворения мира⁴⁹. Однако в надписи упоминаются месяцы начала года по древнерусскому календарю — сентябрь и октябрь, что должно давать 7165 г. от Сотворения мира. Вероятно, ошибочное обозначение года было внесено при воссоздании надписи на новом носителе традиционным прибавлением 5508 лет к указанному в надписи 1654 г. от Рождества Христова. Таким образом, вывод свящ. Н. Миловского о несовпадении надписи на стенах часовне и подлинной надписи на кресте является бесспорным. Прав он и в том, что в основу публикации А. Извольского лёг список, сохранивший надпись на деревянном кресте.

Надпись сохранила описание внешнего вида креста и материала, из которого он был изготовлен — «по подобію и изображенію и мѣрѣ стоящаго во храмѣ Воскресенія Христова, что въ Новомѣ Іерусалимѣ изъ трехъ составныхъ дровъ: кедра, кипариса и вмѣсто певга мужжевела» (А, 13–37). Упоминание Животворящего Креста в храме Воскресения Христова в Ново-Иерусалимском монастыре, послужившего образцом для шуйского креста, даёт *terminus post quem* для датировки времени его создания: придел Воздвижения Животворящего Креста Господня в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря был освящён патриархом Никоном 15 сентября 1662 г.⁵⁰ Вместе с тем, на то, что крест был создан до Освященного собора 1666–1667 гг. указывает, с одной стороны, употребление названия «Новый Иерусалим»: по решению собора эта обитель была переименована в Воскресенскую, что на Истре-реке. С другой стороны, с решениями данного собора, очевидно, связано отсутствие в надписи части титула патриарха Никона (Б, 13–16), а именно слова «государь», хотя предваряющее его слово «великий» присутствует во всех публикациях надписи на шуйском кресте. Возможно, эта часть надписи была намеренно уничтожена после решений Освященного собора 1666–1667 гг., осудившего данный титул. Подобные примеры, связанные с *damnatio memoriae* патриарха Никона известны в старорусской эпиграфике⁵¹.

Свидетельство надписи, что крест был изготовлен «по подобію и изображенію и мѣрѣ стоящаго во храмѣ Воскресенія Христова, что въ Новомѣ Іерусалимѣ» (А. 13–27). Данная часть надписи позволяет восстановить форму и размеры Шуйского креста. Семиконечный Ново-Иерусалимский крест имел в высоту 3,4 м; длина верхней перекладины — 71,8 см, центральной — 2,03 м, нижней — 77 см. Сечение бруса 27x10 см⁵².

⁴⁹ Авдеев А.Г. Календарь старорусских надписей // Ползуновский альманах. 2017. № 1. Т. 1. Ч. 1. С. 178–179.

⁵⁰ Зеленская Г.М. Новый Иерусалим. Путеводитель. М., 2003. С. 172.

⁵¹ См.: Авдеев А.Г. *Damnatio memoriae* в старорусской эпиграфике? // Русский мир в пространственно-временном контексте. Сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1. Культура Русского мира: переходный период / Научн. ред. и сост. С.К. Севастьянова, Г.М. Зеленская. Барнаул, 2015. С. 82–89.

⁵² Зеленская Г.М. Новый Иерусалим... С. 185.

Ново-Иерусалимский крест был сделан из кипариса. В отличие от него, Шуйский крест был изготовлен из «изъ трехъ составныхъ дрьвь: кедра, кипариса и вмѣсто певга мужжевела» (А, 28–37). Жители Шуи, таким образом, опирались на христианскую легенду, согласно которой Животворящий крест был изготовлен из трёх частей сросшихся друг с другом деревьев — вертикальный столб из кипариса, поперечная перекладина — из певга, нижняя перекладина (подножие) — из кедр. Сама легенда восходит к пророчеству Исаии: «и слава лѣбнова къ тебѣ придетъ, кипарисомъ, и пѣнкомъ, и кедромъ въ кѣпѣ прославити мѣсто сѣго мое»⁵³ и нашла отражение в православной гимнографии. Например, в песни 7 Канона Кресту на утрени среды 4-й недели Великого Поста: «И́къ кипарисъ мѣрдѣе, и́къ кедръ же вѣрѣ е́лгобо́ннѣ, и́къ пѣнкъ истиннѣи лнко́вь приносѣще, гдѣни крѣтѣ поклонѣмса, на́имъ сла́вще, и́збавѣтелѣ пригвоздѣвшѣагоса»⁵⁴. Самым неясным материалом для жителей Шуи был певг. Певг (от греч. πεύκη — кедр, сосна) — обозначение хвойной породы дерева, которое словарь Лидделла–Скотта–Джонса трактует как название одного из видов средиземноморских видов сосны — *Pinus Laricio Poir.* (синоним: *Pinus nigra Arnold*) (сосна чёрная корсиканская)⁵⁵. Такие тонкости составителям надписи не были известны, и при изготовлении креста в качестве аналога певгу они использовали можжевельник, также относящийся к хвойным породам.

«Историческая» часть надписи на кресте содержит уникальные сведения о моровом поветрии. На настоящий момент это — единственный источник, который сообщает точную продолжительность эпидемии в Шуе — с 1 сентября по 15 октября 1654 г. (Б. 18–30).

Число жертв поветрия, согласно надписи на кресте, составило 560, а число выживших — 610 человек (Б. 35–44), но цифры не кажутся точными. Сказка шуйского земского старосты Патрикея Посникова о масштабах эпидемии, направленная в январе 1655 г. Алексею Михайловичу, называет иное число жертв поветрия — 572 человека в 91 дворе, но не сообщает числа выживших, отмечая лишь то, что после эпидемии уцелело «въ Шуѣ на посадѣ посацкихъ людей и бобылей сто девяносто девять дворовъ»⁵⁶. Схожую цифру — 90 вымерших дворов — сообщает сказка шуйского воеводы Ивана Ивановича Боркова, поданная по запросу из Монастырского приказа в январе 1668 г. В ней же сообщается, что

⁵³ Ис. 60: 13. Библия цитируется по изданию: Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго Завета по языку славенску. М.: Печатный двор, XII.1663. Зёрнова. 306.

⁵⁴ Трѣодъ постная. М.: Печатный двор, 17.03. 1656. Л. 346 (Зёрнова, 265).

⁵⁵ A Greek-English Lexicon / Compl. by H. G. Liddell and R. Scott. A New Edition. Revised and Augmented throughout by H. St. Jones with the assistance of R. McKenzie. Oxf., 1961. P. 1398. s.v.

⁵⁶ Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей / Собр. В. Борисов / Изд. Я. Гарелин. М., 1853. С. 156–157. № 85.

до эпидемии в Шуе было 211 живущих дворов⁵⁷, что противоречит данным об уцелевших после поветрия 199 дворах, представленным Патрикеем Посниковым.

Выделим общие черты, характеризующие данные памятники. Надписи на каждом кресте имеют индивидуальную структуру и, соответственно, набор информативных единиц. Очевидно, все три креста — из Ярославля, Старой Руссы и Шуи — имели особое символическое значение, чего так или иначе касаются все три надписи.

В отличие от ярославского креста, поставленного на дороге за границей города, кресты из Старой Руссы и Шуи были вписаны в пространство посада. Первый был установлен на углу Ильинской и Крестецкой улиц, второй — у городского Спасского собора. И надписи и месторасположение крестов свидетельствовали, что эти памятники являются символом защиты горожан от будущих эпидемий. Вероятно, как остаток этой традиции в дореволюционное время сохранялся обычай установка обыденных крестов на перекрёстках и границах сёл для прекращения мора⁵⁸.

Все три креста были поставлены после окончания эпидемии и, соответственно, носят мемориальный характер как памятники, предназначенные для вечного напоминания жителям городов о «фиале ярости Божьей», пролившемся за их грехи.

Установка крестов вместе с тем отражала покаяние жителей города за грехи и благодарность Богу, Богородице и святым покровителям городов за прекращение смертоносной язвы и сопровождалась установлением особых обрядов — как правило, крестных ходов — в памятные дни, связанные с прекращением эпидемии. Это, в свою очередь, свидетельствует и об обетном характере памятных крестов.

Установка памятных крестов, с которыми связали прекращение губительного поветрия, само по себе считалась чудом. Тем не менее отличный от них ряд реликвий, связанных с моровым поветрием 1654–1655 гг., составляют чудотворные иконы, с заступничеством которых также связывали прекращение эпидемии. В Шуе — это образ Смоленской-Шуйской Божьей Матери, с написанием которой связали завершение поветрия⁵⁹. В Ярославле в этой же связи был прославлен целый ряд икон — Божией Матери Смоленской, одна из которых была обретена

⁵⁷ Борисов В. А. Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. М., 1851. С. 334–335. № 43. Аналогичная сказка, как отмечает В.А. Борисов, была подана казначеем Шуйского Троицкого монастыря старцем Зосимой с братией.

⁵⁸ Левкиевская И.И. Мор // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. И.И. Толстого. М., 2004. С. 298.

⁵⁹ Гундобин П. Описание Шуйского Воскресенского собора и Сказание о чудесах от чудотворного образа Шуйской-Смоленской Божией Матери, находящейся при Воскресенском соборе. М., 1862. С. 48–50.

в Успенском кафедральном соборе⁶⁰, другая — в Смоленском монастыре, что на Бору⁶¹, а также образ Спаса Нерукотворного (Спаса Ярославского) в Спасо-Пробойинской церкви⁶². В Вологде спасителем города сочли обыденный образ Спаса Всемиловитого, написанный во время поветрия⁶³. Жители Нерехты полагали, что избавлению от эпидемии, опустошившей ближайшие окрестности города, но «остановившейся» в одной версте от него, они обязаны защите от Владимирской иконы Божьей Матери, которая была передана в 1636 г. из Ярославля в местный Сретенский монастырь и уже прославилась чудотворениями. Святыня, как считали нерехтчани, уберегла и тех горожан, которые по торговым делам находились в других уездах⁶⁴.

Однако в отличие от чудотворных икон, списки с которых в последующие века расходились по российским городам и весям, памятные кресты, хранившие память об эпидемии, были единичны и уникальны и оставались реликвиями локального значения.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена деревянным Голгофским крестам, поставленным в память о моровом поветрии 1654–1655 гг. в Старой Руссе и Шуе. В историографии данное поветрие обычно характеризуется как эпидемия чумы, но данные источников, приведённые в статье, позволяют считать её эпидемией сибирской язвы. Надписи и месторасположение памятных крестов, установленных в Старой Руссе и Шуе, свидетельствуют, что эти памятники носили мемориальный характер и рассматривались как символ защиты горожан от будущих эпидемий.

⁶⁰ Изд.: Сказание о обретении чудотворной иконы пресвятыя Владычицы наша Богородицы и приснодевы Марии, Одигитрии нарицаемая Смоленская, принадлежащей Ярославскому Успенскому собору // ЯЕВ. 1872. № 41. Часть неоф. С. 327–331; Сказание о иконе пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии честныя и славныя Одигитрии, яже имеется в Ярославле в соборной церкви у царских врат // ЯЕВ. 1873. № 2. Часть неоф. С. 10–15.

⁶¹ Изд.: Руди Т.С. Два Сказания о чудотворных святынях Смоленского, что на Бору, монастыря под Ярославлем // ТОДРЛ. 2001. Т. LI. С. 378–383.

⁶² Соловьёв И.П., *свящ.* Ярославский Спасопробойинский обыденный храм. Ярославль, 1869; *Лествицын В. И.* Другая редакция... С. 19–20; см. также: Буланин Д. М. Сказание о иконе Спаса Нерукотворного и построении обыденной церкви в Ярославле // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т — Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 622–623.

⁶³ Сказание о моровой язве... С. 620–630.

⁶⁴ Диев М. Я., *прот.* История города Нерехты. Кострома, 2012. С. 21, 22; Назаретский И., *свящ.* Сказание о находящихся в Владимирской церкви г. Нерехты двух прославленных чудотворениями святых иконах Божией Матери, именуемых «Владимирскими». Кострома, 1887. С. 25–26.

Установка крестов вместе с тем отражала покаяние жителей города за грехи и благодарность Богу, Богородице и святым покровителям городов за прекращение эпидемии и сопровождалась установлением особых обрядов — как правило, крестных ходов — в памятные дни, связанные с прекращением эпидемии. Это, в свою очередь, свидетельствует и об обетном характере памятных крестов.

Ключевые слова: эпиграфика Московской Руси, XVII век, эпидемии, сибирская язва, история медицины в России, памятные кресты, чудотворные иконы, Ярославль, Шуя, Старая Русса.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев А.Г. Новые эпиграфические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси // Вестник ПСТГУ. 2012. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 1 (44). С. 121–132.

Авдеев А.Г. Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV — вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения. М., 2015. С. 263–277.

Авдеев А.Г. Damnatio memoriae в старорусской эпиграфике? // Русский мир в пространственно-временном контексте. Сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1. Культура Русского мира: переходный период / Научн. ред. и сост. С.К. Севастьянова, Г.М. Зеленская. Барнаул: изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2015. С. 82–89.

Авдеев А.Г. Календарь старорусских надписей // Ползуновский альманах. 2017. № 4. Т. 1. Вып. 1. С. 177–189.

Авдеев А.Г. Малоизвестные эпиграфические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси // Palaeoslavica. 2019. Т. XXVII. № 1. С. 8–28.

Авдеев А.Г. Намогильная плита Евфимии Васильевны Гаврениной, из Троицкого Рябова монастыря // «По пути времени...» 2017–2018. Вып. 7. Тверь, 2019. С. 194–209.

Березин С.М. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5: Шуйский и Ковровский уезды. Владимир: типо-лит. В.А. Паркова, 1898. — 505, VII с.

Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго Завета по языку славенску. М.: Печатный двор, XII.1663. Зёрнова. 306.

Борисов В. Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М.: в тип. Ведомства Московской Городской Полиции, 1851. — III, 464, II с.

Брикнер А.Г. Чума в Москве в 1654 году // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1884. Т. XVI. С. 5–22.

Буланин Д.М. Сказание об иконе Спаса Нерукотворного и построении обыденной церкви в Ярославле // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т — Я. Дополнения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 622–623.

Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки). М.: Медгиз, 1960. — 397 с., ил.

Виноградова Е.А., Федышины Н.Н. и И.Н. Икона из Вологодского Спасо-Всеградского собора «Спас Всемилостивый (Обыденный)» и её списки в собрании Вологодского музея-заповедника // Вестник Псковского государственного университета. 2013. Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 2. С. 188–202.

Высоцкий Н.Ф. Чума при Алексее Михайловиче 1654–1655. Казань: изд-во Императорского университета, 1879. — 25 с.

Город Кашин. Материалы для его истории / Собр. И.Я. Кункин. Вып. 1. М.: изд. ОИДР, 1903. — VIII, 102, II с.

Диев М.Я., прот. История города Нерехты. Кострома: ЗАО «Линия Кострома График», 2012. — 135 с., ил.

Житие протопопа Аввакума / Изд. подг. Н.С. Демкова и Л.В. Титова. СПб.: Наука, 2019. — 453 с., ил. (*Литературные памятники*).

Житие святого благоверного царевича Димитрия Иоанновича Углицкаго. Углич, 2009 (*Письменные памятники древнего Углича. Кн. 1*).

Записки времени Алексея Михайловича и его преемников // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 256–261.

Зеленская Г.М. Новый Иерусалим. Путеводитель. М.: Радуга, 2003. — 384 с., ил.

Зёрнова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М.: тип. ВГБИЛ, 1958. — 152 с.

Извольский А. Город Шуя // Вестник Европы, издаваемый М. Каченовским. 1830. № 22–21. С. 228–236.

Левкиевская И.И. Мор // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. И.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. С. 296–299.

Лествицын В.И. Другая редакция Сказания о Спасопробоинской церкви г. Ярославля. Ярославль: тип. Губернской земской управы, 1874. — 21 с.

Летописец 1619–1691 гг. // ПСРЛ. Т. 31. М.: Наука, 1968. С. 180–206.

Лядов И.М. Историческая и современная записка о городе Шуе. М.: тип. И. Чуксина, 1863. — 42 с.

Маринин Л.И., Онищенко Г.Г., Кравченко Т.Б., Дятлов И.А., Тюрин Е.И., Степанов А.В., Никифоров В.В. Сибирская язва человека: эпидемиология, профилактика, диагностика. Смоленск: ЗАО МП «Гигиена», 2008. — 416 с.

Маркелов А.В. Влияние местнотимых икон и святых Волго-Камского региона на общественную жизнь (на примере Вятской епархии второй половины XVII века) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3 (1). С. 34–46.

Миловский Н., свящ. Древняя часовня Животворящего креста Господня при Спасской церкви г. Шуи (Владим. губ.). Историческое описание. Владимир на Клязьме: тип. Губернского Правления, 1891. — 33 с.

Миловский Н.М. Часовня Животворящего креста Господня при Шуйской Спасской церкви // Владимирские губернские ведомости. 1891. № 27. Часть неоф. С. 1–3.

Миловский Н.М. Неканонизованные святые города Шуи. Избранные труды и материалы / Сост. В.В. Возилова / Научн. ред. Т.Б. Котлова. Иваново: Референт, 2007. — 208 с.

Назаретский И., свящ. Сказание о находящихся в Владимирской церкви г. Нерехты двух прославленных чудотворениями святых иконах Божией Матери, именуемых «Владимирскими». Кострома: в типо-лит. Ф.А. Фальк, 1887. — 31 с.

[*Никон, патр.*]. Поучение о моровой язве. М.: Печатный двор, [после 6 сентября 1656] (Зёрнова, 240).

Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XI. М.: Языки русской культуры, 2000. — 264 С. разд. паг.

Новгородская I летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 101–427.

Новгородский хронограф XVII в. // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 273–323.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указат. А.М. Ловягина. СПб.: изд-во А. С. Суворина, 1906. — 6, XXXII, 528 с.

Перхавко В.Б. Средневековое русское купечество. М.: Куликово поле, 2012. — 624 с.

Погодин М.П. О церкви Гребневския Божия Матери, что на Лубянке // Молва. 1834. Ч. 8. № 36. С. 133–142.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. I. С 1649 по 1675. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. — 1029 с.

Полянский М. И. Иллюстрированный историко-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород: типо-лит. В. И. Павлова, 1885. — 338, 124, X с.

Правдин Е., свящ. Описание города Шуи и шуйских церквей с приложением Сказания о чудесах от чудотворной иконы Шуйской Смоленской Божией Матери в русском переводе. Шуя: лит.-тип. Я. И. Борисоглебского, 1884. — 183, 112 с., ил.

Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М.: Языки русской культуры, 2001. — 312 С. разд. паг.

Пылаев В. Старая Русса. Ч. 1: Исторический очерк города. Сергиев Посад: тип. Троице-Сергиевой лавры, 1916.– 247 с.

Рихтер В. История медицины в России. Ч. II. М.: в Университетской тип., 1820. — II, XVIII, 352, 161 с.

Руди Т.С. Два Сказания о чудотворных святынях Смоленского, что на Бору, монастыря под Ярославлем // ТОДРЛ. 2001. Т. LII. С. 378–383.

Савваитов П.И. Чудный крест в Старой Русе. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1873. — 6 с.

Савваитов П.И. Чудный крест в Старой Русе // ИРАО. Т. VIII. Вып. 1. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1877. Стб. 54–56.

Севастьянова С. К. Святейший патриарх Никон. Окружное послание о моровой язве // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник трудов конференции / Сост. и научн. ред. Г.М. Зеленская. Вып. III. М.: Лето, 2011. С. 313–324.

Сказание о иконе пресвятыя Владичицы наша Богородицы и Приснодевы Марии честныя и славныя Одигитрии, яже имеется в Ярославле в соборной церкви у царских врат // ЯЕВ. 1873. № 2. Часть неоф. С. 10–15.

Сказание о моровой язве // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 620–630.

Сказание о обретении чудотворныя иконы пресвятыя Владычицы наша Богородицы и приснодевы Марии, Одигитрии нарицаемая Смоленския, принадлежащей Ярославскому Успенскому собору // ЯЕВ. 1872. № 41. Часть неоф. С. 327–331.

Скрижаль. М.: Печатный двор. X. 1656. (Зёрнова. 266).

Соловьёв И.П., свящ. Ярославский Спасопробойнский обыденный храм. Ярославль: изд. церковным старостою ярославским купцом М. И. Швецовым, 1869. — 211, IV с.

Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей / Собр. В. Борисов / Изд. Я. Гарелин. М.; в тип. В. Готье, 1853. — XVI, IV, 400 с.

Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. Кн. 1: Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. — 468 с., ил.

Толстой М.В. Святыни и древности Старой Руссы. М.: Университетская тип., 1878. — 32 с.

Триодъ постная. М.: Печатный двор, 17.03. 1656. (Зёрнова, 265) .

Блаженный Симеон Солунский. Объяснение православных богослужений, обрядов и таинств. Оранта, 2010. — 512 с.

Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Чёрной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII — первая половина XV вв.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. — 304 с.

Шляпкин И.А. Древние русские кресты. I. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб.: тип. Н. Н. Скороходова, 1906. — 38 с., XXIII табл.

Шпилевский С.М. О чуме в Казани в царствование Алексея Михайловича (заметка по поводу двух предыдущих сообщениях) // Сборник статей о чуме, изданных Обществом Казанских врачей. Вып. 1. Казань: в Университетской тип., 1879. С. 53–55.

Ядрышников В.А. Архитектура Старой Руссы XII — начала XX века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. — 408 с., ил.

A Greek-English Lexicon. Compl. by H. G. Liddell and R. Scott. A New Edition. Revised and Augment throughout by H. S. Jones. Oxf.: University Press, 1961. — XLVIII, 2111 p.

Symeon Thesssalonicensus. De fide, ritibus et mysteriis ecclesiasticis // PG. T. CLV. P.: exc. J. P. Migne, 1866. Col. 25–1020.

SUMMARY

Avdeev A.G.

Two Little-Known Witnesses of the Pestilence of 1654–1655: Memorial Crosses from Staraya Russa and Shuya

The paper discusses the wooden Calvary Crosses erected in remembrance of the pestilence of 1654–1655 in Staraya Russa and Shuya. In historiography, this pestilence is usually characterized as a plague epidemic, but the data from the sources given in the article allows us to consider it an anthrax epidemic. The inscriptions and location of the crosses installed in Staraya Russa and Shuya indicate that these monuments were of a commemorative nature and were seen as a symbol protecting the citizens from future epidemics. At the same time, the erection of the crosses reflected the repentance of the residents of the cities for their sins, as well as their gratitude to God, the Mother of God, and the patron saints of the cities for ending the epidemic, and was accompanied by the establishment of special rites — usually religious processions — on memorial days associated with the end of the epidemic. This, in turn, also testifies to the votive nature of the memorial crosses.

Keywords: epigraphy of Moscow Rus, 17th century, epidemics, anthrax, history of medicine in Russia, memorial crosses, miraculous icons, Yaroslavl, Shuya, Staraya Russa.

REFERENCES

Avdeev A.G. Damnatio memoriae v starorussoj epigrafike? *Russkij mir v prostranstvenno-vremennom kontekste. Sbornik materialov vsersijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Part 1. Kul'tura Russkogo mira: perekhodnyj period. S.K. Sevast'yanova, G.M. Zelenskaya (eds.). Barnaul, izdatel'stvo Altajskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2015, pp. 82–89.

Avdeev A.G. Kalendar' starorussskikh nadpisej. *Polzunovskij al'manakh*, 2017, no. 4, vol. 1, issue 1, pp. 177–189.

Avdeev A.G. Maloizvestnye epigraficheskie istochniki o morovom povetrii 1654 g. v Moskovskoj Rusi. *Palaeoslavica*, 2019, vol. XXVII, no. 1, pp. 8–28.

Avdeev A.G. Namogil'naya plita Evfimii Vasil'evny Gavrenevoj, iz Troickogo Ryabova monastyrya. "Po puti vremeni..." 2017–2018. Issue 7, Tver', 2019, pp. 194–209.

Avdeev A.G. Novye epigraficheskie istochniki o morovom povetrii 1654 g. v Moskovskoj Rusi. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo universiteta*, 2012. Ser. II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Issue 1 (44), pp. 121–132.

Avdeev A.G. *Valunnye nadgrobiya Verkhnevolzh'ya (konec XV — vtoraya tret' XVIII v.): voprosy genezisa, bytovaniya i istochnikovedeniya*. Moscow, 2015, pp. 263–277.

Blazhennyj Simeon Solunskij. *Ob'yasnenie pravoslavnykh bogosluzhenij, obryadov i tainstv*. Oranta, 2010, 512 p.

Bulanin D.M. Skazanie ob ikone Spasa Nerukotvornogo i postroenii obydennoj cerkvi v Yaroslavle. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. Issue 3 (XVII v.), part 4. T — Ya. Dopolneniya. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2004, pp. 622–623.

Diev M.Ya., prot. *Istorija goroda Nerekhty*. Kostroma, ZAO "Liniya Kostroma Grafik", 2012, 135 p.

Khajdarov T.F. *Epokha "Chyornoj smerti" v Zolotoj Orde i privilegijachikh regionakh (konec XIII — pervaya polovina XV vv.)*. Kazan': In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018, 304 p.

Levkievskaya I.I. *Mor. Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'*. Tolstoy I.I. (eds.) Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, pp. 296–299.

Marinin L.I., Onishchenko G.G., Kravchenko T.B., Dyatlov I.A., Tyurin E.I., Stepanov A.V., Nikiforov V.V. *Sibirskaya yazva cheloveka: epidemiologiya, profilaktika, diagnostika*. Smolensk, ZAO MP "Gigiena", 2008, 416 p.

Markelov A.V. Vliyanie mestnochtimykh ikon i svyatykh Volgo-Kamskogo regiona na obshchestvennyy zhizn' (na primere Vyatskoj eparkhii vtoroj poloviny XVII veka). *Vestnik Iyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2010, no. 3 (1), pp. 34–46.

Milovskij N.M. *Nekanonizovannye svyatye goroda Shui. Izbrannye trudy i materialy*. Sost. V.V. Vozilov. T.B. Kotlova (eds.). Ivanovo, Referent, 2007, 208 p.

Perkhavko V.B. *Srednevekovoe russkoe kupechestvo*. Moscow, Kulikovo pole, 2012, 624 p.

Rudi T.S. Dva Skazaniya o chudotvornykh svyatynyakh Smolenskogo, chto na Boru, monastyrya pod Yaroslavlem. *Trudy otдела drevnerusskoj literatury*, 2001, vol. LII, pp. 378–383.

Sevast'yanova S.K. Svyatejsij patriarch Nikon. Okruzhnoe poslanie o morovoj yazve. *Nikonovskie chteniya v muzee "Novyj Ierusalim"*. Sbornik trudov konferencii. G.M. Zelenskaya (eds). Issue III. Moscow, Leto, 2011, pp. 313–324.

Supotnickij M.V., Supotnickaya N.S. Oчерки istorii chумы. Book 1: Chuma dobakte-riologicheskogo perioda. Moscow, Vuzovskaya kniga, 2006, 468 p.

Vasil'ev K. G., Segal A. E. *Istoriya epidemij v Rossii (Materialy i oчерki)*. Moscow, Medgiz, 1960, 397 p.

Vinogradova E.A., Fedyshiny N.N. i I.N. Ikona iz Vologodskogo Spaso-Vsegradskogo sobora “Spas Vsemilostivyj (Obydennyj)” i eyo spiski v sobranii Vologodskogo muzeya-zapovednika. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013. Ser. Social'no-gumanitarnye nauki. Issue 2, pp. 188–202.

Yadryshnikov V.A. *Arkhitektura Staroj Russy XII — nachala XX veka*. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkeo, 2010, 408 p.

Zelenskaya G.M. *Novyj Ierusalim. Putevoditel'*. Moscow, Raduga, 2003, 384 p.

Zyornova A.S. *Knigi kirillovskoj pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyj katalog*. Moscow, tip. VGBIL, 1958, 152 p.

Л.П. Горюшкина

Моровые поветрия, карантинные меры и Церковь в XVI столетии

Моровые поветрия, терзавшие Московское государство в XVI в., уже становились предметом изучения. Исследователями рассматривались характер и клиническая картина терзавших страну эпидемий, пути их распространения, география и сезонность. Было отмечено, что моры появлялись обычно на западных окраинах, чаще всего в Новгороде и Пскове, начинались в конце лета и продолжались всю осень до января¹. Причиной поветрий обычно называется чума, однако лапидарность сведений о симптомах болезней позволяет предполагать также сибирскую язву, «английскую потницу», оспу и сыпной тиф².

Было обращено внимание и на отношение современников к событиям. Моры воспринимались как Божие наказание, поэтому логичной мерой была постройка обетных церквей. В то же время практически все исследователи, касавшиеся моровых поветрий в XVI столетии, отмечают введение карантинных мер, направленных на локализацию эпидемий³.

¹ *Эккерман В.* Материалы для истории медицины в России. (История эпидемий X–XVIII вв.). Казань, 1884. С. 52–54; *Богоявленский Н.А.* Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960. С. 108; *Апонасенко А.* Черная смерть: Как боролись с чумой в XVI веке // *Родина*. 2004. № 12. С. 97.

² *Эккерман В.* Указ. соч. С. 37–38, 42–44, 51–54; *Богоявленский Н.А.* Указ. соч. С. 121; *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960. С. 39–43, 48–49.

³ *Эккерман В.* Указ. соч. С. 42–44, 51–54; *Лахтин М.* Борьба с эпидемиями в допетровской Руси. М., 1909. С. 5, 8–9; *Альшиц Д.Н.* Неизвестные послания Ивана Грозного // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 427–428; *Богоявленский Н.А.* Указ. соч. С. 111–112; *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* Указ. соч. С. 41, 48–49; *Апонасенко А.* Указ. соч.; *Аракчеев В.А.* Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004. С. 27, 30, 33; *Медведь А.Н.* Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб., 2017. С. 52–55, 58–60; *Селин А.А.* Московские карантинные. Борьба с моровыми поветриями в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020. С. 5–6, 24–26.

В настоящей работе мы предлагаем посмотреть, как люди жили в условиях эпидемий. Что происходило в стране, как реагировали на это власти и как реагировала на это церковь (как институт и как сообщество верующих).

Эпидемии крайне редко в XVI в. попадали на страницы официальных летописей, большинство известий происходит из летописей региональных — новгородских и псковских, а также монастырских (Соловецкий летописец, летописчики насельников Иосифо-Волоцкого монастыря). Картину дополняют известия посольских книг (о ситуации на рубежах), а также отдельные сохранившиеся административные документы, записки иностранцев и послания духовных лиц.

Привлекаемые источники упоминают следующие моры, потревожившие русские земли: 7014 (1505/1506) г., Псков; 7015–7016 (1506–1507) г., Великий Новгород; 7029–7030 (июль 1521 — февраль 1522) г., Псков; 7040–7041 (июль 1532 — декабрь 1532) г., Псков; 7041 (октябрь 1532 — январь 1533) г., Великий Новгород; 7060–7061 (июнь — ноябрь и июль — декабрь 1552) г., Псков и Великий Новгород; 7074–7075 (1566–1567) г., Великий Новгород, Псков, Полоцк, Озерища, Невель, Великие Луки, Торопец, Можайск, Смоленск; 7079–7080 (июль 1571 — январь 1572) г., Москва с округой, Кострома, Великий Новгород. Также материал для наблюдений дают известия о поветриях в соседних странах, поскольку возникали различные дипломатические казусы: 7023–7024 (1515–1516) г., посольство из Крыма; 7031–7032 (1523–1524) г., посольство в Османскую империю; 7039 (1530–1531) г., Колывань (Таллин); 7040 (октябрь 1531 — февраль 1532) г., посольство из Великого княжества Литовского.

Рассмотрим подробнее эти известия.

7014 (1505/1506) г., Псков. Сведения об этой эпидемии сохранились только в псковских летописях: «Того же лета бысть мор во Пскове зол вельми: мряхоу бо моужи и жены и малые дети, и по пригородом и по волостем; а то морь безымянной мряхоу бо людеи много»⁴. Очевидно, от мора пострадал не только город, но и прилегающие области, болезнь свирепствовала и унесла много жизней, однако подробностей, когда именно город пострадал от эпидемии, каков был характер заболевания и какие меры принимались, летописи не сообщают.

7015–7016 (1506–1507) г., Великий Новгород. Сведения вновь сохранились только в новгородских и псковских летописях, но изложены подробнее. Летописцы указывают, что мор был в 7015 (1506/1507)⁵ или 7016 (1507/1508)⁶ г., однако

⁴ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 91; М., 1955. Вып. 2. С. 225.

⁵ Там же.

⁶ *Коняевская Е.Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 372. (Далее — Большаковская летопись).

дальше конкретизируют: «тои бысть морь по 3 лета, въ последнюю же осень, в лето 7016»⁷ / «того бысть по три осени; последнюю же осень, лета 7016»⁸. Можно предположить, что эпидемия началась ещё осенью 1505 (7014) г., одновременно с псковской (и возможно, отсюда и пришла), однако критического уровня события достигли позднее, в 1506–1507 гг., после чего мор пошёл на спад. Указанное для 1507 г. внушительное число погибших — 15 396 человек — вероятно, завышено, но позволяет оценить масштаб бедствия глазами летописца. Характер болезни указывается как «морь железю великъ», из чего исследователи делают предположение, что речь могла идти об эпидемии чумы. Летопись не связывает это напрямую с мором, но, вероятно, именно по случаю эпидемии в октябре 1507 г. было решено построить обydенную церковь. Деревянный храм, освящённый в честь Похвалы Богородицы, был воздвигнут на площади у Софийского собора 15 октября (пятница, память препмч. Лукиана). Первую службу в нём совершил новгородский архиепископ Серапион в самый день строительства⁹.

7023–7024 (1515–1516) г., посольство из Крыма. Источники сообщают о морах не только внутри страны, но и у соседей, поскольку московские власти следили за ситуацией на границе (особенно в странах, куда отправляли послов). Так, летопись и посольские книги отмечают «мор» («немошь») в Крыму и Азове в 1515 г. Это не помешало принимать гонцов зимой 1515–1516 г., однако когда осенью 1516 г. великий князь принимал крымского посла, «къ руце къ себе не звалъ и корошеватись того для, что въ Кафе было поветрие, а они [послы. — Л. Г.] были въ ту пору въ Кафе»¹⁰.

7029–7030 (июль 1521 — февраль 1522) г., Псков. Сведения вновь сохранились только в псковских и новгородских летописях, однако в этот раз ситуацию можно описать весьма подробно. Мор начался летом 1521 г.: «почали мерети от Ильина дни» — 20 июля¹¹. Псковичи полагали, что «первое почаша мерети на Петровской улици оу Юрья у Табулова оу сведеного»¹², то есть мор начался с дворов переселённых в Псков москвичей (составитель Псковской 1 летописи специально заметил: «москвичам то бысть посещение Божие моровое не обычно»¹³). Псковские власти попытались локализовать эпидемию. Кн. Михаил

⁷ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 468–469; М., 2004. Т. 43. С. 213. *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 91.

⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 460.

⁹ Там же. С. 460, 468–469; Т. 43. С. 213; *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи... С. 91; *Большаковская летопись.* С. 372.

¹⁰ Сб. РИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 385, 230–231; ПСРЛ. Т. 43. С. 215.

¹¹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 102; Вып. 2. С. 227, 292.

¹² Там же. Вып. 1. С. 102; Вып. 2. С. 292 (здесь имя передано «у Юрья у Стабунина»).

¹³ Там же. Вып. 1. С. 102.

Кислица «велел оулицу Петровскую заперети с обею концов»¹⁴, но ожидаемого эффекта это не дало. Мор охватил разные слои населения, однако особенно пострадали псковские купцы: «а от гостей и от лютчих людей без мала все не изо-мроша... а гостей хто приметца у кого за живот, и тот весь вымреть»¹⁵. Упомянутый кн. Михаил Кислица, великокняжеский наместник, оставил город и «побеже на Роуху в паствище» — иными словами, «самоизолировался» в сельской местности за городом¹⁶. Однако начавшийся мор не пресёк городскую жизнь. Было закончено строительство (работы начались ещё до эпидемии) каменной церкви Успения на Завеличье (современная ц. Успения с Парома), освящение которой состоялось 15 августа, на престольный праздник. Народ собрался как около освящаемой церкви, так и в Печерском монастыре, чтобы помолиться Владычице о прекращении эпидемии: «и стекошася весь град на освящение, а иные поидоша к Печеру и молящеся пречистей Богородицы о избавлении града нашего, чтобы Господь Бог избавил от поветрея»¹⁷.

Прошёл месяц. Поскольку поветрие не стихало, власти города — князь Михаил Кислица с собором святых Троица» (составитель Псковской 3 летописи демократично полагает, что «великого князя наместник князь Михаил Васильевич Кислои да священники с собором и весь город Псковь»¹⁸) — решили построить обыденную церковь, причем «гости ялися и рожить». То есть содержать причт новой церкви обязалась наиболее пострадавшая от мора группа. Деревянная церковь, посвящённая преп. Варлааму Хутынскому, была построена за ц. Всемилоостивого Спаса на площади 15 сентября за 10 часов и в тот же день освящена. Однако предприятие не повлекло ожидаемый результат: «и ничто же успе, но боле бысть мряхоу»¹⁹. Интересен выбор места: Спасская церковь, рядом с которой возводился обыденный храм, — перестроенная в камне обыденная церковь, возникшая по случаю мора в 1420 г.

В то же время, вероятно, в городе действовали и определённые карантинные меры. Старец Елеазарова монастыря Филофей в послании к дьяку Мисюрю Мунехину упоминает: «пути загражаете, дома печатлеете. попом претите к болящему приходити. мертвых телеса из града далече измещете»²⁰. Речь идёт о том, что были ограничены перемещения между городом и ещё не заражённой округой; внутри города ограничивалось общение с домами, в которых

¹⁴ Псковские летописи. Вып. 1. С. 102; Вып. 2. С. 292.

¹⁵ Там же. Вып. 1. С. 102.

¹⁶ Там же. Вып. 1. С. 102; Вып. 2. С. 292.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Псковские летописи. Вып. 2. С. 227. Впрочем, реальным представителем власти в городе на тот момент, видимо, был дьяк Мисюрь Мунехин. Об этом см.: *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 159.

¹⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 102; Вып. 2. С. 227 (кратко), 292.

²⁰ *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей... С. 27–28.

обнаружились заболевшие (причём распространялось это и на приходящих с исповедью священников); тела умерших в эпидемию воспринимались как потенциальный источник заражения, а потому хоронились за городом.

Постепенно псковские новости достигли столицы: «оуслыша государь нашъ князь великий, что поветрее велико во Пскове, и печаловашеся своею отчиною»²¹. Последовали действия центральных властей: великий князь «повеле своему богомольцу митрополиту воду освящати оу Пречистые в соборные церкви, соборне, с мощей чудотворцов Петра и Алексеи, а самъ государь слезы пролиа на молебне, аки некий водный источникъ... и посла митрополитъ своего гонца²² во Псков со святою водою, а на Новгороде тогда не бысть владыки, и к той святой воде свою приложиша у святыхъ Троицы, и освяща ю соборне, и подаваше ю священником по приходом, и велеша им дворя кропити и люди»²³. Также из Москвы последовало распоряжение о строительстве двух церквей. Во-первых, великий князь в Пскове «повеле церковь поставити Покров пресвятей Богородицы из своей казны, и попов роужити». То есть средства на строительство церкви, а также на содержание причта были выделены из великокняжеской казны. Эту церковь действительно «начаша рубити с теремцами на Петровской улицы оу Креста, где Мотыльная гридница преже бывала». Отмечается, что строительство шло, когда «поветрее оуже нача переставати». Храм был, вероятно, деревянным, освятили его 2 февраля, на Сретение Господне, и, как замечает летописец, «мор переста»²⁴. Позднее церковь перестраивалась и до нас дошла уже перестроенной в камне в первой половине XVII в. — современная ц. Покрова от Торга²⁵. Во-вторых, великий князь распорядился построить церковь и в Новгороде. «Прислалъ государь князь великий Василей Ивановичъ всеа Русии дворецкому Ивану Костянтиновичю и дякомъ Новгородскимъ и повеле поставити церковь, понеже тогда поветрие бысть во Пскове велико; и поставиша церковь древяную Покровъ святей Богородицы въ Каменомъ городе единымъ днемъ всего града народомъ; и честные игумены и священницы святей Софеи и всего града священницы молебная певше и церковь свящаша, и святую литургию совершивше, месяца ноября в 21 день, на Введение святей Богородицы; Божією милостію оттоле нача легчае

²¹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 102; Вып. 2. С. 292.

²² Вариант «послалъ митрополита своего со святою водою» предполагается неверным. См.: Псковские летописи. Вып. 2. С. 292.

²³ Там же. Вып. 1. С. 102; Вып. 2. С. 292.

²⁴ Там же. О строительстве двух церквей по случаю мора, но без подробностей, см.: Псковские летописи. Вып. 2. С. 227.

²⁵ Как лаконично замечает про эти стройки летописец, «в лето 7030. Замыслиша великого князя наместникъ князь Михаило Васильевичъ Кислой да священники с собором и весь город Псковъ, и поставиша церковь святого Варлама подле всемилостиваго Спаса; и мор не преста. И паки поставиша другую церковь Покровъ святей Богородицы, рекше оу Мотыльной гридницы; и преста моръ». Псковские летописи. Вып. 2. С. 227.

быти поветрие и по мале преста; а на обедне простила святая Богородица детище 12 лет слепо очима»²⁶. Таким образом, мор начал стихать к концу ноября, а к началу февраля 1522 г. прекратился. Летописец попытался передать масштаб псковских бедствий: «много дворовъ вымерло и стояли пусты; и в одну скуделницу мертвыхъ положили десять тысячъ и полторы тысячи»²⁷.

7031–7032 (1523–1524) посольство в Османскую империю. В те же годы страдали от поветрия и южные соседи Московского государства. В марте 1523 г. государь отправил в Османскую империю посольством И.С. Морозова Брюхова с товарищами, а летом (по сообщению посла, с Петрова дни, 29 июня) там явилось «лихое поветрее». Посланники прибыли в Царьград 26 августа и оставались там до 30 сентября, что совпало с пиком эпидемии. В статейном списке они отметили, что «во Царегороде по всем городным воротом пишут колко которого дни из города людеи вынесут і велика и мала. Ино деи на всяк день вынесут из города тысячу двесте человекъ а на иной день болши того», причем когда они поехали из города, «поветрее от часу пускает», «поветрее в Царегороде еще велико». В Ак-Кермене же, куда послы прибыли в конце октября, поветрие унялось до их приезда. Ещё во время пребывания в столице «гостеи и торговых людеи и казаков и татар... в Царегороде не стало многих», потом на обратном пути в караване у посла умерло ещё 6 человек²⁸.

Поэтому когда отправленные впереди посла гонцы прибыли в марте 1524 г. в Новгородок, в столицу их не пустили, но специально прислали человека переписать грамоты и уже списки доставить в Москву²⁹. Сам посол прибыл в апреле в Путивль, но вновь в столицу отправили только списки грамот. Государь распорядился, чтобы и И.С. Морозов Брюхов, и прибывший турецкий посол Скиндер оставались в Новгородке до особого распоряжения из столицы, причем и у послов, и у гостей «рухлядь... всю велел трясти для поветреа»³⁰. Только в июне поступило распоряжение послам ехать из Новогородка³¹.

7039 (1530–1531) г., Колывань (Таллин). Летопись зафиксировала мор в Колывани, однако сроки мора, как и его характер в известии не конкретизируются³².

²⁶ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 281; Т. 43. С. 216. *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 99.

²⁷ Там же.

²⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 274 об., 286.

²⁹ Там же. Л. 265 об. — 266.

³⁰ Там же. Л. 275, 276.

³¹ Там же. Л. 290.

³² ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 60 (Шумиловский сп.); *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 112.

7040 (октябрь 1531 — февраль 1532) г., послы из Великого княжества Литовского. В феврале 1532 г. к рубежам Московского государства прибыли литовские послы И. Б. Сапега с товарищами. Однако на границе вышла заминка, поскольку «вести многие были у великого князя, что в Литовской земле поветрее было». В соответствии с этими вестями «князь велики велель по рубежамъ беречи, чтобъ изъ Литовскіе земли въ Московскую землю не ездилъ никаковъ [человек]». Интерес представляет список вопросов, на которые под присягой (по крестному целованию) должны были ответить послы, а также инструкции, привязанные к возможным ответам: «еще ли в Литовской земле поветрее, или минулося? и будетъ минулося, ино сколь давно перестало? и скажутъ послы, что в Литовской земле поветрея нетъ, ино было да перестало месяцъ, и послы бы пошли в Смоленскъ; а будетъ поветрее еще не перестало, или перестало, а менши месяца, и послы бъ побыли в Орше». Иными словами, требовался месячный карантин. Послы под присягой ответили, что «было поветрее в Вилне о Покрове недели съ две или съ три; а всех умерло человекъ съ сорокъ, или съ пятьдесятъ, убогихъ людей, да и минулося. А мы пошли отъ своего государя отъ короля по Рождестве Христове на четвертой день изъ Кракова; а шли есмь по государя своего земле по Литовской, а нигде поветрея не слыхали». Очевидно, серьезность «поветрия» всячески умалялась (короткий срок, пострадала только чернь), но важно было, что в путь послы отправились, когда опасность уже миновала. Любопытно, что выставленные заставы на дорогах сами послы восприняли, видимо, совсем не в контексте карантинных мер: «какъ къ намъ пришла вѣсть, что на рубеже сторожи, а государя нашего людей в Смоленскъ не пуцаютъ, и мы послали о томъ къ королю, и какъ будетъ намъ отъ короля каковъ человекъ, и мы... часа того листъ пришлемъ, велить ли намъ король идти ли намъ къ великому князю, или не велить»³³. Впрочем, ситуация разрешилась благополучно, и в марте послов уже принимали в Москве³⁴.

7040–7041 (июль 1532 — декабрь 1532) г., Псков. Известия о море опять происходят только из псковских и новгородских летописей. Сообщается, что «Божіимъ попущеніемъ, бысть во Пскове моръ великъ, нача отъ месяца іюля и до Христова Рождества»³⁵, пик же возможно пришѣлся на осень: «моръ бысть тоую всю осень во Пскове»³⁶. Как сообщает новгородский летописец, мор, охватив-

³³ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 846.

³⁴ Там же. С. 846–847.

³⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 289–290; Т. 13. С. 64 (Шумиловский сп.); Т. 43. С. 223; *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 114. Просто указание на мор (без дат): Псковские летописи. Вып. 1. С. 105; Вып. 2. С. 227.

³⁶ Псковские летописи. Вып. 1. С. 105.

ший тогда Псков, Новгород и окрестные села, был «зелезоу, мозолу черного нежитовицею... коиждо поболе тоу мозолу нне, на утрия же і погребоша», то есть после проявления симптомов заражённый погибал в считанные часы³⁷. Городские власти вновь из города «самоизолировались», оставив жителей самим разбираться с ситуацией: «яко и воеводамъ градскимъ и сановникомъ изъ града, плача ради людского и страха ради смертнаго, вонъ выехати, койждо въ селехъ и местехъ тайныхъ кряххуся и живяху»³⁸. Внимание к бедствующему городу проявили новгородский архиерей, в епархию которого входил город, и великий князь с митрополитом. Сценарий повторил события 1521 г.: «слышав сия боголюбивыи архиепископъ Макарии, и поучая игумены и священники, и сам входя в соборную церковь святую Софию, молебная совершая и мощи святых омывая, и посылаша святую воду по всему Новугороду и Пскову. И то слышав, государь князь велики Василеи Иванович всеа Руси и о[т]ецъ Данил митрополить всеа Руси прислаша святыя воды от себе с Москвы на освещении православнымъ хрестияномъ, и оттоле нача Божие милосердие быти во Пскове, по мале и поветрие преста»³⁹. В город вновь была послана освященная вода из Новгорода и из Москвы. Также великий князь вновь приказал строить обыденную церковь на средства своей казны: «и присла князь великии во Псков къ своим дьяком, к Четвертки к Терпигореву, да Колтыре Ракову, и Ивану Шамскому, и повеле имъ князь великии из своеи казны церковь поставити обыденную, кои храм миру оугожь; и паде жребей на святого архистратига Гаврила, и поставиша церковь святого Гаврила у Михайловских воротъ, на Обакумове дворище Можайча сведена, против дьяских дворов, и поставиша и освяща ю въ день единъ, месяца декабря въ 14; а оуже поветрие преставае»⁴⁰. Точное расположение этой церкви спорно, но можно предположить, что она находилась недалеко от Михайловских ворот Окольного города (и в таком случае мор снова затронул район проживания переселённых во Псков москвичей). Интересен и выбор посвящения: летописец не сообщает, какие были альтернативы при жеребьёвке, но выпавшее празднование архангелу Гавриилу (26 марта) имеет прямое отношение к великому князю — Василий III родился в ночь с 25 на 26 марта. Возможно также, постройка церкви могла быть одновременно связана и с псковским мором, и с недавним рождением у великого князя сына Юрия (30 октября).

Кроме того, владыка Макарий по всей своей епархии, включающей псковские и новгородские земли, «соборне і по всему граду, и по монастырем, і по околним

³⁷ Большаяковская летопись. С. 376.

³⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 289–290; Т. 13. С. 64 (Шумиловский сп.); Т. 43. С. 223; *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 114.

³⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 289–290 (здесь митрополит не упомянут); Т. 13. С. 64 (Шумиловский сп.); Т. 43. С. 223; *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 114.

⁴⁰ Псковские летописи. Вып. 1. С. 105.

погостом заповедал молебны і моления воспуцати Господу Богу и Пречистей Его Богоматери со слезами, і великим чудотворцомъ, і всемъ святым, непрестанно день і нощь». Призвал он усугубить и личную молитву: «также і по домом комуждо и соборне сотворяти млтвы, о еже пременити Господу Богу гневъ свой настоящій христианомъ»⁴¹.

7041 (октябрь 1532 — январь 1533) г., Великий Новгород. Когда поветрие в Пскове уже бушевало, оно перекинулось и на Новгород. В начале осени 1532 г. жизнь шла своим чередом, было освящено несколько церквей, но в октябре в городе началось поветрие: «месяца октября нача являтися на человекех вред, яко прыщъ, и темъ нача мнози человеци умирати, и бысть поветрие немало»⁴². Впрочем, возможно, речь идёт о пике, а начался мор раньше: «Тое же осени бысть в Новегороде мор железою, мозолю черного нежитовицею... и окресть Новагорода... по селом, от Успенева дни Святій Богородицы»⁴³. Как уже говорилось, сперва архиепископ Макарий призвал усилить соборную и личную молитву: «соборне і по всему граду, и по монастырем, і по околним погостом заповедал молебны і моления воспуцати Господу Богу и Пречистей Его Богоматери со слезами, і великим чудотворцомъ, і всемъ святым, непрестанно день і нощь, і по всей ноугородцкой вотчине и псковской, службы і пенія во святых церквах. Тако же і по домом комуждо и соборне сотворяти молитвы, о еже пременити Господу Богу гневъ свой настоящій христианомъ». Позже, поскольку поветрие не утихало, владыко установил урочный пост (две недели строгого поста с воздержанием даже от рыбы и только одной трапезой в день): «гневу же не престающу Божімъ попущениемъ. Архиепископъ совещавъ советъ сицев: заповедати по всему Новуграду і окрестъ града, и по манастирем постъ, от мала и до велика, мужи і жены, и старцы, и юноша, і младенцы, две недели от мяса і от млека, і от рыб, единою днем». Горожане «радующеся, постишася по научению господина архиепископа Макария і по повелению собора две недели», однако «мор же наипаче боле множашеся в людех, яко многимъ і домомъ затвореномъ быти»⁴⁴. Наконец, «видя же архиепископъ изнеможение града, советъ сотвори со ігумены и со всемъ святым собором Святій Софіи Премудрости Божіи о создании Божіи церкви в заветъ»⁴⁵. Летописец подробно описывает постройку церкви, подчеркивая участие всех горожан: простые люди занимались

⁴¹ Большаковская летопись. С. 376. Здесь и далее орфография упрощается: сокращения раскрываются, выносные буквы вставляются.

⁴² ПСРЛ. Т. 6. С. 290; Т. 13. С. 72–73; Т. 43. С. 223; *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 115–116.

⁴³ Большаковская летопись. С. 376–377. Предполагаем, что указанный год относится к мору, а опорная дата указана для предшествующего, 7040 г.

⁴⁴ Там же. С. 376.

⁴⁵ Там же.

непосредственно стройкой, знатные люди собрали иконостас и необходимые предметы для внутреннего убранства, городской клир подготовил всё необходимое для алтаря, сам же владыка с собором совершал молитву всё время, пока велось строительство: «архиепископъ Макарей нача учити игуменны, и священники, и всех людеи о покаянии и повелел создати церковь древяну⁴⁶, они же с радостию прияху добрый совет святителей: месяца ноября 8 день на Собор архангила Михаила вниде самъ боголюбивый архиепископъ Макарий в соборную церковь святую Софию со игумены, и со всеми священники, и со дьяконы всего града, нача молебная свершати от 2 часа дни, а всему народу градцкому повеле лес имати на рли во Славне и церковь рубити; народи же с радостию начаша овии лес совлачити, инии же рубити, и прочии церковь ставити, а священники всего града шести соборов, по благословению архиепископа Макария, положиша святое Еуаггелие тетро во святомъ олгаре на престоле, украсиша его паволокою чесною и сребромъ, якоже лепо на престоле быти, а христоимениты людие украсиша церковь деисусы, и святыми иконами, и честными кресты и священными сосуды /книгами⁴⁷, яко велми чюдно видети, а пресвященный архиепископъ молебная свершая даиже до вечерняа години Божьею помощию. Егда свершися верхъ у церкви, тогда вниде самъ архиепископъ въ церковь и с нимъ собор святей Софеи, и честныя игумены, всего града священницы, и свьяца самъ во имя святаго и славнаго апостола еуаггелиста Марка по жребию, преже бо во всемъ граде не быша храмов святых еуаггелисть Матфея и Марка, и по жребию поставиша святаго Марка, и святую литоргею свершив яко 2 ноши, и ишед архиепископъ из церкви, поучив игумены, и священники, и весь народ, еже пребывати в посте, и в молитвах, и во всяких добродетелех, и отпусти их». День в ноябре короткий, поэтому освящение обыденной церкви ап. Марка состоялось уже после захода солнца. Летописец связывает постепенное прекращение мора с соборным действием: «Божиею благодатию помале и поветрие преста», уточняя: «не стало от того поветрия в Великомъ Новогороде православных хрестиян мужеска полу и женска тысяща душ и множае»⁴⁸/ «3000 душ и множае»⁴⁹.

Однако на самом деле, вероятно, прошло два месяца, прежде чем мор стих. Только в начале января (летописец указывает на праздник Крещения, 6 января) эпидемия покинула город: «паки моръ не престаша Божиими судьбами, наказующе нас да быхом престаи от грехъ. Милостию Божиею і умолением Пречистей Его Богоматере и великих чюдотворцевъ, і всехъ святых, и молитвами святого

⁴⁶ Единым днем. ПСРЛ. Т. 6. С. 290.

⁴⁷ В разных вариантах этого известия приводятся разные вклады донаторов.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 290; Т. 43. С. 223; *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 115–116.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 72–73.

архиепископа Макария і честнаго собора и преподобныхъ ігуменовъ, і иереевъ, и інокѡвъ молитвами преста мор месяца генваря въ 6 день. І бысть тишина во всемъ мире»⁵⁰.

7060–7061 (июнь — ноябрь и июль — декабрь 1552) г., Псков и Великий Новгород. Мор, охвативший города Северо-Запада, был весьма значительным, однако хронология событий оказалась в источниках сбита и запутана.

Составители официальной летописи указывают, что «шестьдесятъ въ первомъ году и шестьдесятъ въ второмъ году бысть Божіе наказаніе во Пскове и въ Великомъ Новеграде, великое поветрее, и по смете въ Новегороде и въ пятинахъ умерло поветреемъ 500 000 человекъ, а наказуя насъ Богъ и приводя къ спасенію»⁵¹. Иными словами, они относят события к 1552–1553 гг. Однако это плохо согласуется с указанием официальных же летописей относительно правящего новгородского архиерея. Мор начался при владыке Серапионе, занимавшем кафедру с 14 июня 1551 г. до своей смерти 29 октября 1552 г.

Вероятно, бедствие продолжалось дольше, чем указано в летописях. Писцовая книга по Новгороду 1583–1584 гг. отмечает смерти «поветрием» и в 7060, и в 7061, и в 7062 гг.⁵²

Сложно сказать, в Новгороде или Пскове первым обнаружился мор «железой». Известий о Пскове немного. Местный летописец приводит число погребённых в скудельнице, по которому можно судить о начале эпидемии в городе. Так, согласно летописи, смертность повысилась ещё летом 1552 г.: с «седьмого четверга» (2 июня) до 7 октября в скудельнице было похоронено около 5000 человек; однако пик пришёлся на осень: с 7 октября по 9 ноября в скудельницу положили 2700 человек, причём особый урон понёс клир города: «бысть мор велик въ граде Пскове и по волостем: с седьмаго четверга октября до седьмаго числа положиша в скуделницу 4 тысячи 8 сот и покопаша, и после того в месяц и в три дни, ноября до 9-го числа, положиша в новоую скуделницу 2000 и семь сотъ и покопаша. Мряхоу бо многие священники и дияконы, младые, а старые Богъ съблюдаше, мнози тогда священники обовдовеша, мроша тогда многие простыя люди железою. Бысть во граде плач неоутишимый, отцы плакаша по детехъ, а дети по отцахъ и по матерехъ, а матери по чадехъ, жены же по мужахъ своихъ, а моужи по женахъ своихъ; и в год положили оу скоуделницахъ польъ третьяцать тысячь, а по буямъ не вемъ колко числом»⁵³. В октябре же, ве-

⁵⁰ Большаковская летопись. С. 376–377. Здесь приведены подробности, как проходила жеребьёвка.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 228, 526; М., 2005. Т. 20. С. 538; М., 2009. Т. 29. С. 214.

⁵² Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 13, 21, 40, 61, 83–84 и др.

⁵³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 233.

роятно по вестям о море, псковские гости и пристольцы были спешно изгнаны из Новгорода⁵⁴.

Ситуация в Новгороде освещена заметно подробнее, однако сведения о начале мора в сообщениях летописцев противоречивы. Соловецкий летописец (под неверным, 7061 г.) сообщает, что «в ыюле месяце при архиепископе Серапионе нача смертоносное поветрие быти в Великом Новеграде и августа вельми сильное, божиим попусцием таково бысть поветрие от Семеня дни да до Николина дни осеннего»⁵⁵. Волоколамский насельник Игнатий Зайцев полагает, что «в лето 7060-го в Новеграде в Великом мор был велик, почали мерети с Оспожина заговейна да мерли и до Вели[ко]го пос[та]»⁵⁶, ему вторит другой волоцкий старец: «того ж лета [7060. — Л. Г.] в Новеграде в Великом мор был людем велик бес числа»⁵⁷. Таким образом, можно предположить, что первые признаки мора проявились летом, осложнилась ситуация в августе, а размах приобрела уже осенью.

В самом начале нового, 7061 года, на Семен день (1 сентября 1552 г.) горожане строят и освящают сразу две обыденные церкви: «архиепископ Серапион повелением царя и государя великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, и помолився вкупе со всем священным собором и с вельможи града и со всем христоробивым народом и поставиша две церкви единого дни древяны, преподобнаго Кирила Белоозерскаго и святаго мученика Христофора, на сам Семен день лета 7061»⁵⁸.

Однако строительство новых церквей не решало внезапно возникший вопрос. В городе был настолько сильный мор, что перестало хватать причастия. «Яко таково попусцие Божие бысть, еже агнец выимают в великий четверток на весь год на причащение православным по всем церквам, и тех агнецов не стало и нечим причащати, а служебными, понеже везде не изоспети». Не все, очевидно, могли дойти в храм, чтобы причаститься «служебными» Дарами (освящёнными на литургии в самый день), а запасные Дары в городе закончились. В современной практике Русской Православной церкви запасные Дары можно освящать по мере необходимости, но в практике XVI в. было принято освящать их только на Страстной неделе⁵⁹. Городские священники в недоумении пришли

⁵⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1965. Т. 30. С. 180.

⁵⁵ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 195; Новикова О.Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 245.

⁵⁶ Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Вып. V. С. 18.

⁵⁷ Там же. С. 9.

⁵⁸ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 195; Новикова О.Л. О второй редакции... С. 245.

⁵⁹ См. Ткаченко А.А. Запасные дары // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19.

к архиепископу, а тот вынужден был обослаться с митрополитом. Когда из Москвы пришли распоряжения, 9 октября владыка с собором освятили запасные Дары для причастия: «И о том священницы приходили ко архиепископу, а архиепископ Серапион повелел имать запасный агнец у себя в соборной церкви во святей Софеи, а сам послал гонца к Москве к митрополиту Макарию, аще тот агнец в соборной церкви изойдет, и где та благодать взяти на причастие православным. И святейший Макарей митрополит прислал грамоту, велел самому архиепископу служить со архимариты и игумены и священники и вынати запасный агнец, каков достоин един, яко же в великий четверток, и напаяти по обычаю, токмо в соборной церкви, и ту приходя всем священником приимати, елико кому достоин. И преосвященный архиепископ Серапион созва к себе архимарита и честных игуменов и священников и служил святую литургию сам и агнец вынял, елико довлеет. Того же году октября в 9 день в неделю архиепископ Серапион и с ним архимарит и игумены многие и священницы служиша»⁶⁰.

Проблема с причастием решилась, но вероятно, к середине октября до Новгорода дошли вести о размахе эпидемии в соседнем Пскове. В результате 16 октября псковским гостям и пристольцам было велено спешно покинуть Новгород, а на дороге между городами была установлена застава: «месяца октября в 16 день в пяток был клич в Новгороде о Псковичех о гостех, чтобы все они ехали вон часа того из Новгорода с товаромъ. А поймают гостя Псковитина на завтрее в Новгороде с товаромъ с каким нибуди, ино его выведши за город зжжечи и с товаром, а в Новгороде вымут во дворе Псковитина, ино дворника бити кнутом, а Псковитина жжечи. И бысть застава на Псковской дороги, чтоб гости с товаром не ездили с товаромъ во Псков ни зо Пскова в Новгород. И бысть во Пскове морь велик, и учаше являтися морь в те поры и в Новгороде на Редятине улици, и Новгородци того ради Пскович из Новгорода выслали вонь и пристолцовъ»⁶¹. Надо полагать, это была не самая популярная мера, поскольку предполагаются ситуации, что новгородцы будут прятать по домам псковичей, а также ездить в Псков по торговым делам несмотря на поветрие.

Несколькими днями позже, в воскресенье 19 октября новгородский владыка Серапион установил урочный пост «от нынешнего дни месяца октября 19 по Дмитриевъ ден Селунского во всю сию святую неделю месяца октября 26 пребывали в посте и в молитвах и в коленопоклонение и во всяком воздержании и благочинии». К обычным молитвам «о детнем здравии благохочестивого царя и государя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, о его благочестивой царици и о чадах царевне великой княжне и о благоверном князи Гегоргии, о благоверномъ князи Владимире и о христоролюбивомъ воинстве и о всем правас-

⁶⁰ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 195; Новикова О.Л. О второй редакции... С. 245–246.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 30. С. 180.

лавно христианстве здравие и о тишине, и чтобы господь богъ царю и государю нашему великому князю умножил лет живота и устроил царство его мирно и вечно в род и род во веки и возвысил бы господь царскую десницу его надо всеми его недруги и враги» была добавлена и особая молитва: «избавил бы Господь Богъ нас всех православных христианъ от смертосныа язвы и от насрасныа смерти»⁶².

Ситуация в городе оставалась сложной. Особенно сильно пострадал в тот год клир: «священного чину и иноков преставися, попов и диаконов бес числа множество, *многие же овдовеша, а мнози сами изомроша*, яко многи церкви вседневные без службы быша на долго время, а в волостех в дву и в трех един священник, а у соборной церкви у Софеи премудрости божию только осталось 6 попов да два диакона; а полный собор у святей Софеи: протопоп да 18 попов, протодиакон да 4 диакона, да архидиакон, *яко мнози человецы древнии не запомнят такового поветрея на священный чин*. И всего в поветрие не стало смертоносною язвою в Великом Новгороде и по монастырем и в Старой Русе, и в пригородах, и в волостех новгородцких игуменов и священников, и инокинь, и мнишескаго чину, и всех православных христиан двесте тысящ семьдесят тысящ девять тысящ пятьсот девятьдесят четыре человеки»⁶³. Общее число погибших выглядит завышенным, но порядок приводимых цифр заставляет задуматься: клир кафедрального собора потерял две трети, в сельской местности оставался один священник на две-три волости... В поветрие (не указывается, правда, от него ли) «месяца октября в 29, в субботу, на память святыа великомученицы Анастасии, преставися и сам архиепископ Серапион в исходе 9-го часа дни со псалмы и песньми духовными»⁶⁴. Официальные летописи отмечают, что не только «преставися владыка Серапионъ», но «не стало поветреемъ же и дворецкого Василиа Машуткина, и много священническаго чина и приказныхъ людей»⁶⁵.

Нового новгородского владыку выбрали и поставили весьма скоро, уже 20 ноября⁶⁶, а 24 ноября отпустили с Москвы. «Провожали его до рубежа до Ноугородцкого митрополич и бояря, потому что мор был»⁶⁷ — пересечь рубеж сопровождающие не решились, владыка один въезжал в заражённый город.

⁶² ПСРЛ. Т. 30. С. 180.

⁶³ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 195; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 245 (Выделенное курсивом имеется только в этой версии текста).

⁶⁴ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 195; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 245–246.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 228, 526; Т. 20. С. 538; Т. 29. С. 214.

⁶⁶ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 196; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 246; *Зимин А.А.* Краткие летописцы... С. 18. С указанием месяца, но без числа: ПСРЛ. Т. 13. С. 228, 526; Т. 20. С. 538; Т. 29. С. 214.

⁶⁷ *Зимин А.А.* Краткие летописцы... С. 18.

С новопоставленным архиепископом из Москвы была послана освящённая на мощах вода, свидетельство молитвы царя и митрополита⁶⁸. Владыка прибыл в Новгород «на Николинъ день и служилъ въ Софіи Премудрости Божіи первую обедню на Николинъ день; и отъ того дни явилъ Богъ милосердіе свое, преста поветрее»⁶⁹ (составитель Соловецкого летописца, впрочем, полагает, что «приехал в Новгород декабря в 6, еще смертоносное поветрие не престало в Новегороде»⁷⁰). Первой заботой нового архиерея стало восстановление городского клира: «Он же нача служити во Святой Софеи и поставляти по обителем игумены и по всем церквам священницы, и оттоле нача быти милость божия, помале и поветрие преста»⁷¹. Николин день осенний видится как рубеж, после которого ситуация поворачивается на лучшее⁷². Впрочем, отголоски мора возможно были слышны до начала Великого поста⁷³.

7074–7075 (1566–1567) г., Великий Новгород, Псков, Полоцк, Озерица, Невель, Великие Луки, Торопец, Можайск, Смоленск. Осенью-зимой 1565–1566 г., вероятно, было поветрие в Швеции, поскольку посланный туда посольством Третьяк Пушечников именно поветрием умер, не доехав до шведского короля (сообщение об этом царь получил 22 февраля)⁷⁴.

Летом же 1566 г. поветрие появилось в Великом Новгороде. Как сообщили новгородские власти кн. Федор Куракин, дьяк Андрей Безносово и Леонтий Онаньин (вести от них пришли в июле), «появилось поветрее в Великом Новегороде в Шелонской пятине июля въ 19 день»⁷⁵. В августе поветрие распространилось и на сам город: «месяца августа явилось лихое поветрее в Великом Новегороде»⁷⁶. Новости в столицу приходили не только от светских властей города: «месяца сентября въ 10 день писал к государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси из Великого Новагорода Пимин архиепископъ Великого Новагорода и Пскова, что в Великом Новегороде появилось лихое поветрее на посаде на штинатцати улицах, многие люди умирают знаменем»⁷⁷. Сроки этого поветрия источники определяют по-разному. Согласно официаль-

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 228, 526; Т. 20. С. 538; Т. 29. С. 214.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 196; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 246.

⁷¹ Там же.

⁷² *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 195. С. 195; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 245.

⁷³ *Зимин А.А.* Краткие летописцы... С. 18.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 349.

⁷⁵ Там же. С. 351.

⁷⁶ Там же. С. 351–352.

⁷⁷ Там же. С. 352.

ной летописи, «бысть лихое поветрее в Новгороде и в пятинах 8 месяць и божиимъ милосердиемъ утешилося маия съ 1-го числа»⁷⁸. Псковские летописи отмечают, что «был моръ в Новгороде в Великом от госпожина заговенья да до Николина дни осенняго и далее, а мерло многое множество людеи, мужеи и жен и дети и черньцовъ и черниць, тако же и по селам и в Старой Русе»⁷⁹. «Во Пскове начало мерети тое же осени»⁸⁰, но как долго продолжалась эпидемия, не ясно. В сентябре 1567 г. ещё стояли сторожи у Череского моста (мост через реку Черёха к югу от Пскова), «поставлены стеречи от мору»⁸¹, однако защищали они здоровую округу от заражённого города или здоровый город от заражённой округи, не уточняется.

В августе 1566 г. мор распространился и на западные районы: «месяца августа явилося лихое поветрее... в Полотцку, в Озерицахъ, на Невле, на Луках Великих, в Торопце и многие люди знаменем умирали»⁸². Осенью мором в Полоцке «много людеи вымерло, и архиепископ Трифон преставися полоцкой»⁸³. Помимо архиерея «в Полоцку же и в Торопце и на Луках на посадах и в уезде попы померли и не было кому и мертвых погребати; а посыланы попы в те города из ыных городов»⁸⁴. В Полоцке мор продолжался до начала декабря, в других районах — дольше: «быль моръ до Николина дни до осенняго, да престаль. А на весну прииде моръ в Озерища городок, и вымерло много, мало осталося; на том прииде моръ на Луки и в Торопецъ и в Смоленско и по многим местом гневъ божии был великъ»⁸⁵.

В сентябре 1566 г. поветрие охватило также Можайск и Смоленск. «Сентября въ 1 день в Можайску на Добреискомъ яму явилося лихое поветрее, умирали люди знаменем», поэтому государь «заставу и сторожу велел круг того места учинити крепкую, ис тех местъ никаких людеи к Москве и в Московские города пропускати не велел, и божиимъ милосердием того же лета в тех местех то лихое поветрее утешилося»⁸⁶. «Того же месяца сентября въ 15 день писали из Смоленска владыка Семион да боярин Петръ Васильевич Морозов с товарищи,

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 352.

⁷⁹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 249. Летопись относит это к 7075 г., но вероятно, речь идёт не о том, что мор начался в августе 1567 г., а о том, что пик пришёлся на осень 1566 г.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 250; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 197 (в Соловецком летописце указано, что мор охватил не только Новгород); *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 247; *Повесть о Псково-Печерском монастыре* // БЛДР. СПб., 2005. Т. XIII. С. 488.

⁸² ПСРЛ. Т. 29. С. 351–352.

⁸³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 248.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 351–352.

⁸⁵ Псковские летописи. Вып. 2. С. 248.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 352.

что сентября месяца появилось лихое поветрее в городе в Смоленску и на посаде, умирают многие люди знаменемъ»⁸⁷. Посольская книга несколько уточняет историю: «сентября 15 день, писали к царю и великому князю изъ Смоленска бояринъ и воевода Петръ Васильевичъ Морозовъ съ товарищи, что по грехомъ явилося въ Смоленску на посаде и въ Смоленскомъ уезде Божіе посещение, поветрее на люди: люди умирали многіе смертоносною язвою». И вновь «которые рубежи сошлись съ Смоленскимъ рubeжомъ, и государь велель заповедь учинити, что изъ Смоленска и изъ Смоленского уезда въ Московскіе города пропускати никакова человека не велель»⁸⁸. Согласно летописи, «таково же божие посещение было в городе и на посаде, что вымерли от священническаго чина и иноческаго и посацкие люди з женами и з детми и боярские люди, бесчислено их померло, и многие дома затворилися и церкви многие без пения были; такъ же и в уезде поветрее было немало... служилых же людеи, и которые были по уезду, богъ своею милостию сохранил. Сие же посещение божие ни памятухи не помнят, что преже того за долго лет в Смоленску не бывало»⁸⁹. Можно предположить, что в округе Можайска заразу удалось локализовать. Смоленску повезло меньше: мор охватил и собственно город, и посад, и прилежащие уезды. В Москве трезво оценивали ситуацию. Договариваясь с литовскими послами об ответном посольстве (которое традицино должно было держать путь через Смоленские земли), предусматривали, что если послов к уже оговорённым срокам, 25 декабря — 6 января, «для поветрея не отпустить», то царю следует послать гонца с грамотой «о послехъ отписати, что имъ къ темъ срокомъ быти у короля для поветрея нельзя»⁹⁰. Иными словами, в центре вполне допускали, что к середине зимы поветрие ещё не утихнет. К 10 декабря стало ясно, что действительно на оговорённый срок (к 6 января) «посломъ... идти къ королю на Смоленескъ нельзя»⁹¹. В это же время из Литвы приехал гонец. «И государь тому гонцу велель дорогу дати изъ Орши на Рославль, не замая Смоленска и Смоленского уезда, а изъ Рославля на Брянескъ, да на Колугу объезжати для смоленского поветрея». Гонцу велено было объяснить особенности маршрута поветрием, причём специально оговаривалось: «а въ Вилне будетъ и въ Орше поветрея не было, и тотъ бы королевъ гонецъ... ко царю и великому князю поехалъ на Рославль теми месты, где поветрея нетъ». Очевидно, в случае поветрия и в Литве, гонец не был бы допущен к царю⁹². Впрочем, ему удалось побывать на приёме в январе⁹³. Послы были отправлены только 2 февраля, «какъ въ Смоленску по-

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 352.

⁸⁸ Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 431.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 352.

⁹⁰ Сб. РИО. Т. 71. С. 431.

⁹¹ Там же. С. 432–433.

⁹² Там же.

⁹³ ПСРЛ. Т. 29. С. 354, шире — 353–354.

ветрее перестало»⁹⁴. Согласно же официальной летописи, «было то посещение от сентября до марта месяца»⁹⁵.

Возможно, некоторым отголоском / последствием этого масштабного морового поветрия стали события в центре. Во всяком случае волоколамский насельник отмечает «мор да не велик»⁹⁶ в 7076 (1567/68) г. в Иосифове монастыре. Однако в следующем, 7077 (1568/1569) г. «на Москве и по многим городом мор был велик». Непосредственно в Иосифове «преставились 53 братья да слуг и детей и ш்வалей много вымерло»⁹⁷, т.е. события приобрели уже серьезный масштаб.

7079–7080 (июль 1571 — январь 1572) г., Москва с округой, Кострома, Великий Новгород. Новое моровое поветрие началось летом и, судя по сохранившимся документам, охватило значительную область. Причём в этот раз пострадали не только окраины, но и центр страны.

В Иосифо-Волоцком монастыре, по сообщению местного летописца, «починали мерети с Ълиина дни да до Николина дни осенянаго»⁹⁸, то есть эпидемия продолжалась с 20 июля по 6 декабря 1571 г. Этот «мор был добре велик, в Осифе монастыре преставилося 74 братья, а миряня, слугы и дети и мастера, все вымерли, и села все пусты, отчясти ся что осталось»⁹⁹. Если верить Г. Штадену, «в поле вокруг Москвы были вырыты большие ямы, и трупы сбрасывались туда без гробов по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу»¹⁰⁰.

Когда 1 августа в Холмогоры прибыл английский посланник Антоний Дженкинсон, мор распространился уже на значительные области, а на дорогах была введена система застав. Посланник сообщает: «во всей стране, по Божьему соизволению, был мор, везде закрыты были проходы, так что никто не смел проехать под страхом смерти. Мой гонец, проехав по дороге 800 миль, был остановлен и задержан в гор. Shasco, и ему не позволили ни ехать дальше, ни возвратиться назад, ни послать ко мне; вследствие этого я в продолжении 4 месяцев не мог ни узнать, ни услышать о том, что случилось с ним». Любопытно отношение к ситуации не только дипломата (отправившего гонца вопреки запретам), но и властей. Когда задержанный слуга Дженкинсона нашёл способ известить вологодского воеводу о прибывшем посольстве, последний объясняет задержку отнюдь не мором, а стандартной для дипломатических дел практикой, когда послы не могут без разрешения царя ехать в центр, царь же — на войне со Швецией.

⁹⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 447; ПСРЛ. Т. 29. С. 354, шире — 353–354.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 352.

⁹⁶ *Зимин А.А.* Краткие летописцы... С. 21.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 22.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 92.

Дженкинсон предпринял новую попытку известить центральные власти: «Между тем я, вследствие большой смертности, решил отправить другого гонца с проводником по неизвестной дороге, чрез пустыню, 1000 миль в обход, полагая, что по этой дороге он проедет без задержек; но случилось иначе; и он проехав большую часть пути, попал в руки стражи и едва избегнул опасности быть сожжённым с проводником и лошадьми по закону против отыскивающих проезда по непрямым дорогам; много людей поплатилось за эту вину, которые не могли откупиться от наказания. И этот вестник не мог возвратиться ко мне»¹⁰¹. Нарушение распоряжения Дженкинсон зазорным явно не счёл. Описанная же ситуация наглядно демонстрирует: посланник явно был не единственным, кто пытался обойти заставы, но власти вполне успешно перехватывали нарушителей, однако сурового наказания все-таки можно было избежать. В схожем ключе пишет о заставах и Г. Штаден: «все города в государстве, все монастыри, посады и деревни, все просёлки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому. А если стража кого-нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было — с повозкой, седлом и уздечкой»¹⁰².

Осенью непростой была ситуация в Костроме и окрестностях (Унже, Галиче). Из царской грамоты (от 4 октября) к местным властям становится ясно, что были специальные назначения «для поветрия моровова на заставе»¹⁰³. В обязанности назначенных входило, помимо прочего, докладывать в центр о происходящем. Так, царь упрекает костромских воевод: «Приехали, есте, на Кострому сентября в 26 день. И того месяца преставилось на Костроме семьдесят три человека до двадцать осьмаго числа. А того, есте, к нам не отписали подлинно: на Костроме ли, на посаде, или в Костромском уезде; а какую болезнью умерли — знаменем ли, или без знамяни»¹⁰⁴. Далее государь приказывает: «И как к вам ся наша грамота придет и вы б отписали подлинно, на борзе: уж ли на Костроме, на посаде и в уезде от поветрея тишает, и сколь давно, и с которова дни перестало тишать? А буде от поветрея не тишеять, и вы б однолично поветреня места велели крепить засеками и сторожами частыми, по первому нашему указу. И сами бы, естя, обереглись того накрепко, чтобы из поветренных мест в неповітреные места не ездили ни хто, никаков человек, никоторыми делы. Чтоб вам однолично из поветренных мест на здоровые места поветрея не навезти». Очевидно, в столице собиралась информация о заражённых местах и динамике мора. Основной же задачей воевод виделось локализовать эпидемию. При этом государь подчёркивает: «будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые

¹⁰¹ Середонин С.М. Известия англичан о России XVI в. М., 1884. С. 74.

¹⁰² Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 92.

¹⁰³ Альшиц Д.Н. Неизвестные послания Ивана Грозного... С. 429.

¹⁰⁴ Там же.

места нанесет поветрия и вам быть от нас самим сожженными»¹⁰⁵. Во второй половине октября поветрие в Костроме ещё держалось. Из новой царской грамоты (от 22 октября) становится известно о проблеме, с которой столкнулись воеводы при проведении карантинных мер: «писали вы есте к нам, что на Костроме поветрие мало тишеет, да и в Костромском уезде поветрие есть же, а вам для береженья послать неково: дети боярские вас не слушают и к вам не едут. И вы б от поветрия берегли по первому нашему наказу, чтобы однолишно поветрия не перепустить во здоровые места. А которые дети боярские вас не слушают, и вы б про тех отписали к нам именно, и мы вам о тех указ учиним». К сожалению, конкретные причины, по которым дети боярские отказывались явиться на службу — боязнь мора, саботаж или иная, — не приводятся. Должны были воеводы следить и за изоляцией заражённых дворов: «А запертых дворов ещо б не отпирали до нашево указу»¹⁰⁶. О запертых таким образом дворах пишет Г. Штаден: «дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивался и всякого, кто в нём умирал, в нём же и хоронили; многие умирали от голода в своих собственных домах или дворах»¹⁰⁷. Впрочем, созданная им мрачная картинка не совсем соответствует действительности, о чём говорит пример Новгорода.

До Новгорода, очевидно, мор добрался в октябре же. Новгородская летопись сохранила описание жёстких мер, принимаемых в городе: «месяца октября 29 в понедельник в Новегороде которые люди есть на них знамя смертоносное, у церкви погребати не велети, и велели их из Новагорода выносить вон за город в деревню на Водопянова за шесть верст по Волхово вниз, Спассаго манастиря Хутынского не доеждаючи за версту. И поставили заставу по улицам и сторожеи, в которой улице человекь умереть знаменемь и те дворы запирали и с людьми и корьмили техь людеи улицую. И отцемь духовным покаивати тех людеи знаменных не велели, а учнеть которые свещеник техь людеи и каяти, боярь не доложа, ино техь священиков велели жещи с теми же людьми з болными». Заражённые дворы закрывались, сообщение с ними вновь ограничивалось даже для священиков, однако соседи должны были заботиться о больных. Если верить летописцу, на опричной стороне в начале ноября события складывались благополучнее: «месяца ноября в 4 в неделю в Новегороде по опришной стороне государьской посланик Григорей Никитичи Боросова спрашивал игуменов и священиков и старьцовь и всехь монастыреи про морь, и сказали мору неть нигде»¹⁰⁸. Стоит обратить внимание, что сведения о распространении эпидемии собирали у местного клира.

¹⁰⁵ *Альшиц Д.Н.* Неизвестные послания Ивана Грозного... С. 429.

¹⁰⁶ *Кобрин В.Б.* Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 267.

¹⁰⁷ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 92.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 30. С. 159.

Сроки окончания эпидемии также не совсем ясны, однако, если верить А. Дженкинсону, к нему в Холмогоры вести стали доходить 18 января 1572 г., а «около 28 числа этого месяца мор прекратился, проезды были открыты, и пришло повеление» ему от царя ехать в Переяславль¹⁰⁹.

Как можно заметить, словами «мор» / «поветрие», действительно, обозначались наиболее масштабные и опасные эпидемии¹¹⁰. Рассмотренные выше примеры дают, очевидно, не полный перечень вспышек массовых и заразных болезней в течение столетия. Хотя власти сознательно собирали информацию о распространении «поветрий», на страницы официальных летописей попала лишь пара случаев. «Моры» были предметом интереса и рефлексии местных летописцев, но не центральных.

Большинство рассмотренных нами событий имели отношение к северо-западным русским землям. Однако открытым остаётся вопрос: действительно ли эпидемии чаще вспыхивали именно в этом районе или же дело в сохранности источников.

Рассмотренные случаи позволяют охарактеризовать действия властей, как центральных, так и местных. В историографии многократно говорилось о карантинных мерах, рассмотрим, как всё выглядело на практике.

Центральные власти пристально следили за ситуацией на границе государства. «Поветрия» тревожили как западных (Швеция, Ливония, Великое княжество Литовское), так и южных (Крымское ханство, Османская империя) соседей Московского государства. Важно было не допустить заражения пограничных, а тем более центральных районов (что могло произойти, например, в случае большого посольства из поражённой местности). Поэтому по вестям о «поветрии» на рубежах появлялись «сторожи», «беречи... чтоб... в Московскую землю не ездил никаковъ [человек]»¹¹¹. Послы, которым довелось оказаться в заражённых районах, докладывали в статейных списках, когда именно и где было поветрие, насколько сильное (не случайно И.С. Морозов обратил внимание, что «во Царегороде по всем городным воротом пишут колко которого дни из города людеи вынесут і велика и мала»¹¹²). От иностранных послов под присягой требовали сообщить: «еще ли въ... земле поветрее, или минулося? и будетъ минулося, ино сколь давно перестало?»¹¹³. Для всех прибывавших из неблагополучных районов предусматривался карантин: так, литовских послов готовы были в 1532 г. пустить

¹⁰⁹ Середонин С.М. Известия англичан... С. 74.

¹¹⁰ Эккерман Э. Указ. соч. С. 52.

¹¹¹ Сб. РИО. Т. 35. С. 846.

¹¹² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 274 об.

¹¹³ Сб. РИО. Т. 35. С. 846.

в Смоленск, только если «въ Литовской земле поветрея неть, ино было да перестало месяц», если же «перестало, а менши месяца», то пересечь рубеж им не дозволялось¹¹⁴. Русских послов и шедших с ними турецких в 1524 г. продержали в пограничном городке около трёх месяцев, поскольку миссия выдвинулась из Османской империи, когда там был пик эпидемии. Имущество миссии («рухлядь») государь «велел трясти для поветреа»¹¹⁵. Оригиналы грамот оставались у послов, в столицу доставлялись специально сделанные копии. Даже допущенные в столицу посланники могли встречать ограничения: так, в 1516 г. великий князь крымского посла «къ руце къ себе не звалъ и корошеватись того для, что въ Кафе было поветрие, а они [послы. — Л. Г.] были въ ту пору въ Кафе»¹¹⁶.

Пристальное внимание уделялось и ситуации внутри страны. Очевидно, и светские (наместники и воеводы), и церковные (архиереи) власти должны были докладывать в столицу о начинающихся эпидемиях (и соответствующие донесения упоминаются в источниках)¹¹⁷. Ожидалось, что власти точно передадут информацию: где именно явилось поветрие — в городе, на посаде или в уезде; «какою болезнью умерли — знаменем ли, или без знамяни», какова динамика, «от поветрея тишает, и сколь давно, и с которова дни перестало тишетъ?»¹¹⁸.

В город могли быть специально назначены воеводы «для поветрия морова на заставе»¹¹⁹. Они должны были следить, чтобы «из поветренных мест на здоровые места поветрея не навезти»¹²⁰. Также посылались и дети боярские «для береженья»¹²¹. Движение населения ограничивалось: «поветренья места» «крепились» «засеками и сторожами частыми»¹²²; ставились «сторожи» «стеречи от мору»¹²³, «заставы» на дорогах, «чтоб гости с товаром не ездили»¹²⁴. Вообще «заставу и сторожу» вокруг заражённого места чинили «крепкую», чтобы никаких людей не пропускать¹²⁵, «никакова человека»¹²⁶. Впрочем, как видно из сообщения А. Дженкинсона, попытки обойти сторожи «по неизвестной дороге, чрез пустыню, 1 000 миль в обход, полагая, что по этой дороге... проедет без задержек», случались. Даже несмотря на суровое наказание — сожжение на

¹¹⁴ Сб. РИО. Т. 35. С. 846.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 276.

¹¹⁶ Сб. РИО. Т. 95. С. 385.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 29. С. 351–352; Сб. РИО. Т. 71. С. 431.

¹¹⁸ Альшиц Д.Н. Неизвестные послания Ивана Грозного... С. 429.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Кобрин В.Б. Новая царская грамота... С. 267.

¹²² Альшиц Д.Н. Неизвестные послания Ивана Грозного... С. 429.

¹²³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 250; Повесть о Псково-Печерском монастыре... С. 488.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 30. С. 180.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 352.

¹²⁶ Сб. РИО. Т. 71. С. 431.

месте (от которого, впрочем, был шанс откупиться)¹²⁷. В случае же, если на границу прибывали посланники, переговоры с которыми были неотложны, их везли по стране сложным маршрутом, минуя заражённые места¹²⁸.

Заставы организовывались не только на дорогах, но и внутри городов. Так, в 1521 г. в Пскове было велено «оулицу Петровскую заперети с обею концов»¹²⁹, а в 1571 г. в Новгороде ставили «заставу по улицам и сторожеи, в которой улице человекъ умереть знаменемъ»¹³⁰. Запирались и отдельные дворы¹³¹, если заболел кто-то из домочадцев, «и с людми и корьмили техъ людеи улицею»¹³².

Естественным и болезненным вопросом были похороны умерших от поветрия. Погребали таковых в скудельницах, по возможности — за городом¹³³ («мертвых тела из града далече измещете»¹³⁴, сетовал Филофей).

Описанные меры проводились в жизнь властями, что, впрочем, не отменяет личного отношения власть имущих к происходящему. Кто-то терпел все тяготы вместе с городом (псковский дьяк Мисюрь Мунехин, к которому обращено многократно цитированное в литературе послание Филофея; новгородский дворецкий Василий Машуткин, умерший «поветрием» в 1553 г.), кто-то отказывался. Так, псковские власти дважды (в 1521 и 1532 гг.) покидали город «страха ради смертного» и «в селех и местех тайных кряхуся и живяху»¹³⁵.

Как уже отмечалось в литературе, эпидемии воспринимались как Божие наказание. Действительно, в текстах они характеризуются как «Божіе наказаніе»¹³⁶, вызванное Божиим гневом¹³⁷; «Божіе попущеніе»¹³⁸ и «Божіе посещение»¹³⁹.

¹²⁷ Середонин С.М. Известия англичан... С. 74; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 92.

¹²⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 433.

¹²⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 102; Вып. 2. С. 292.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 30. С. 159.

¹³¹ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей... С. 28; Кобрин В.Б. Новая царская грамота... С. 267; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 92.

¹³² ПСРЛ. Т. 30. С. 159.

¹³³ ПСРЛ. Т. 6. С. 281; Т. 30. С. 159; Т. 43. С. 216; Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи. С. 99; Псковские летописи. Вып. 2. С. 233; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 92.

¹³⁴ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей... С. 28.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 289–290; Т. 13. С. 64 (Шумиловский сп.); Т. 43. С. 223; Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи. С. 114.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 228, 526; Т. 20. С. 538; Т. 29. С. 214.

¹³⁷ Большаковская летопись. С. 376.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 289; Т. 13. С. 64 (Шумиловский сп.); Т. 43. С. 223; Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи. С. 114; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 195; Новикова О.Л. О второй редакции... С. 245.

¹³⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 431; Псковские летописи. Вып. 1. С. 102.

Продолжался мор «Божими судьбами» и прекращался «милостию Божию»¹⁴⁰. Прямо о таковой природе поветрий писал старец Филофей в послании к Мисюрю Мунехину: «да весть твое боголюбие яко приходит попрашение Божие ныне на христианскія многонародныя люди. якоже конем неистовым оуздою некою милостивый Богъ нашъ востязуа нас от злобъ наших. і промышляа о спасеніи человеческом. якоже при Давиде цари бысть... аще бы от человекъ сіа злоба была. всяко могли бы противитися ей. аще ли от Бога. то всеу тружаемся»¹⁴¹. Поскольку причина эпидемий лежала в духовной сфере, то и методы борьбы с ними мыслились в соответствующем ключе.

Первым и очевидным способом было усиление личного благочестия: сугубая молитва и пост. Новгородские архиереи в дни поветрий обращались к пастве с призывом держать урочный пост: 1–2 недели строгого воздержания (без рыбы, одна трапеза в день)¹⁴².

Другим благочестивым шагом было церковное строительство. Так, уже во время мора было закончено возведение ц. Успения с Парома в Пскове, и горожане на освящении церкви молились об избавлении от поветрия (15 августа 1521 г.). Выражением соборной молитвы было строительство обыденной церкви. Летописи называют несколько таких церквей в Пскове и Новгороде, возведённых по инициативе горожан: ц. Похвалы Богородицы на площади у Софийского собора (Новгород, 15 октября 1507 г.); ц. преп. Варлаама Хутынского (Псков, 15 сентября 1521 г.); ц. ап. Марка (Новгород, 8 ноября 1532 г.). Несмотря на вводимые властью жёсткие карантинные меры внутри города, ряд церквей был возведён по повелению и на средства государя: ц. Покрова от Торга (Псков, освящена 2 февраля 1523 г.) и обыденные церкви Покрова (Новгород, 21 ноября 1522 г.), арх. Гавриила у Михайловских ворот (Псков, 14 декабря 1532 г.), преп. Кирилла Белозерского (Новгород, 1 сентября 1552 г.) и мч. Христофора (Новгород, 1 сентября 1552 г.).

Формой заботы государя и митрополита, вполне соответствующей ожиданиям и ситуации, было отправление святой воды, освящённой на мощах святых, покоящихся в столице. Схожим образом действовал и Новгородский архиепископ¹⁴³.

Восприятие эпидемий в духовной плоскости означало, что людям XVI в. отнюдь не было всё равно, как умирать: перед смертью хотели покаяться и

¹⁴⁰ Большаковская летопись. С. 377; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 196; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 246.

¹⁴¹ *Малинин В.* Старец Елезарова монастыря Филофей... С. 28.

¹⁴² Большаковская летопись. С. 376; ПСРЛ. Т. 30. С. 180.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 13. С. 64 (Шумиловский сп.), 180, 228, 526; Т. 20. С. 538; Т. 29. С. 214; Т. 43. С. 223; *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 114; Псковские летописи. Вып. 1. С. 102; Вып. 2. С. 292.

получить причастие. Такой подход ставил под удар духовенство заражённых территорий, поскольку именно оно плотнее всего контактировало с горожанами и особенно — с тяжело болеющими.

Светские власти, очевидно, пытались ограничить посещение священниками уже заражённых домов. Филофей упрекал псковские власти в 1521 г.: «попом претите к болящему приходить»¹⁴⁴, а в Новгороде 1571 г. власти не только «отцемъ духовнымъ покаивати техъ людеи знаменныхъ не велели», но и грозили: «учнетъ которыи свещеникъ техъ людеи и каяти, боярь не доложа, ино техъ священниковъ велели жещи с теми же людми з болными»¹⁴⁵. Само введение подобных мер свидетельствует, что пастыри, даже рискуя, всё-таки шли к умирающим. Показательна и ситуация в Новгороде в 1552 г., когда в городских церквях закончились запасные Дары — очевидно, священники посещали тяжело больных по домам¹⁴⁶.

Не кажутся поэтому просто этикетными сетования летописцев о высокой смертности среди священнослужителей. Во время поветрий умерли новгородский архиепископ Серапион (1552)¹⁴⁷ и полоцкий архиепископ Трифон (1566)¹⁴⁸. В 1552 г. только треть клира новгородского собора Святой Софии пережила поветрие, по городу «многи церкви вседневные без службы быша на долго время, а в волостех в дву и в трех един священник»¹⁴⁹. В тот же год серьезно пострадало и псковское духовенство, причём летописец подчеркнул: «мряхоу бо многие священницы и дияконы, младые, а старые Богъ съблюдаше»¹⁵⁰. Очевидно, наибольший урон понесла та часть духовенства, которой по долгу службы приходилось чаще общаться с заражёнными. Страдали и семьи священников. Летописец подчеркивает, что в Новгороде и Пскове многие священники овдовели¹⁵¹, что в практике XVI в. создавало дополнительные сложности, поскольку вдовым священникам служить запрещалось. Первой заботой новгородского владыки Пимины, поставленного на кафедру в 1552 г., стало пополнение клира¹⁵². Не менее сложной оказалась ситуация в 1566 г. в Полоцке, Торопце и Луках: «на посадех

¹⁴⁴ *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей... С. 28.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. 30. С. 159.

¹⁴⁶ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 195; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 245.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 228, 526; Т. 20. С. 538; Т. 29. С. 214; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 195; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 246.

¹⁴⁸ Псковские летописи. Вып. 2. С. 248.

¹⁴⁹ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 195; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 245.

¹⁵⁰ Псковские летописи. Вып. 2. С. 233.

¹⁵¹ Там же.; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 245.

¹⁵² *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 196; *Новикова О.Л.* О второй редакции... С. 246.

и в уезде попы померли и не было кому и мертвых погребати; а посыланы попы в те города из ыных городов»¹⁵³. Не случайно поэтому, что именно священников расспрашивали о распространении мора, как это было, например, в 1571 г. в Новгороде¹⁵⁴ — клир действительно хорошо представлял состояние дел.

Подводя итог, можно отметить: сохранившиеся от XVI столетия известия позволяют увидеть живую реакцию людей того времени на постигавшие страну бедствия. Мы видим примеры как спокойных и решительных действий, так и личной трусости; благочестия, самоотверженности, но и удивительной беспечности. Моря накладывали сильный отпечаток на жизнь городов, но не парализовали их жизнь. Духовные мотивы оказывались существенны и определяли общую стратегию поведения. Церковь как сообщество реагировало на поветрия соборным действием (урочный пост, обетные церкви), а клир проявлял мужество и поддерживал мирян в непростые дни.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена морам XVI в. и жизни людей в условиях эпидемий. Рассматривается, что происходило в стране, как реагировали на это власти и как реагировала на это церковь (как институт и как сообщество верующих).

Ключевые слова: XVI в., эпидемии, церковь, карантин.

ЛИТЕРАТУРА

Альшиц Д.Н. Неизвестные послания Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 427–430.

Анонасенко А. Черная смерть: Как боролись с чумой в XVI веке // Родина. 2004. № 12. С. 97–99.

Аракчеев В.А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004.

Богоявленский Н.А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960.

Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960.

Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Вып. V. С. 3–39.

Кобрин В.Б. Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 266–267.

Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 322–383.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 29. С. 352.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 30. С. 159.

- Ляхтин М.* Борьба с эпидемиями в допетровской Руси. М., 1909.
- Майков В.В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.
- Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
- Медведь А.Н.* Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб., 2017.
- Новикова О.Л.* О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 214–254.
- Повесть о Псково-Печерском монастыре // БЛДР. СПб., 2005. Т. XIII.
- ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2.
- ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.
- ПСРЛ. М., 2000. Т. 13.
- ПСРЛ. М., 2005. Т. 20.
- ПСРЛ. М., 2009. Т. 29.
- ПСРЛ. М.; Л., 1965. Т. 30.
- ПСРЛ. М., 2004. Т. 43.
- Псковские летописи / Подг. А.Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1.
- Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2.
- Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35.
- Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71.
- Сб. РИО. СПб., 1895. Т. 95.
- Селин А.А.* Московские карантинны. Борьба с моровыми поветриями в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020.
- Середонин С.М.* Известия англичан о России XVI в. М., 1884.
- Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979.
- Ткаченко А.А.* Запасные дары // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 620–621.
- Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904.
- Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Л., 1925.
- Эккерман В.* Материалы для истории медицины в России. (История эпидемий X–XVIII вв.). Казань, 1884.

SUMMARY

Goryushkina L.P.

Pestilences, quarantine actions and church during the 16th century

The article is devoted to pestilences of the 16th century and life in the conditions of epidemic. Situation in the country, authorities' reaction and church's as well are considered.

Keywords: the 16th century, pestilence, church, quarantine.

REFERENCES

- Al'shits D.N. Neizvestnye poslaniya Ivana Groznogo. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, Moscow, Leningrad, 1956, vol. 12, pp. 427–430.
- Aronasenko A. "Chernaya smert': Kak borolis' s chumoi v XVI veke". *Rodina*, 2004, n. 12, 97–99.

Arakcheev V.A. *Srednevekovyi Pskov: vlast', obshchestvo, povsednevnyaya zhizn' v XV–XVII vv.* Pskov, 2004.

Bogoyavlenskii N.A. *Drevnerusskoe vrachevanie v XI–XVII vv. Istochniki dlya izucheniya istorii russkoi meditsiny.* Moscow, 1960.

Vasil'ev K.G., Segal A.E. *Istoriya epidemii v Rossii (Materialy i ocherki).* Moscow, 1960.

Zimin A.A. *Kratkie letopistsy XV–XVI vv. Istoricheskii arkhiv.* Moscow, Leningrad, 1950, vol. 5, pp. 3–39.

Kobrin V.B. *Novaya tsarskaya gramota 1571 g. o bor'be s chumoi. Trudy otdela drevnerusskoi literatury,* Moscow, Leningrad, 1958, vol. 14, pp. 266–267.

Konyavskaya E.L. *Novgorodskaya letopis' XVI v. iz sobraniya T.F. Bol'shakova. Novgorodskii istoricheskii sbornik,* St. Petersburg, 2005, vol. 10 (20), pp. 322–383.

Medved' A.N. *Bolezn' i bol'nye v Drevnei Rusi: ot "rudometa" do "dokhtura". Vzglyad s pozitsii istoricheskoi antropologii.* St. Petersburg, 2017.

Novikova O.L. *O vtoroi redaktsii tak nazyvaemogo Solovetskogo letopistsa. Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Solovetskii monastyr',* St. Petersburg, 2001, pp. 214–254.

Selin A.A. *Moskovskie karantiny. Bor'ba s morovymi povetriyami v XVI–XVII vv. v Novgorode i Pskove.* St. Petersburg, 2020.

Tikhomirov M.N. *Russkoe letopisanie.* Moscow, 1979.

Tkachenko A.A. *Zapasnye dary. Pravoslavnaya entsiklopediya,* Moscow, 2008, vol. 19, pp. 620–621.

А.В. Лаушкин

Смерть от чумы новгородского архиепископа Василия Калики: реакция современников

Чтобы не вводить читателя в заблуждение, сразу скажем, что никакой «высказанной вслух» реакции на смерть владыки собственно и не было. Но именно в этом отсутствии эксплицитного отклика на необычную кончину архиерея, не побоявшегося навестить охваченный чумой город и заплатившего за эту пастырскую поездку жизнью, и заключена некая тайна. И хотя интерпретация умолчаний — это всегда скользкий для исследователя путь, мы рискнем осторожно ступить на него.

Цепь событий, приведших к скоротечной болезни и смерти Василия Калики, хорошо известна. В 1352 г. в Новгород приехали послы из Пскова и, согласно приписке к основному тексту Новгородской I летописи старшего извода (далее — *НЛСм*), «биша челомъ владыцѣ Василию, ркуче такъ: “Богови тако изволшю, святой Троицѣ: дѣтемъ твоимъ псковицемъ Богъ рекль жити дотолѣ, чтобы еси, господине, былъ у святой Троици и дѣтии свояхъ благословиль, псковиць”»¹. Другими словами, послы сообщили об отчаянном положении псковичей и о их надежде, что приезд архиепископа в Псков и его молитва в кафедральном Троицком соборе сможет спасти город от полного вымирания. Возможно, вера горожан в силу владычной молитвы и владычного благословения была подогрета историей, произошедшей всего несколькими годами ранее в Твери. Там местный владыка Федор (с которым Калика состоял в переписке²) при вспышке некой болезни «створи» с духовенством «и со всеми людми молитву и пост», после чего, по словам тверского летописца, «бысть от Бога пожалование: пересташеть морь тьи»³. «И онь, — продолжил автор приписки свой рассказ про Василия Ка-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 100.

² См.: БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 42–48.

³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. С. 55 (первой пагинации).

лику, — не умедли, поеха...»⁴. На срочный, экстраординарный характер поездки новгородского владыки указал и псковский летописец: «архиепископъ Василиеи приездилъ во Псковъ не в свои лѣта, ни во свою череду, но тако хотя благословити дѣтеи своихъ пскович и поповъ»⁵.

Понимал ли престарелый архиерей заразный характер болезни, поразившей Псков, и соответственно меру опасности, грозившей ему лично?

«Чёрная смерть» XIV в., самое продолжительное и смертоносное поветрие в истории средневековой Европы, уже не первый год терзала соседние с Русью области, включая страны Балтийского региона⁶, с которым Новгород был тесно связан торговлей. Вести о грозной болезни и её проявлениях не могли не достичь берегов Волхова. Да и псковичи уже успели на себе почувствовать инфекционную природу заболевания. Псковский летописец резко порицал тех горожан, которые, боясь заразиться, ожесточили свои сердца: «аще и кто комоу отдавахоу статки живота своего или дѣтии, то и ти такоже мнози, на борзѣ разболѣвшесе, оумирахоу. Се же видяще, инии бояхоуся приимати от оумершихъ тѣхъ животовъ, страхомъ смертнымъ омрачившесе, безоумнии, и своихъ сродникъ отвращахоуся тогда». И напротив, люди, преодолевавшие «страхъ смертнии» перед заразой и принимавшие на себя заботу о погребении «чужихъ мертвцовъ», вызвали у летописца одобрение, и он назвал их «веледушьними»⁷.

Отправляясь в путь, владыка, без сомнения, понимал, с какой болезнью он имеет дело. Тем не менее, прибыв в зачумлённый город, не стал прятаться от неё. Он возглавил несколько богослужений в городе и его окрестностях, участвовал в крестных ходах: «служи въ святой Троици, у святой Богородици на Снѣтной горѣ, у святого Михаила, у Ивана Богослова, опять въ святой Троици, ходи около города со кресты и благослови дѣти своихъ всихъ псковичъ»⁸; «обоиде всь градъ съ кресты и съ всемъ священнымъ съборомъ, и съ всемъ крилосомъ своимъ, и съ мощами святыхъ и съ пѣнiami, и съ молитвами, и слезами, молящесе Господоу Иусоу Христу и Пречистѣи Его Матери святей Госпоже Богородици

⁴ Новгородская первая летопись... С. 100.

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 102. О «череде» посещения новгородскими владыками Пскова см., напр.: *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 280.

⁶ *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. (Материалы и очерки.) М., 1960 С. 26–31; *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 86–90; *Langer L.N.* The Black Death in Russia: Its Effects upon Urban Labor // *Russian History*. 1975. Vol. II/1. P. 54–56; *Byrne J.P.* Encyclopedia of the Black Death. Santa Barbara; Denver; Oxford, 2012. P. 42–45. Краткий очерк новейшей историографии истории чумы в эпоху русского Средневековья см.: *Селин А.А.* Московские карантинны. Борьба с «моровыми поветриями» в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020. С. 7–23.

⁷ ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 22; Т. 5. Вып. 2. С. 101.

⁸ Новгородская первая летопись... С. 100.

о заступлении града и о всѣх людех, живущихъ в немь... дабы Господь преста-
вилъ многоналежащую тогда смерть на людех»⁹.

На обратном пути Василий Калика заболел и умер у устья «Узы рѣки, на Шелонѣ». Его тело принесли в Новгород и торжественно похоронили в Софийском соборе¹⁰.

Составитель приписки к *НЛСт*, предшественники которого ранее неоднократно находили поводы похвалить владыку за его добрые деяния (строительство каменных укреплений и моста через Волхов, ремонт Святой Софии, возведение церкви на Городище, роспись церкви на Деревянице¹¹), никак не отметил самоотверженность архиерея, проявленную им в ходе предсмертного путешествия в Псков. Между тем в этой истории можно было бы увидеть то, о чем, к примеру, говорил Христос в Евангелии: «болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя» (Ин. 15: 13)¹². Молчание автора известия о кончине владыки в *НЛСт* тем более показательнее, что исследователи видят в нём или участника поездки в Псков, или человека, писавшего со слов участников¹³. Не стал комментировать визит и смерть владыки и рассказавший о чуме псковский летописец, не забывший, как мы видели выше, отметить тех горожан, которые великодушно заботились о телах погибших. Сообщая о смерти архиепископа, пскович ограничился философской и даже несколько двусмысленной фразой: «Санъ свѣтлостью не оумолена бывает смерть: на всѣх вынизает многоядныя своа зуобы»¹⁴. Не увидели в поступке владыки ничего особенного ни позднейшие новгородские летописцы¹⁵, ни создатель краткого проложного жития Василия Калики рубежа XV–XVI вв.¹⁶, ни составитель имеющего ту же датировку Краткого летописца новгородских владык¹⁷, ни автор

⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 102.

¹⁰ Новгородская первая летопись... С. 100.

¹¹ Там же. С. 345, 347, 349, 357, 361.

¹² *Тихомиров П.И., прот.* Кафедра новгородских святителей со времени введения христианства в Новгороде (в 992 г.) до покорения его Московской державой (в 1478 г.). Новгород, 1891. Т. 1. С. 183–184.

¹³ *Гимон Т.В.* Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи // *Норна у источника Судьбы: сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой.* М., 2001. С. 55. Прим. 10; *Бобров А.Г.* «Рука Москвы»: Правка текста в Синодальном списке Новгородской первой летописи // *ТОДРЛ.* СПб., 2016. Т. 64. С. 151–152.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 22.

¹⁵ См.: Новгородская первая летопись... С. 362, 474 (статья «А се архиепископи»); ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 227; М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 285; Т. 6. Вып. 1. С. 433; СПб., 2002. Т. 42. С. 131; М., 2004. Т. 43. С. 119.

¹⁶ См.: *Бобров А.Г.* Жития новгородских святых в Прологе Папского Восточного института // *Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации.* Т. 2. СПб., 2011. С. 570.

¹⁷ См.: *Новикова О.Л.* О ранней редакции Краткого летописца новгородских владык // *ТОДРЛ.* СПб., 2008. Т. 58. С. 635.

Повести о белом клобуке XVI в., в которой архиепископ — один из главных героев повествования¹⁸. Косвенное подтверждение тому, что новгородцы не распознали в последних событиях жизни Василия Калики какого-то особого христианского подвига, можно, наверное, увидеть и в том, что, по словам Г.И. Вздорнова, «несмотря на беспрецедентную популярность архиепископа Василия во всех слоях новгородского общества... он не был причислен к лику общерусских святых и даже местное празднование его памяти не получило в Новгороде заметного развития»¹⁹. Первые признаки его почитания появляются в республике лишь почти через столетие после его кончины²⁰.

Неожиданное «равнодушие» средневековых книжников к рассматриваемому эпизоду биографии Василия Калики, который современное сознание уверенно отнесло бы к сфере похвального или даже героического²¹, требует объяснения.

Едва ли это «равнодушие» могло быть как-то связано с итогами пастырской поездки владыки, рассказывая о которой владычный летописец ничего не говорит об ослаблении болезни в Пскове, но зато сообщает, что вскоре зловещая гостья явилась и в самом Новгороде: «хракнетъ кровью человѣкъ и, до треи день быв, да умрет»²². Но действительно ли псковичи имели основания считать визит владыки неудачным и как бы отреагировали новгородские летописцы, если бы результат поездки был иным? Начнём со второй части этого вопроса. Через восемь лет после кончины Василия ситуация повторилась. Новая вспышка чумы в Пскове в 1360 г. вновь привела на владычный двор — теперь там распоряжался архиепископ Алексей — послов с берегов реки Великой, и они опять стали просить, чтобы владыка, «ехавши, благословил бы еси нас, своих детей». Алексей, как и его предшественник, без колебания отозвался на мольбу и, «ѣхав, благослови их и город Псков съ кресты обходи, и литургии три соверши». Затем он благополучно вернулся в Новгород. Поветрие же в Пскове пошло на

¹⁸ См.: ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 226–230. Ещё об одном позднем источнике (XVII в.), упоминающем кончину архиепископа Василия Калики см.: *Пигин А.В.* Известия о новгородском архиепископе Василии Калике в Житии Лазаря Муромского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 110–117.

¹⁹ *Вздорнов Г.И.* Портреты новгородских архиепископов в искусстве XIV в. // Древнерусское искусство. М., 1980. Вып.: Монументальная живопись XI–XVII вв. С. 122.

²⁰ *Печников М.В.* Василий Калика // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 202.

²¹ См., напр., характеристику, которую даёт владыке Н.С. Борисов, упоминая его поездку в Псков: «архиепископ Василий был человеком мужественным и решительным»; само же решение архиепископа отправиться в Псков исследователь называет «вызовом судьбе» (*Борисов Н.С.* Дмитрий Донской. М., 2014. С. 32). В конце XIX в. церковный историк П.И. Тихомиров был готов идти в оценке поступка свт. Василия Калики гораздо дальше и написал, что умер он «как мученик, страдавший всю жизнь свою за паству и наконец положивший за неё душу свою» (*Тихомиров П.И., прот.* Кафедра новгородских святителей... Т. 1. С. 183).

²² Новгородская первая летопись... С. 363.

спад: «плесковицам отголе нача лучши бывати милость Божиа, и преста мор». Однако приписывать владыке эту победу над смертью летописец не стал, оставляя читателю простор для самостоятельных размышлений о таинственных путях Промысла Божьего. Не прозвучало из его уст и каких-то похвал смелости новгородского архиерея, отправившегося в такой путь, из какого не вернулся его предшественник. Напротив, сразу после отрадного известия о псковских делах новгородский книжник описал мрачное знамение «въ мѣсяци: аки темно[ю] кровию покровень створися на чистѣ небѣ»²³. Впрочем, сказанное не означает, что у людей той поры отсутствовала вера в силу архиерейского благословения. Ради него псковичи и тревожили раз за разом новгородских владык. И когда в 1389 г. ситуация повторилась в третий раз, и преемник Алексия Иоанн III снова во время мора поехал в Псков, и визит его опять увенчался прекращением болезни, новгородский летописец уже посчитал возможным отметить, что произошло это «молитвою его»²⁴. Таким образом, и удачная миссия могла как комментироваться, так и не комментироваться летописцем (который, без сомнения, хорошо понимал, что отклик Всевышнего на молитву — это не столько следствие усердия и даже благочестия молящегося²⁵, сколько проявление свободной и таинственной воли Бога). И потому, не услышав от летописца похвал в адрес Василия Калики в связи с его поездкой 1352 г., мы не можем подозревать в этом молчаливое осуждение «неудачной» миссии владыки. Впрочем, и в её неудаче, с точки зрения жителей Пскова, можно усомниться. Хотя ни новгородский, ни псковский летописцы не пишут прямо о том, что после визита владыки болезнь пошла на убыль, в псковских известиях за последующие годы ничего не говорится и о продолжении мора.

Наиболее правдоподобным объяснением отмеченного «равнодушия» книжников нам представляется признание того, что поступки, совершённые во время чумы святителями Василием, Алексием и Иоанном, в глазах их современников относились не к сфере героического (и потому заслуживающего особого отклика), а к сфере должного. Поведение владык, очевидно, казалось им совершенно естественным и даже единственно возможным в условиях

²³ Новгородская первая летопись... С. 367.

²⁴ Там же. С. 383.

²⁵ По предположению В.А. Аракчеева, среди жителей Пскова существовало представление о связи морового поветрия с благочестием/нечестием сидящего у них князя-наместника (*Аракчеев В.А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 39–43*). Если эта мысль верна, то речь идёт о вариации на ветхозаветную по своему происхождению тему провиденциальной взаимозависимости жизни правителя и его людей (см., напр.: *Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. С. 109–112*). Некие схожие представления, распространённые в среде псковичей, могли касаться, по-видимому, и новгородских архиереев.

разливающегося по земле гнева Божьего. Показательно, что тепло похвалив обычных людей, не боявшихся хоронить тела чужих людей, псковский летописец безо всяких похвал беспристрастным тоном рассказал о чумных буднях городских священников, сбивавшихся с ног из-за обилия ждущих предсмертного покаяния и вынужденных без конца отпевать и хоронить трупы, днем и ночью свозимые к церквям: «полагаху и по трое или по пяти головъ во единъ гробъ»²⁶. Не приходится сомневаться, что среди этих безымянных представителей псковского духовенства тоже было очень много жертв «чёрной смерти».

Некогда Владимир Мономах задавал своим сыновьям риторический вопрос: «Дивно ли, оже мужь умерль в полку ти?» («Дивно ли, если муж пал на войне?»)²⁷. Надо полагать, такой же печальной обыденностью виделась на Руси и смерть епископа или священника, который в условиях эпидемии выполнил свой пастырский долг — долг, основанный на апостольской заповеди: «болить ли кто... да призоветь пресвитеры церковныя, и да молитву сотворять надъ нимъ» (Иак. 5: 14). Реальность средневековой жизни заключалась в том, что на переднем крае борьбы с заразными болезнями оказывались не врачи, а обладатели священного сана, напутствующие живых и мертвых на пороге вечной жизни.

РЕЗЮМЕ

Автор приходит к выводу, что средневековые русские авторы XIV–XVI вв. не увидели христианского подвига в посещении архиепископом Василием Каликой зачумлённого Пскова в 1352 г., поскольку такое поведение духовного лица воспринималось как должное.

Ключевые слова: Средневековая Русь, Новгород, Василий Калика, чума, «Великий мор» XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

Аракчеев В.А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004.

Бобров А.Г. «Рука Москвы»: Правка текста в Синодальном списке Новгородской первой летописи // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 140–163.

Бобров А.Г. Жития новгородских святых в Прологе Папского Восточного института // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. Т. 2. СПб., 2011. С. 565–575.

Борисов Н.С. Дмитрий Донской. М., 2014.

Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. (Материалы и очерки.) М., 1960.

²⁶ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 21; Т. 5. Вып. 2. С. 100–101.

²⁷ БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 274–275 (перевод Д.С. Лихачёва).

Вздорнов Г.И. Портреты новгородских архиепископов в искусстве XIV в. // Древнерусское искусство. М., 1980. Вып.: Монументальная живопись XI–XVII вв. С. 115–134.

Гимон Т.В. Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи // Нора у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 53–60.

Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019.

Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова: историко-археологическое исследование. СПб., 2010.

Новикова О.Л. О ранней редакции Краткого летописца новгородских владык // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 58. С. 627–644.

Печников М.В. Василий Калика // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 200–202.

Пигин А.В. Известия о новгородском архиепископе Василии Калике в Житии Лазаря Муромского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 110–117.

Селин А.А. Московские карантинны. Борьба с «морowymi поветриями» в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020.

Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1.

Byrne J.P. Encyclopedia of the Black Death. Santa Barbara; Denver; Oxford, 2012.

Langer L.N. The Black Death in Russia: Its Effects upon Urban Labor // Russian History. 1975. Vol. II/1. P. 63–67.

SUMMARY

Laushkin A.V.

Novgorod Archbishop Vasilii Kalika's Death from Plague: the Reaction of his Contemporaries

The author comes to the conclusion that the medieval Russian authors of the XIV–XVI centuries did not see the Christian feat in the Archbishop Vasilii Kalika's visit to the plague Pskov in 1352, since such behavior of the clergyman was taken for granted.

Keywords: Medieval Rus', Novgorod, Archbishop Vasilii Kalika, plague, the Black Death.

REFERENCES

Arakcheev V.A. *Srednevekovyi Pskov: vlast', obshchestvo, povsednevnyaya zhizn' v XV–XVII vekakh.* Pskov, 2004.

Bobrov A.G. "Ruka Moskvy": Pravka teksta v Sinodal'nom spiske Novgorodskoj pervoj letopisi. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, St. Petersburg, 2016, no. 64, pp. 140–163.

Bobrov A.G. Zhitija novgorodskih svjatyh v Prologe Papskogo Vostochnogo instituta *Russkaja agiografija. Issledovanija. Materialy. Publikacii*, St. Petersburg, 2011, no. 2, pp. 565–575.

Borisov N.S. *Dmitrij Donskoj.* Moscow, 2014.

Byrne J.P. *Encyclopedia of the Black Death.* Santa Barbara; Denver; Oxford, 2012.

Gimon T.V. Pripiski na dopolnitel'nyh listah v Sinodal'nom spiske Novgorodskoj I letopisi Norna u istochnika Sud'by: *Sbornik statej v chest' E. A. Mel'nikovoj*, Moscow, 2001, pp. 53–60.

Langer L.N. “The Black Death in Russia: Its Effects upon Urban Labor” *Russian History*, 1975, vol. II/1, pp. 63–67.

Laushkin A.V. *Rus' i sosedi: istoriya etnokonfessional'nykh predstavlenii v drevnerusskoi knizhnosti XI–XIII vv.* Moscow, 2019.

Musin A.E. *Cerkov' i gorozhane srednevekovogo Pskova: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie.* St. Petersburg, 2010.

Novikova O.L. O rannej redakcii Kratkogo letopisca novgorodskih vladyk *TODRL*, St. Petersburg, 2008, no. 58, pp. 627–644.

Pechnikov M.V. Vasilij Kalika *Pravoslavnaja enciklopedija*, Moscow, 2004, no. 7, pp. 200–202.

Pigin A.V. “Izvestija o novgorodskom arhiepskope Vasilii Kalike v Zhitii Lazarja Muromskogo” *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki*, 2018, no. 3 (73), pp. 110–117.

Selin A.A. *Moskovskie karantiny. Bor'ba s “morovymi povetrijami” v XVI–XVII vv. v Novgorode i Pskove.* St. Petersburg, 2020.

Supotnickij M.V., Supotnickaja N.S. *Očerki istorii chumy: v 2 kn.* Moscow, 2006. Book 1.

Vasil'ev K.G., Segal A.E. *Istorija jepidemij v Rossii. (Materialy i očerki.)* Moscow, 1960.

Vzdornov G.I. Portrety novgorodskih arhiepskopov v iskusstve XIV v. *Drevnerusskoe iskusstvo*, Moscow, 1980, pp. 115–134.

Т.А. Матасова

Эпидемии чумы 1460-х гг. в судьбе Софьи Палеолог¹

...О благорастворении воздухов, о избылии плодов земных и временех мирных Господу помолимся!
О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их Господу помолимся...

Из Великой ектеньи

Обстоятельства детства и впечатления от потрясений, выпавших на это время, как правило оказывают существенное влияние на самоощущение человека в его взрослой жизни. Это наблюдение верно не только при размышлениях о частном опыте людей нынешнего времени, но и может оказаться важным для реконструкции биографий исторических деятелей. Так, объяснение присущей Ивану Грозному жестокости невозможно без учёта в том числе его детских переживаний (о которых он сам с горечью пишет в первом послании Курбскому²), а непоследовательность политики Павла I становится понятнее в контексте его сложных отношений с матерью. Но внимательное изучение обстоятельств детства героев прошлого имеет и самостоятельное значение³, поскольку открывает

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подг. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова. М., 1993. С. 28–29.

³ В европейской науке с середины XX в. существует большое направление, посвящённое истории детства как таковой. См. в первую очередь: *Ariès F.* Centuries of Childhood: a Social History of Family Life. New York, 1962; *Pollock L.A.* Forgotten children: parent-child relations from 1500 to 1900. Cambridge, 1983; *Ben-Amos I.K.* Adolescence and youth in early modern England. New Haven; London, 1994; *Cunningham H.* Children and childhood in Western society since 1500. London; New York, 1995; *Heywood C.* A history of childhood: children and childhood in the West from Medieval to Modern Times. Cambridge,

возможность более глубокого понимания целого ряда вопросов, связанных с исследуемой личностью. Речь идёт об истоках формирования круга общения, о природе складывания определённых матриц поведения и других сюжетах.

Мне уже приходилось достаточно подробно писать о детских годах Софьи Палеолог, обращая внимание на то, как именно впечатления тех лет повлияли на становление её личности и на её жизненный путь⁴. На детство Софьи пришлось многие трагические, *травмирующие* события: потеря родины, вынужденные и долгие скитания, смерть матери, разлука с отцом и другие потрясения. В настоящей заметке я сосредоточу более пристальное внимание на нескольких эпизодах её ранней биографии, связанных с тем, как её семья переживала эпидемии чумы в 1460-е гг. Эти эпизоды имеют значение и как часть истории семьи Палеологов, и как важный пролог московской жизни Софьи.

29 мая 1453 г. под натиском османов пал Константинополь. Последний император — Константин XI Палеолог — сложил голову, защищая город. Позже он был канонизирован греческой церковью, а его имя по сей день остаётся в памяти греков символом героического сопротивления врагам их родины. В 1460 г. турки захватили Морею, в том числе владения Фомы Палеолога, отца Софьи — самого младшего брата Константина XI. Ему принадлежал северо-западный Пелопоннес с Патрами. По словам хрониста Георгия Сфрандзи, земли были переданы султану «словно огородная зелень»⁵. Фома «со всем домом»⁶ — то есть с семьёй и двором — бежал с Пелопоннеса на венецианский тогда Корфу⁷.

Софья Палеолог — а ей в ту пору было примерно восемь-десять лет⁸ — с родителями и братьями покидала Пелопоннес, не только покорённый турками, но и охваченный чумой⁹. Родина превращалась для неё в почти проклятую землю, опасную для жизни, *заражённую* и турецкими отрядами, и болезнью. Через короткое время «чёрная смерть» добралась и до Корфу, словно намеренно преследуя семью Фомы.

2001; Orme N. Medieval children. New Haven; London, 2001; Medieval families: perspectives on marriage, household, and children / ed. by Carol Neel. Toronto, 2004. И мн. др.

⁴ Матасова Т.А. Софья Палеолог. М., 2016. С. 11–75.

⁵ Сфрандзи Г. Хроника / предисл., пер. и прим. Е.Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5. С. 227.

⁶ Сфрандзи Г. Указ. соч. С. 232.

⁷ На Корфу шёл довольно значительный поток греков, искавших приюта и помощи на Западе. Именно тогда на Корфу были привезены и многие святые, в том числе и мощи свт. Спиридона, св. Феодоры и мн. др. Тем не менее основная масса греков, не принявшая унию 1439 г., даже не помышляла о бегстве: они *предпочли турецкую чалму папской тиаре* (как говорил Лука Нотарас), а некоторые греки даже приняли ислам. Среди тех, кто в конце концов сделал такой выбор, был ещё один брат Константина XI — Димитрий. Позже ислам примет и младший брат Софьи — Мануил.

⁸ О дате рождения Софьи см.: Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 13.

⁹ Сфрандзи Г. Указ соч. С. 232.

«Чума распространилась и в крепости корфиотов»¹⁰, — сообщает Сфрандзи. Небольшие крепости острова — старая крепость Керкиры, Кассиопи, Ангелокастро и другие — оказывались в этих обстоятельствах не источниками возможного спасения, а очагами заражения.

С древних времен и по сей день самым надёжным способом сохранить себя и близких от любой инфекции неясной природы является уединение в труднодоступных местах, поэтому «крепости корфиотов» Фоме пришлось оставить.

Для самоизоляции «деспота Аморийского» и его семейства были избраны селения Хломос и Молевотина в южной части острова¹¹. Хломос, где жил сам деспот, по сей день стоит на склоне высокого холма. На самой его вершине находится храм, освящённый в честь архангела Михаила — предводителя Небесного воинства. На его месте в XV в. стояла более ранняя постройка¹². В селении, насколько можно судить, не сохранилось домов старше XVIII в., однако тихая деревенская атмосфера в Хломосе, кажется, не сильно изменилась с середины XV столетия.

Во время чумы Фоме приходилось размышлять над двумя задачами: вести вынужденные переговоры с султаном и налаживать связи с папой римским, чтобы понтифик принял его с семьёй. Первую задачу пришлось решать архонту Георгию Раулю¹³, вторая же была поручена зятю Рауля — Иоанну Ралису¹⁴. По всей видимости, в 1472 г. родственник Георгия Рауля Димитрий Рауль Кавакис — Дмитрий Грек русских летописей — будет представителем братьев Софьи на её свадьбе в Москве¹⁵. Он приезжал в Москву и позднее, в 1474 г.¹⁶ Можно считать Иоанна Ралиса родственником Иоанна Ралева русских летописей (или даже отождествлять с ним)¹⁷.

Мехмед II временно пленил Георгия Рауля и бывших с ним людей¹⁸ и, по свидетельству Сфрандзи, не раз присылал Фоме в Хломос предложения отпра-

¹⁰ Сфрандзи Г. Указ. соч. С. 232.

¹¹ Там же. С. 232–233.

¹² *Maestro Gioia R. Magic corner of Corfu, Chlomos. Pisa, 2011.*

¹³ Г. Сфрандзи характеризует его как «полезного по уму и по делам» (см.: Сфрандзи Г. Указ. соч. С. 229).

¹⁴ Сфрандзи Г. Указ. соч. С. 232.

¹⁵ ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 296, 299–300; М., 1959. Т. 26. С. 248–249 и др.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 303.

¹⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 287. Интересно, впрочем, что Ралевы в России считались чуть ли не родственниками Палеологов (в известии от 1485 г. о приезде Иоанна Ралева он назван «Ралев-Палеолог»). На самом деле Ралевы не были родственниками императоров. См. об этом: *Скржинская Е. Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию? // Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000. С. 169–170, 176–179.* Думается, что давняя и крепкая связь рода Ралевых с семьёй Фомы Палеолога способствовала появлению представления об их кровном родстве.

¹⁸ Сфрандзи отмечает, что они «были связаны, а ноги их закованы в железо». См.: Сфрандзи Г. Указ. соч. С. 232.

вить к себе «кого-нибудь из детей» Фомы. В этом случае султан обещал «сделать добро» деспоту¹⁹. Под «детьми» султан мог понимать не только сыновей-наследников Андрея и Мануила, но и дочь — Софью. Уместно вспомнить, что многие дочери греческих аристократов заканчивали свою жизнь в гареме султана. Так, Георгий Сфрандзи не успел выкупить из сераля (султанского дворца) свою дочь Тамар, и она скончалась от чумы в 1455 г. среди сотен других несчастных девушек, к большому горю хрониста. «Увы, увы мне, злосчастному родителю!»²⁰ — доносятся сквозь века безутешные стенания Сфрандзи. Брат же и вечный соперник Фомы в борьбе за власть²¹ — Димитрий Палеолог — напротив, сам (!) отдал султану свою дочь в обмен на его благорасположение...²² Фома же никого султану не прислал. Возможно, именно в те овечьные опасностью заражения смертельной болезнью месяцы Софья не только почувствовала искреннюю любовь к ней отца, но и начала смутно осознавать, что у Господа есть какой-то значимый для греческого народа замысел о ней.

По свидетельству Сфрандзи, в ноябре 1461 г. Фома покинул Корфу, отправился в Анкону и оттуда в Рим, куда только перед своей кончиной (в мае 1465 г.) вызвал детей. Они, впрочем, не успели застать отца живым: с весны в Центральной Италии свирепствовала чума (не от неё ли скончался деспот?), и кардинал Виссарион, надеясь спасти жизни наследников Фомы, настоял на том, чтобы они переждали моровое поветрие вдали от Вечного города. Кардинал благословил их отправиться из Анконы на цветущую Сицилию²³, однако они остались в окрестностях Анконы — в крепости Чиньоли, где жили во дворце местного епископа²⁴.

Примечательны детали известия об отъезде Фомы в Италию. Сфрандзи сообщает, что деспот «сел на одно из лёгких корфийских судов [Курсив мой. — Т.М.]»²⁵. На «лёгких судах» невозможно перевезти сколько-нибудь значимые грузы²⁶, например, огромную библиотеку византийских императоров, о которой

¹⁹ Сфрандзи Г. Указ. соч. С. 232–233.

²⁰ Там же. С. 226.

²¹ Об извечном противостоянии Фомы и Димитрия см. подробно: *Ronchey S. L'enigma di Piero. Milano, 2010. P. 7, 248 и др.* Эхо этих раздоров отозвалось даже в источниках русского происхождения. Так, в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» сказано, что Фома и Димитрий не смогли прислать никакой помощи Константину XI, поскольку враждовали между собой на Пелопоннесе: «...и братия его не успеха, понеже распря велия бе между ими...» (БЛДР. СПб., 1999. Т. 7. С. 36).

²² Сфрандзи Г. Указ. соч. С. 227, 230.

²³ *Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Bd. 1. Paderborn, 1923. S. 309.*

²⁴ *Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы: История, судьба, тайна. М., 2003. С. 123.*

²⁵ Сфрандзи Г. Указ. соч. С. 233.

²⁶ С Пелопоннеса на Корфу Фома также добирался на «каких-то судёнышках» (Сфрандзи Г. Указ. соч. С. 231). Грузы же сравнительно небольшие Фома перевезти мог. Так, он прибыл в Рим с главой св. ап. Андрея Первозванного, которую взял с собой,

есть распространённое мнение, что она будто бы была спасена от османов и позже привезена Софьей в Москву. Софья никакой обширной библиотеки не привозила: в трагических обстоятельствах спешного бегства с территорий гибнущей империи её старшие родственники просто не могли себе позволить думать о сохранении сколько-нибудь значительного большого собрания книг²⁷. Им было важно сохранить жизни — свои и своих близких, и даже это им не всегда удавалось.

Когда деспот Фома уехал в Рим, Софья с матерью — Екатериной — и братьями оставалась на Корфу. Через короткое время — в августе 1462 г. — Екатерина умерла. От чумы она умерла или нет — неизвестно, но Сфранзди сообщил, что её похоронили в храме монастыря свв. Ясона и Сосипатра неподалеку от старой крепости Корфу. Этот храм сохранился, но могила Екатерины утрачена. Находившийся при семье Фомы «греческий гуманист»²⁸ Германим Харитоним (Ермитиан) написал монодию (скорбный плач) на смерть Екатерины²⁹.

Ермитиан — довольно заметная фигура в греко-итальянском интеллектуальном пространстве того времени. Через короткое время он написал и панегирик братьям Софьи как продолжателям традиции семьи Палеологов — правителей-защитников греков от турок³⁰. Вообще, Ермитиан мог бы называться придворным поэтом при семье Фомы, но его так не называют: «двор» в условиях бегства, чумы, вынужденной самоизоляции и страха оказаться в руках султана,

покидая Патры. Святыня — заодно и привёзший её Фома — были торжественно встречены в Риме. Перенесению главы св. Андрея в Рим придавалось огромное символическое значение: апостол Востока прибыл в Рим, куда стремился ещё при жизни. Образ перенесения восточной святости под крыло Рима был бесконечно дорог римским униатам. В XVI в. место встречи главы апостола Андрея было увековечено возведением небольшой базилики, которая сохранилась по сей день. Во внутреннем дворике церкви сохранилась и статуя апостола Андрея. См. очень подробно: *Savettieri C. Lo spettacolo del potere: i luoghi, i simboli, le feste // Roma del Rinascimento / a cura di A. Pinelli. Roma ; Bari, 2007. P. 189–190; Плеханова М.Б. Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV — начала XVI в. // «Друг — зеркало для друга...»: Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. М., 2013. С. 21–26.*

²⁷ Показательны в этом смысле известные свидетельства о том, с каким вниманием и трудом (!) Виссарион собирал греческие манускрипты и организовывал их копирование в своём доме! Известно, что свою коллекцию рукописей он завещал Венеции, где она стала ядром одного из крупнейших книжных собраний Европы — библиотеки Св. Марка. Если бы в распоряжении кардинала была библиотека византийских императоров, привезённая Фомой, он непременно сообщил бы греческим общинам Италии о том, какое величайшее сокровище находится в его руках.

²⁸ Об этом понятии и историко-культурном явлении см.: *Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.*

²⁹ *Ronchey S. Op. cit. P. 231.*

³⁰ *Лобовикова К.И. Ермитиан // ПЭ. М., 2008. Т. 18. С. 632–633.*

Современный памятник Константину XI Палеологу в Мистре. Фото автора. 2019 г.

Патры. Внутри старой крепости. Фото автора. 2019 г.

Дворец морейских деспотов в Мистре, где не раз бывали Константин XI, Дмитрий и Фома Палеологи. XV в. Фото автора. 2019 г.

Апостол Павел. Скульптура середины XV в. работы Паоло Романо на мосту Святого Ангела в Риме. Мастер придал апостолу черты Фомы Палеолога. Фото автора. 2017 г.

Вид на Старую крепость Керкиры. Фото автора. 2014 г.

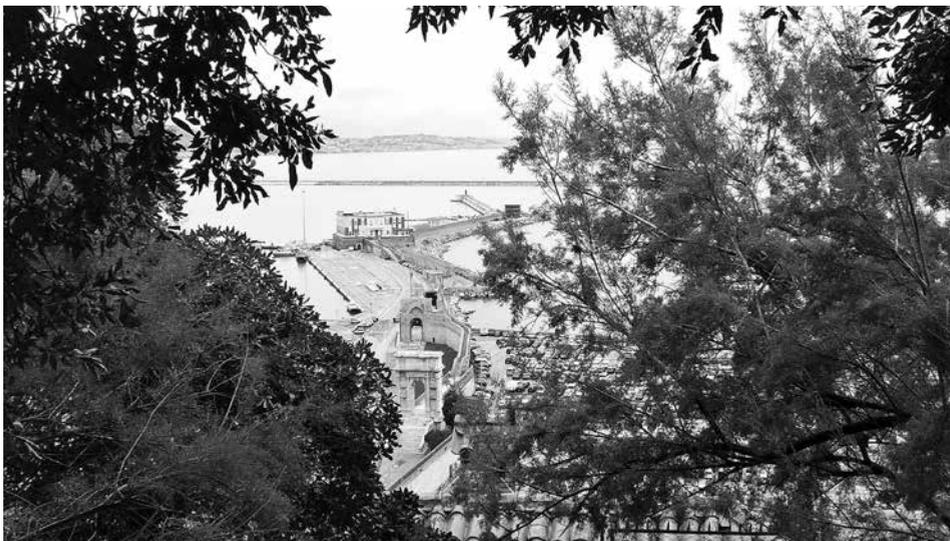
На улицах селения Хломос. Фото автора. 2014 г.

Вид на море из селения Хломос. Фото автора. 2014 г.

Церковь свв. Ясона и Сосипатра в Керкире. Фото автора. 2014 г

*Вид с холма собора Сан-Чириако на старый порт Анконы, где сохранилась древняя арка Тита и фрагменты средневековых стен. Эти постройки были первыми, что видели в Анконе и Фома, и его наследники.
Фото автора. 2019 г.*

*Анкона. Фрагмент романского декора портала церкви Санта Марья алла Пьяцца (XII в.).
Фото автора. 2019 г.
Думается, Софья, глядя на творения домонгольских зодчих на Руси, могла бы еще до Аристотеля Фиораванти воскликнуть «Наши строили!».*

способного сдирать кожу со своих врагов³¹ — понятие довольно условное. По прочтении источников складывается впечатление, что окружение Фомы постоянно менялось, подчас довольно хаотично. Именно тогда уже, впрочем, семье Фомы были близки и Раули, и Ралевы, и, по всей видимости, Траханиоты³². Вероятно, в это же время в ближний круг семьи Фомы вошел и мангупский князь Константин, также приехавший на Русь с Софьей и духовно процветший в конце XV в. на Русской земле (в Ферапонтово он принял постриг с именем Кассиан и позже основал монастырь при впадении речки Учемки в Волгу).

Итак, 1460-е гг. были тяжёлым периодом в жизни Софьи. Никакие головокругительные панорамы, открывающиеся с холма в Хломосе, не могли скрасить её тоску по утраченной родине и тем более по родителям. Как именно эти переживания отозвались в душе и сердце Софьи, сказать невозможно. Но череда происходивших на фоне чумы страхов и потерь, конечно, сформировала у Софьи ощущение того, что её жизнь зависит не только от её старших родственников и тем более не от неё самой. Она твёрдо усвоила, что есть обстоятельства непреодолимой силы, которые мощным потоком несут человека вне зависимости от его происхождения, богатства и характера.

Не поэтому ли Софья позже стремилась именно убежать, скрыться от опасности в труднодоступном месте (как, например, в 1480 г., когда «бежала княгиня Софья на Белоозеро, а не гонима никим же»³³), ведь именно бегство в дальние селения её спасло в детстве и от гарема султана, и от «чёрной смерти»? Именно тогда Софья наверняка поняла и то, что её отец не готов пожертвовать ею в угоду политическим интересам, что её жизнь значима и ценна. И действительно, в конце 1460-х гг. кардинал Виссарион целенаправленно создавал её образ как важный для греков символ надежды на восстановление их государственности³⁴. Именно эта идея Виссариона лежала в основе римского проекта брака Софьи с Иваном III: кардинал хотел, чтобы вокруг Софьи как символа

³¹ См.: *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 232.

³² В начале 1460-х гг. Софья с матерью и братьями жила на Корфу в обители св. Николая, называемой Траханиотовой (см.: *Сфрандзи Г.* Указ. соч. С. 233). Что это за обитель, однако, неясно. В Керкире есть храм свт. Николая, восходящий к началу XVI в., но с Траханиотами он, насколько можно судить, не связан.

³³ Сведения об этом содержат даже придворные летописные своды, относительно лояльные Софье. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 328; Т. 27. С. 284. В летописях оппозиционной направленности и вовсе содержится пространный рассказ, осуждающий Софью и за бегство, и за разорение крестьян Белозерья. См.: ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 310–311; СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 346–347; М., 2004. Т. 23. С. 182–183; М., 2000. Т. 24. С. 201–202; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 150–151, 315–316.

³⁴ См. подробно: *Матасова Т.А.* Софья Палеолог. С. 79; *Матасова Т.А.* Влияние или молчание? Еще раз о роли Софьи Палеолог при дворе Ивана III и степени её участия в привлечении итальянских мастеров в Москву // *Исторический вестник.* 2020. Т. 33. С. 301, 306.

противостояния османам сплотились силы, способные оказать сопротивление султану³⁵.

Рассмотренный материал свидетельствует и о том, что уже в начале 1460-х гг., в числе приближённых Фомы были представители тех кланов, выходцы из которых будут сопровождать Софью по пути в Москву или приедут служить Ивану III позже. Удалось найти и (не)лишнее доказательство того, что Софья едва ли могла привезти в Москву библиотеку византийских императоров.

РЕЗЮМЕ

В статье в деталях рассмотрены свидетельства источников об обстоятельствах юности Софьи Палеолог, связанные со вспышками чумы в 1460-е гг. На основании собранных данных автор делает наблюдения о том, как они повлияли на собственную жизнь Софьи и жизнь её семьи тогда и позже.

Ключевые слова: Софья Палеолог, чума, Корфу, Италия, Виссарион, Фома Палеолог, биография.

ЛИТЕРАТУРА

- БЛДР. СПб., 1999. Т. 7.
Лобовикова К.И. Ермитиан // ПЭ. М., 2008. Т. 18. С. 632–633.
Матасова Т.А. Влияние или молчание? Ещё раз о роли Софьи Палеолог при дворе Ивана III и степени её участия в привлечении итальянских мастеров в Москву // Исторический вестник. 2020. Т. 33. С. 298–315.
Матасова Т.А. Софья Палеолог. М., 2016.
Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.
Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы: История, судьба, тайна. М., 2003.
Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подг. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова. М., 1993.
Плюханова М.Б. Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV — начала XVI в. // «Друг — зеркало для друга...»: Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. М., 2013. С. 19–45.
ПСРЛ. М., 1959. Т. 26.
ПСРЛ. М., 2000. Т. 24.
ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2.
ПСРЛ. М., 2004. Т. 23.
ПСРЛ. М., 2004. Т. 25.

³⁵ Именно поэтому в «Анналы» венецианского сенатора Доменико Малипьеро войдёт странное на первый взгляд известие о том, что Иван III будто бы хочет начать борьбу с турками, поскольку он — «зять деспота Фомы Палеолога». См.: *Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinate ed abbreviate dal senatore Francesco Longo* // Archivio storico italiano. Vol. VII. Parte 1. Firenze, 1843. P. 106.

- ПСРЛ. М. ; Л., 1962. Т. 27.
 ПСРЛ. М. ; Л., 1963. Т. 28.
 ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1.
Скржинская Е.Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию? // *Скржинская Е.Ч.* Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000. С. 153–179.
Сфрандзи Г. Хроника / предисл., пер. и прим. Е.Д. Джагацпаян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5. С. 156–240.
 Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinate ed abbreviate dal senatore Francesco Longo [Archivio storico italiano. Vol. VII. Parte 1.] Firenze, 1843.
Ariès F. Centuries of Childhood: a Social History of Family Life. New York: Vintage, 1962.
Ben-Amos I.K. Adolescence and youth in early modern England. New Haven; London: Yale University Press, 1994.
Cunningham H. Children and childhood in western society since 1500. London; New York: Longman, 1995.
Heywood C. A history of childhood: children and childhood in the West from Medieval to Modern Times. Cambridge: Polity, 2001.
Maestro Gioia R. Magic corner of Corfu, Chlomos. Pisa, 2011.
 Medieval families: perspectives on marriage, household, and children / ed. by Carol Neel. Toronto: University of Toronto Press, 2004.
Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Bd. 1. Paderborn, 1923.
Orme N. Medieval children. New Haven; London: Yale University Press, 2001.
Pollock L. A. Forgotten children: parent-child relations from 1500 to 1900. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
Ronchey S. L'enigma di Piero. Milano, 2010.
Savettieri C. Lo spettacolo del potere: i luoghi, i simboli, le feste // Roma del Rinascimento / a cura di A. Pinelli. Roma — Bari, 2007. P. 161–198.

SUMMARY

Matasova T.A.

The Plague Epidemics of the 1460s in the Fate of Sophia Palaeologus

The article examines in detail the evidence from sources concerning the circumstances of the youth of Sophia Palaeologus, intertwined with outbreaks of the plague in the 1460s. Based on the collected data, the author observes how they affected Sophia's own life and the life of her family then and later.

Keywords: Sofia Palaeologus, plague, Corfu, Italy, Vissarion, Thomas Palaeologus, biography.

REFERENCES

- Lobovikova K.I. Ermitian. *Pravoslavnaya enciklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya enciklopediya, 2008, vol. 18, pp. 632–633.
 Matasova T.A. *Sof'ya Paleolog*. Moscow, Molodaya gvardiya, 2016.

Matasova T.A. Vliyanie ili molchanie? Eshche raz o roli Sof'i Paleolog pri dvore Ivana III i stepeni ee uchastiya v privlechenii ital'yanskih masterov v Moskvu. *Istoricheskij vestnik*, 2020, vol. 33, pp. 298–315.

Medvedev I.P. *Vizantijskij gumanizm XIV–XV vv.* St. Petersburg, Aletejya, 1997.

Panova T.D. *Kremlevskie usypal'nicy: Istorija, sud'ba, tajna.* Moscow, Indrik, 2003.

Plyuhanova M.B. Rol' greko-ital'yanskih uniatov v stanovlenii religioznyh i politicheskikh idej na Rusi konca XV — nachala XVI v. “*Drug — zerkalo dlya druga...*”: *Rossijsko-ital'yanskije obshchestvennye i kul'turnye svyazi, X–XX vv.* Moscow, Izdatel'skij centr Instituta rossijskoj istorii RAN, 2013, pp. 19–45.

Sfrandzi G. Khronika. *Kavkaz i Vizantiya.* Erevan, Izdatel'stvo Akademii Nauk Armyanskoj SSR, 1987, issue 5, pp. 156–240.

Skrzhinskaya E.Ch. Kto byli Ralevy, posly Ivana III v Italiyu? *Rus', Italiya i Vizantiya v srednevekov'e.* St. Petersburg, Aletejya, 2000, pp. 153–179.

Носов А.В.

Два свидетельства о море 1654 г. в Солигаличе и Шуе

В 2015–2019 гг. археографическая лаборатория исторического факультета МГУ проводила ежегодные экспедиции в Костроме и близлежащих регионах. Традиционно неотъемлемой частью экспедиций стало описание кириллических старопечатных книг и рукописей. Исследователям приходилось сталкиваться с совершенно разными экземплярами и кодексами. Несмотря на обилие записей и маргиналий в описанных книгах, далеко не всегда удавалось проследить даже фрагментарную историю их бытования. Тем не менее зачастую благодаря историческому потенциалу записей и маргиналий историк может попытаться что-то узнать о владельцах книг: имя, место жительства, род занятий, личные интересы, финансовые возможности, мировоззренческие особенности, наконец, время, в которое он владел книгой.

Записи как исторический источник обладают рядом особенностей. Владельческие записи самые многочисленные. Они появляются в ходе бытования книги и фиксируют факт продажи и приобретения экземпляра. Записи составлялись по чёткой и жёсткой формуле, которая определяла их форму и структуру. Информация в записях имеет двойственный характер. Открытая информация определяется целью автора сообщить о конкретном событии (покупка книги), а скрытая — отражает зависимость записи от конкретной исторической и историко-культурной ситуации, в которой она была создана¹. Без учёта этих данных корректное исследование информационных возможностей записей попросту невозможно.

В данной статье речь пойдёт о восприятии мора 1654 г. владельцами книг по материалам записей и маргиналий. Чума свирепствовала во всей центральной части России с июля 1654 по февраль 1655 г. Наибольшие потери понесли регионы Костромы и Нижнего Новгорода, там погибло более 8,5 тысяч человек².

¹ Поздеева И.В. Человек. Книга. История. Московская печать XVII века. М., 2016. С. 236–239.

² Никонов Н.И. Шуйско-Смоленская икона Пресвятой Богородицы. История и иконография. СПб., 2008.

В центре внимания оказались книги, чьи владельцы стали свидетелями мора 1654 г. Это Черевинский список Летописца Солигаличского Воскресенского монастыря из Солигаличского краеведческого музея³ и Минея, февраль (М., 1622) из собрания Костромского музея-заповедника⁴. Любопытно посмотреть, делают ли владельцы книг записи о море или же обходят стороной это трагичное событие.

Черевинский список Летописца — интереснейший памятник из Солигаличского краеведческого музея, описанный автором этих строк в 2019 г. В 1970–1980-е гг. рукопись пытался изучать химик и краевед, солигаличанин Н.А. Фигуровский⁵, который и опубликовал этот список⁶. Однако он не имел должной источниковедческой подготовки. Сравнение опубликованного текста с Черевинским списком выявило многочисленные неточности и ошибки. Иные исследования списка неизвестны, поэтому приходится констатировать, что эта уникальная рукопись впервые была изучена в ходе археографической экспедиции.

Другие списки Летописца Солигаличского Воскресенского монастыря давно стали предметом изучения историков, филологов и краеведов⁷. Значительным вкладом в изучение Летописца стали последние посвящённые ему работы — статьи С.А. Семячко и А.Г. Авдеева⁸. Варианты памятника неоднократно издавались⁹, однако содержательные противоречия текстов и датировок

³ КМЗ СКМ ОФ-884. Инв. № Д1-183.

⁴ КМЗ КОК-30285/20.

⁵ *Фигуровский Н.А.* Очерки средневековой истории города Солигалича. Кострома, 2010. С. 25–27.

⁶ Там же. С. 255–261.

⁷ Наиболее полный историографический обзор см.: *Преображенский А.А.* Летопись Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской: (историографические и источниковедческие заметки) // *Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей.* М., 1978. С. 232–243.

⁸ *Семячко С.А.* Из комментария к тексту «Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря» (К характеристике вымышленной летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 284–290; *Семячко С.А.* К вопросу об использовании письменных и устных источников при создании повестей об основании монастырей и монастырских летописцев («Повесть о Тверском Отроче монастыре» и «Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря») // *Книжные центры Древней Руси. XVII в.: Разные аспекты исследования.* СПб., 1994. С. 245–265; *Авдеев А.Г.* Еще раз об истории Троицкой Варнавиной пустыни // *Приглашение к истории.* Сб. ст. М., 2003. С. 92, 102–103; *Семячко С.А.* Летописец Солигалицкого Воскресенского монастыря // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. СПб., 2004. С. 471–474.

⁹ *Апушкин В.* Рукописный сборник первой четверти XIX в. Ф.И. Нащокина // *Костромская старина.* Вып. 5. Кострома, 1901; *Дунаев Б.И.* Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигаличским служилым человеком Ф. И. Нащокиным // *Древности. Труды Археографической комиссии Императорского Московского археологического общества.* М., 1913. Т. 3.; *Титов А.А.* Летописец Воскресенского

рукописей не позволяли исследователям составить полную картину истории Летописца.

С.А. Семячко предприняла попытку систематизировать накопленные в науке и вновь выявленные сведения о литературной истории и рукописной традиции памятника. Согласно её изысканиям, Летописец сохранился в 15 списках XVII–XIX вв. По составу текстов они были поделены на пять вариантов¹⁰. Среди них примечательны наиболее ранние: вариант без дополнений, содержит легендарное повествование об основании Воскресенского монастыря и об отношениях костромских и галицких князей в XIV в. (1331/32–1371/72 гг.), и вариант с дополнительными статьями о династической войне второй четверти XV в.¹¹ Также любопытен пятый вариант Летописца — начала XIX в. с дополнительными статьями за XVII в. (некоторые списки продолжены статьями XVIII — начала XIX вв.)¹². Летописец не получил широкого распространения, в основном он известен по солигалицким спискам. Поэтому Летописец интересен как локальный памятник позднего летописания.

Черевинский список — это небольшой конвюлот, состоящий из одной тетради (л. 1–8) и приплетённых к ней трёх листов (л. 9–11). Листы первой тетради без водяных знаков, здесь полууставом с элементами скорописи XVII в. написан Летописец (первый почерк). На л. 9–11 вторым почерком также полууставом с элементами скорописи XVII в. написаны дополнительные статьи. Этим почерком в нижней части л. 8 об., сразу после текста Летописца, приведены две краткие летописные статьи за 7162 (1653/54) и 7167 (1658/59) гг. с упоминанием 7171 г. (1662/63). На л. 11 об. последняя и наиболее поздняя дата — 6 октября 7172 г. (1663). Листы второй части шире первой на 3 мм. Водяной знак сильно обрезан: «Голова шута» семизубная¹³, с тремя крупными шарами под шутом и литерой «С» (л. 9–11): аналогичен Хивуд, 2015 — 1668 г.

Приведенные данные позволяют датировать рукопись последней третью XVII в. и, вероятно, сместить верхнюю хронологическую границу ближе к 1660-м гг. (в Летописце отсутствуют известные по более поздним спискам статьи об освящении каменного и теплого храма в Солигалицком Воскресенском

монастыря, что у Соли Галичской // Труды IV областного историко-археологического съезда в гор. Костроме, в июне 1909 г. Кострома, 1914; *Авдеев А.Г.* Указ. соч.

¹⁰ *Семячко С.А.* Летописец Солигалицкого Воскресенского монастыря... С. 471 — 472.

¹¹ Там же. С. 254–256.

¹² Там же. С. 256–257.

¹³ На водяном знаке отчётливо видно три боковых зубца и фрагмент центрального. Подобная композиция рисунка схожа только со семизубными знаками «Голова шута». На колпаке шута имеется два больших бубенца, на верхней части лица виднеется только надбровная дуга.

монастыре в 1669 и 1681 гг.¹⁴). Черевинский список — третий по старшинству после известных списков второго варианта памятника (БАН. № 4.7.16, РНБ. Пог. № 1612), поэтому он чрезвычайно важен для изучения рукописной традиции Летописца.

Возвращаясь к теме мора 1654 г., стоит обратиться к первой части Летописца. На листах 1–8 об. содержится повествование о событиях XIV в. в статьях за 6840–6880 гг. (1331/32–1371/72)¹⁵. Эта часть Черевинского списка полностью совпадает с текстом первого варианта памятника, но в ней отсутствуют дополнительные статьи за 6866–6871 гг. (1357/58–1363/64), включённые во второй вариант Летописца.

В нижней части л. 8 об. вторым писцом были написаны две краткие статьи середины XVII в.: Лѣто 7162-м (1653/54) году мнози челоуѣцы изомроша моровым повѣтрием. А служба зачалась пред мором того же году. Во 167-м (1658/59) году были мѣдные деньги и ходили до ста 71-го (1662/63)»¹⁶.

Несмотря на сухой, даже протокольный характер приписок, их появление в рукописи знаменательно. Первая тетрадь с первой частью памятника представляет собой полноценное законченное произведение. Приписки на л. 8 об. выглядят как попытка второго писца продолжить монастырскую летопись в середине XVII в. Являясь свидетелем событий, значимых для него и жизни монастыря в XVII в., вероятно, второй писец зафиксировал их, тем самым продолжил вести эту летопись. Вызывает вопрос краткая фраза «служба зачалась...»: видимо, здесь идёт речь о восстановлении обителя после её разорения польско-литовскими интервентами. Об этом сообщается в позднейших вариантах памятника.

С осторожностью можно допустить, что распространение чумы побудило второго писца дописать текст Летописца, поскольку за этими приписками книжник привёл второй хронологический пласт памятника (XV в.), очевидно, воспользовавшись дополнительными источниками. Затем он записал две дополнительные статьи за 1663 г. о строительстве каменного собора, то есть снова вернулся к монастырским событиям XVII в.

Совершенно иначе мор 1654 г. коснулся февральской Минеи 1622 г., описанной мной в 2015 г. в Костроме. Экземпляр полностью сохранен за исключением отсутствия пустых и припереплётных листов; переплёт XVII в., доски в коже со слепым тиснением дорожником и басмами, кожа затёрта и поцарапана, спеньки, застѣжки и фрагменты кожи утрачены. Были выявлены надрывы, утраты фрагментов полей и нижних углов многих листов, масляные пятна и капли воска на бумаге, следы затёков сырости в верхней части блока по всей книге, подклейка

¹⁴ Дунаев Б.И. Указ. соч. Стб. 303.

¹⁵ КМЗ СКМ ОФ-884. Инв. № Д1-183. Л. 1–8 об.

¹⁶ Там же. Л. 8 об.

отдельных листов бумагой XVII в. с фрагментом филиграни, на которой изображён щит и корона. Всё это говорит о том, что Минея активно использовалась в богослужебных целях, но в какой-то момент она попала в неблагоприятные условия хранения.

В Минее содержатся две записи 1653 г. и 1672 г. Они свидетельствуют о продаже книги из Шуйского Троицкого монастыря в Покровскую обитель села Иваново и о последующей покупке экземпляра одним из шуйских приходов. С известными оговорками данные записи позволяют реконструировать исторический контекст бытования Минеи. Особенно интересно взглянуть на бытование книги на фоне мора 1654 г. и его последствий.

Следует остановиться на характеристике истории Шуйского монастыря, чтобы понять, в каких условиях хранилась Минея в этой обители.

Троицкий мужской монастырь находился в Шуе на территории посада. Первые сведения об обители относятся к первой четверти XVII в., когда им управлял архимандрит Варнава. Согласно писцовой книге Шуи Афанасия Векова (1629 г.), в монастыре было две «древние» деревянные церкви: Троицкая с Казанским приделом и Успения Богородицы. На тот момент обитель насчитывала всего десять монахов, она была небольшой и располагала скудным имуществом. Неясно, как изучаемая Минея оказалась в монастыре — записи ничего об этом не сообщают. В перечне богослужебных книг монастыря была указана только общая Минея¹⁷. Вероятно, после выхода из печати у февральской Минеи 1622 г. был другой владелец, и она попала в Шуйский Троицкий монастырь уже после 1629 г. До этого в обители могла находиться одна из шести общих Минеи, изданных с 1600 по 1628 гг.

В основном Церковь покупала лишь пятую часть тиража сразу после его выхода, поскольку основная масса книг вкладывалась или продавалась в храмы и монастыри из рук «светских» владельцев — первых покупателей¹⁸. Не ясно, как Минея попала в Троицкий монастырь: она не содержит ранних вкладных или купчих записей.

Мор пришёл в Шую 1 сентября 1654 г. и унёс 560 жизней, в живых осталось всего 610 человек¹⁹. Шуя избавилась от чумы в кратчайшие сроки. Согласно «Сказанию о иконе Богоматери Шуйской», жители города спаслись благодаря чудесам от этой иконы.

¹⁷ *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851. С. 125–126; *Правдин Е.* Описание города Шуи и шуйских церквей с приложением Сказания о чудесах от чудотворной иконы Шуйской-Смоленской Божией Матери. Шуя, 1884. С. 150.

¹⁸ *Поздеева И.В.* Указ. соч. С. 86.

¹⁹ *Правдин Е.* Указ. соч. С. 4–5.

«Сказание» описывает распространение чумы в Шуе, некоторые меры, предпринимаемые для борьбы с эпидемией, историю создания Шуйской иконы и чудеса, происходившие от неё²⁰. Древнейший список этого сочинения (РНБ, Q.XVII.79, л. 72–173) датируется концом XVII в. Он сообщает, что «Сказание» было создано как бы «по горячим следам» новой волны чудотворений в 1666 г. По замечанию Д.М. Буланина, памятник был написан между сентябрём 1666 г. (на этом месяце обрывается повествование о чудесах) и приездом патриаршей комиссии летом 1667 г. (об её работе по изучению чудес уже не говорится). Исследователь полагает, что «Сказание» могло быть составлено клириками Воскресенского храма²¹.

Рациональное противостояние чуме выражалось в соблюдении изоляции либо в бегстве в незаражённый регион (зачастую из-за этого мор развивал колоссальную скорость распространения). Провиденциальное сознание издревле видело в эпидемиях Божью кару за грехи. Поэтому в такой ситуации людям оставалось только каяться, молиться, совершать крестные ходы, молебны и давать обеты, надеясь на Божью милость.

Все эти черты присутствуют в «Сказании». Священники и прихожане неоднократно совершали крестные ходы по городу с крестами и иконами от всех церквей, собирались в соборном храме и служили молебны об избавлении от чумы. Клирики и горожане «на покаяние к Богу обращающа, [...] и бдяще, и моляще и постящася духовне и телесне»²². Эти свидетельства «Сказания» напоминают литературный топос. Однако с его помощью автор мог описать реальные эпизоды из истории Шуи, когда население несмотря ни на что оставалось в городе и пыталось бороться за своё спасение.

Автор памятника специально останавливается на описании одного из методов борьбы с мором — на обетах. Они представляли собой особые обещания Богу, Богородице или святым, которые человек обязан был выполнить, если он получал от Бога просимую помощь. Примечательны следующие обеты жителей Шуи: «Овии убо обещающася святяга Божия церкви вновь созидати... Инии же книгами же в церквах Божиих, святяга иконы Владычни, и Богоматере, и угодников Божиих вновь писати и окладовати»²³.

Согласно «Сказанию», благодаря такому обету Шуя была спасена от чумы. Прихожанин Воскресенской церкви предложил в своем приходе написать икону Смоленской Божьей Матери. Заказ выполнил шуйский иконописец Герасим

²⁰ Сказание о иконе Богоматери Шуйской // Гундобин П.И. Описание Шуйского Воскресенского собора и сказание о чудесах от чудотворного образа Шуйской Смоленской Божией Матери, находящегося при Воскресенском соборе. М., 1862. С. 41.

²¹ Буланин Д.М. Сказание о иконе Богоматери Шуйской // СККДР. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 602.

²² Сказание о иконе Богоматери Шуйской... С. 43–44.

²³ Там же. С. 44.

Тихонов Иконников. Вероятно, он был потомственным иконописцем, который также написал Владимирскую икону Богородицы для церкви села Взорнова близ Шуи²⁴

Известны и другие литературные памятники, написанные по случаю чудесных спасений от чумы в это же время: Сказание о Богородице Седмиезерской, Смоленской в Смоленском монастыре под Ярославлем и в Успенском соборе Ярославля, Одигитрии Югской²⁵. Так что вполне возможно, что идея написать обетный образ Смоленской иконы Богородицы возникла у жителей Шуи после получения известий о чудесах, которые происходили незадолго до этого в Ярославле.

Икона была помещена в Воскресенскую церковь. Вскоре по молитвам у этой иконы мор постепенно покинул сначала Воскресенский приход, а к 12 октября и всю Шую.

Действительно ли город был спасён только благодаря молитвам прихожан Воскресенского храма? Сразу после краткого описания распространения мора в Шуе «Сказание» сообщает о действиях безымянного настоятеля Шуйского Троицкого монастыря: «[...] тогда сея киновии архимандрит приходящи во град» для молитв в соборном храме; «из киновии Живоначальныя Троицы» в Шую приходили крестные ходы, а далее следовали вокруг города и по посаду²⁶.

В 1657 г. Алексею Михайловичу была подана челобитная от архимандрита Шуйского монастыря Антония и казначея Гурия²⁷. Ранее данное упоминание имени настоятеля считалось первым.

Однако запись из Минеи проливает свет на более ранние события: «Лѣта **ЗРѢВ** (7162 = 1653. — А .Н.) году сентября въ **И** (8. — А. Н.) д<e>н живоначалны Троицы Шуиского м<o>н<a>ст<y>рѧ казначѣи старецъ Феодосеи продал сию кннигу (!) мес<y>ць ѿеврал в село Иваново Покровскому дикону Лаврантию Михаилову по приговору архимарита (!) Антони і всеи братъи»²⁸. Антоний являлся архимандритом Троицкой обители как минимум с сентября 1653 г. Вероятно, запись была сделана казначеем Феодосием, поскольку о Троицком монастыре указано наибольшее количество информации в сравнении с описанием будущего владельца — Покровского монастыря в Иванове. Примечательно, что нет и намека на продажу книги в другую обитель: упоминается лишь покупатель, покровский дьякон Лаврентий, который, возможно, был отправлен в Шую за этой книгой. Соотношение информации из челобитной и

²⁴ Иконников Герасим Тихонов // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 31.

²⁵ Буланин Д.М. Указ. соч. С. 585.

²⁶ Сказание о иконе Богородицы Шуйской... С. 43.

²⁷ Акты, относящиеся до бывшего Шуйского Троицкого монастыря. № 94 // Борисов В.А. Указ. соч. С. 439.

²⁸ КМЗ КОК-30285/20. Л. 1–9.

записи позволяет судить о новом назначении на должность монастырского казначея: ещё 8 сентября 1653 г. казначей Феодор занимался продажей февральской Минеи, а до 20 января 1657 г. эту должность занял Гурий. Архимандрит Антоний продолжил возглавлять монастырь и в 1667 г.: его имя встречается в царской грамоте в Шую от 27 марта 1667 г.²⁹

Таким образом, при описании борьбы с эпидемией «Сказание» имеет в виду конкретное лицо, троицкого архимандрита Антония, который оказывал горожанам духовную и молитвенную помощь.

Попробуем представить динамику развития событий в Шую во время мора. Чума свирепствовала в городе почти полтора месяца (с 1 сентября по 12 октября), поэтому многочисленные молебны и крестные ходы совершались стремительно и в сжатые сроки. В первые дни горожане участвовали в молениях и, вероятно, начали давать обеты. Вскоре было принято решение о написании Смоленской иконы Богородицы. «Сказание» сообщает, что икона писалась в течение недели³⁰. За этим последовали моления перед иконой, в результате которых чума постепенно покинула сначала Воскресенский приход и всю Шую к 12 октября. Вероятно, решение о создании Шуйской иконы было принято в начале мора. Предложение о таком обете было объявлено «в праздничный убо день»³¹. Первым большим праздником с начала чумы было Рождество Богородицы (8 сентября).

Спустя несколько лет от этой иконы стало происходить множество чудес: с весны 1666 по осень 1667 г. было зафиксировано 103 чуда³². По просьбе горожан и настоятеля храма летом 1667 г. от царя и патриарха в Шую прибыла специальная комиссия из архимандритов, игуменов и протопопов. Комиссия признала действительность большей части чудес, а Воскресенская церковь получила статус соборного храма³³. Активность прихожан и благодарных чудотворной иконе богомольцев на этом не иссякла. Усилиями горожан вскоре был построен пятиглавый каменный Воскресенский собор³⁴.

Примечательно, что в Шую в 1654 г. была возведена и обетная каменная часовня в честь Животворящего Креста в благодарность Богу за избавление жителей Шуй от мора. Отныне было утверждено проведение ежегодного крестного

²⁹ Грамота царя Алексея Михайловича в Шую. № 97 // *Борисов В.А.* Указ. соч. С. 446.

³⁰ Сказание о иконе Богоматери Шуйской... С. 46.

³¹ Там же. С. 45.

³² *Добронравов В.Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5 и послед.: Шуйский и Ковровский уезды. Вязниковский и Гороховецкий уезды. Владимир, 1898. С. 9.

³³ Копия с ответа, посланного к святейшему патриарху от преосвященного Стефана архиепископа Суздальского и Тарусского // *Борисов В.А.* Указ. соч. С. 437–438; *Гундобин П.И.* Указ. соч. С. 5.

³⁴ *Правдин Е.* Указ. соч. С. 28–29.

хода (1 сентября) из Воскресенской церкви в часовню с чудотворной иконой Шуйской-Смоленской Богородицы, где совершался благодарственный молебен перед крестом и иконой. Такие крестные ходы сохранялись и в XIX в.³⁵ Так с осени 1654 г. горожане установили и сохранили особо сильное почитание и прославление не только новой иконы Богоматери, но и самого главного её чуда — спасения Шуи от чумы.

На фоне таких бурных событий история бытования Минеи не закончилась. Вторая запись сообщает о возвращении книги в одну из шуйских церквей в 1672 г.: «Лѣта **ЗРП**-г<о> (7180 = 1672. — *А. Н.*) году маи въ **КА** д<е>н<ь> продал сию книгѣ мѣсяць **ѿ**еврал<ь> села **И**ванова Покровскога монастыр черной дикан **Л**вкън в Шую в **С**оборнѣю ц<е>рсков<ь> (!) протопопу з братиєю **А**леѣѣю Антипыву, а подписал своєю рѣкою»³⁶. В сравнении с первой записью здесь представлена обратная ситуация — продавцом выступил покровский диакон Лукьян. Запись не сообщает о посвящении шуйской соборной церкви, настоятелем которой был протопоп Алексей Антипьев.

В то время в Шуе соборными можно было назвать лишь два храма: Покровский, являвшийся соборным до осени 1667 г., и Воскресенский, ставший с того момента главным соборным храмом Шуи. Поскольку запись датируется 1672 г., то следовало бы видеть в соборной церкви именно Воскресенскую.

В патриаршей грамоте от 21 июля 1667 г. архиепископу Суздальскому и Тарусскому Стефану упомянута челобитная за июль 1667 г., которую подавал поп Алексей, настоятель Воскресенской церкви, чтобы оповестить царя и патриарха о чудесах, происходящих от Шуйско-Смоленской иконы³⁷. В ответной грамоте архиепископа Стефана также указывается поп Алексей и второй священник — поп Григорий³⁸. В целом эти данные могли бы подтвердить тождество между двумя Алексееми. Однако изучение текста царской грамоты в Шую 1667 г. открывает новые данные. В ней описывается, как в ночь на 10 января 1667 г. произошло ограбление Воскресенской церкви, которое наутро осмотрело духовенство храма: «[...] попы Олексей Иванов, да Григорей Васильев»³⁹. Различия в фамилиях, в сане Алексеев заставляют видеть в них разных людей, а значит, Минея была продана в другую церковь.

В конце изучаемой книги была найдена следующая приписка: «Сия книга ох<таи> д<о>го (4-го. — *А. Н.*) гласа старого соборѣ Покровскои церкви церковная»⁴⁰.

³⁵ *Правдин Е.* Указ. соч. С. 112–113.

³⁶ КМЗ КОК-30285/20. Л. 10–14.

³⁷ Копия с грамоты святейшего патриарха Иоасафа Московского и всея Руси // *Борисов В.А.* Указ. соч. С. 434.

³⁸ Копия с ответа, посланного к святейшему патриарху от преосвященного Стефана архиепископа Суздальского и Тарусского // *Борисов В.А.* Указ. соч. С. 438.

³⁹ Грамота царя Алексея Михайловича в Шую. № 97 // *Борисов В.А.* Указ. соч. С. 446.

⁴⁰ КМЗ КОК-30285/20. Л. 274 об.

Известно, что с 1667 г. Покровский храм в Шуе получил устойчивое название: «Старый Покровский собор»⁴¹. Данные факты свидетельствуют исключительно в пользу продажи Минеи в Покровскую церковь в 1672 г.

* * *

Рефлексия владельцев книг о событиях, происходящих в их жизни или в их городе, поразительна. Приписка о море 1654 г. в Летописце Солигаличского монастыря стала первым дополнением к тексту памятника и, вероятно, побудила писца продолжить Летописец. Но далеко не всегда владельцы сообщали о каких-то происшестввах на полях своих книг. В февральской Минее нет никаких упоминаний ни о чуме, ни о Шуйско-Смоленской иконе Божией матери, ни о ежегодных крестных ходах, хотя вокруг этой книги и протекали масштабные и драматичные события.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается восприятие мора 1654 г. владельцами книг в Солигаличе, Шуе и Иванове. Работа основана на книгах, изученных автором в ходе экспедиций археографической лаборатории исторического факультета МГУ в Костроме (Летописец Солигаличского Воскресенского монастыря и Минея, февраль (М., 1622)). В статье показано, что мор 1654 г. мог побудить одного из писцов продолжить написание Летописца. Владельцы Минеи напротив, не оставили никаких записей о чуме на книге, несмотря на драматичность развивавшихся событий.

Ключевые слова: мор 1654 г., археография, Кострома, Летописец Солигаличского Воскресенского монастыря, Шуйско-Смоленская икона Божией Матери.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев А.Г. Еще раз об истории Троицкой Варнавиной пустыни // Приглашение к истории. Сб. ст. М., 2003.

Акты, относящиеся до бывшего Шуйского Троицкого монастыря. № 94 // *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851.

Апушкин В. Рукописный сборник первой четверти XIX в. Ф.И. Нащокина // Костромская старина. Вып. 5. Кострома, 1901.

Борисов В.А. Указ. соч.

Буланин Д.М. Сказание о иконе Богоматери Шуйской // СККДР. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004.

⁴¹ *Правдин Е.* Указ. соч. С. 129.

- Грамота царя Алексея Михайловича в Шую. № 97 // *Борисов В.А.* Указ. соч.
- Гундобин П.И.* Описание Шуйского Воскресенского собора и сказание о чудесах от чудотворного образа Шуйской Смоленской Божией Матери, находящегося при Воскресенском соборе. М., 1862.
- Добронравов В.Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 5 и послед.: Шуйский и Ковровский уезды. Вязниковский и Гороховецкий уезды. Владимир, 1898.
- Дунаев Б.И.* Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигаличским служилым человеком Ф.И. Нащокиным // *Древности. Труды Археографической комиссии Императорского Московского археологического общества.* М., 1913. Т. 3.
- Копия с грамоты святейшего патриарха Иоасафа Московского и всея Руси // *Борисов В.А.* Указ. соч.
- Копия с ответа, посланного к святейшему патриарху от преосвященного Стефана архиепископа Суздальского и Тарусского // *Борисов В.А.* Указ. соч.
- КМЗ КОК-30285/20.
- КМЗ СКМ ОФ-884. Инв. № Д1-183.
- Никонов Н.И.* Шуйско-Смоленская икона Пресвятой Богородицы. История и иконография. СПб., 2008.
- Поздеева И.В.* Человек. Книга. История. Московская печать XVII века. М., 2016.
- Правдин Е.* Описание города Шуи и шуйских церквей с приложением Сказания о чудесах от чудотворной иконы Шуйской-Смоленской Божией Матери. Шуя, 1884.
- Преображенский А.А.* Летопись Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской: (историографические и источниковедческие заметки) // *Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. ст. М., 1978.*
- Семячко С.А.* Из комментария к тексту «Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря» (К характеристике вымышленной летописи) // *ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48.*
- Семячко С.А.* К вопросу об использовании письменных и устных источников при создании повестей об основании монастырей и монастырских летописцев («Повесть о Тверском Отроче монастыре» и «Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря») // *Книжные центры Древней Руси. XVII в.: Разные аспекты исследования. СПб., 1994.*
- Семячко С.А.* Летописец Солигалицкого Воскресенского монастыря // *СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. СПб., 2004.*
- Сказание о иконе Богоматери Шуйской // *Гундобин П.И.* Указ. соч.
- Титов А.А.* Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской // *Труды IV областного историко-археологического съезда в гор. Костроме, в июне 1909 г. Кострома, 1914.*
- Фигуровский Н.А.* Очерки средневековой истории города Солигалича. Кострома, 2010.

SUMMARY

Nosov A.V.

Two Accounts of the Pestilence of 1654 in Soligalich and Shuya

The article examines the perception of the plague of 1654 by book owners in Soligalich, Shuya and Ivanovo. The work is based on the books studied by the

author during the expeditions of the archeographic laboratory's Faculty of History of Moscow State University in Kostroma (Chronicler of the Soligalichsky Resurrection Monastery and Miney, February (Moscow, 1622)). The article shows that the plague of 1654 may have induced one of the scribes to continue writing the Chronicler. The owners of Minea, conversely, left no writings about the plague on the book, despite the dramatic nature of the events that unfolded.

Keywords: plague of 1654, archeography, Kostroma, Chronicler of the Soligalichsky Resurrection Monastery, Shuisko-Smolenskaya icon of the Virgin.

REFERENCES

Avdeev A.G. Eshche raz ob istorii Troickoj Varnavinoj pustyni *Priglasenie k istorii*. Sbornik statej. Moscow, PSTGU, 2003.

Bulanin D.M. Skazanie o ikone Bogomateri Shujskoj. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rus*, issue 3, part 4. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2004.

Figurovskij N.A. *Ocherki srednevekovoj istorii goroda Soligalicha*. Kostroma, Avantitul, 2010.

Nikonov N.I. *Shujsko-Smolenskaya ikona Presvyatoj Bogorodicy. Istorija i ikonografiya*. St. Petersburg, Ladan, Troickaya shkola, 2008.

Pozdeeva I.V. *Chelovek. Kniga. Istorija. Moskovskaya pechat' XVII veka*. Moscow, Fantom Press, 2016.

Preobrazhenskij A.A. Letopis' Voskresenskogo monastyrya, chto u Soli Galichskoj: (istorio-graficheskie i istochnikovedcheskie zametki). *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e*. Sb. statej. Moscow, Nauka, 1978.

Semyachko S.A. Iz kommentariya k tekstu "Letopisca Voskresenskogo Soligalickogo monastyrya" (K karakteristike vymyshlennoj letopisi). *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, vol.48. St. Petersburg, Nauka, 1993.

Semyachko S.A. K voprosu ob ispol'zovanii pis'mennyh i ustnyh istochnikov pri sozdanii povestej ob osnovanii monastyrej i monastyrskih letopiscev ("Povest' o Tverskom Otroche monastyre" i "Letopisec Voskresenskogo Soligalickogo monastyrya") *Knizhnye centry Drevnej Rusi. XVII v.: Raznye aspekty issledovaniya*. St. Petersburg, Nauka, 1994.

Semyachko S.A. Letopisec Soligalickogo Voskresenskogo monastyrya. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rus*, issue 3 (XVII v.), part 4. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2004.

А.Е. Тарасов

«Великий мор» 1427 г. и книжные памятники «Пафнутьевского» цикла¹

Ещё в дореволюционной литературе отмечалось, что в Средние века «главнейшею причиною всех эпидемий считался <...> “гнев Божий, грех ради”»². Современные исследователи развили наблюдения предшественников и обосновали существование в Средневековье представлений о совместной ответственности общества перед Богом и эпидемиях как коллективных болезнях³. Указывая на очевидную связь между эпидемией и наказанием со стороны Всевышнего в мироощущении средневекового церковного автора, А.Н. Медведь в то же время обратил внимание на иногда отмечавшиеся летописцами естественные причины массовых заболеваний или совмещение ими естественных причин и Божественного промысла⁴. Представления об эпидемиях как наказании за прегрешения

¹ В этой статье под памятниками «Пафнутьевского» цикла я имею в виду три памятника книжности, в которых содержатся вложенные в уста преподобного Пафнутия Боровского рассказы, включая рассказ о «великом море» 1427 г.: «Повести отца Пафнутия», Волоколамский патерик и Отдельную редакцию Жития Пафнутия Боровского. В некоторых исследованиях под «пафнутьевским» циклом подразумеваются сами рассказы преподобного («Повести отца Пафнутия»).

² См., например: *Лахтин М.* Борьба с эпидемиями в Допетровской Руси. М., 1909. С. 4.

³ *Одесский М.П.* «Человек болеющий» в древнерусской литературе // *Древнерусская литература: Изображение природы и человека. Коллективная монография.* М., 1995. С. 158; *Юрганов А.Л.* Убить беса: путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006. С. 237–238; *Малахова А.С., Малахов С.Н.* Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI — начало XVII века). Армавир, 2014. С. 82–83; *Мильков В.В.* Древнерусское монашество и его отношение к недугам // *Вестник славянских культур.* 2015. № 2 (36). С. 13–28.

⁴ *Медведь А.Н.* Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб., 2017. С. 58; *Медведь А.Н.* Эпидемии XIV–XV вв. в церковной литературе и жизни православной церкви // *Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.).* Казань, 2018. С. 226; Ср.: «Поражая воображение современников, эта эпидемия (чума. — А. Т.)

всего общества (в отличие от личных болезней, являвшихся следствием греха отдельного человека) были характерны и для средневековой католической Европы⁵. Согласно русскому тексту «Слова Иоанна Златоуста о казнях Божиих на ны», Бог уподобляется врачу, который через наказание приходит к больному, спасая его от вечной гибели⁶. В традиционной русской крестьянской культуре взгляды на причины и природу эпидемий в качестве ниспосылаемой Богом кары были широко распространены ещё и в XIX в., а отношение к врачам и санитарным мерам колебалось между недоверием и открытой враждебностью⁷. В то же время, по мнению А.А. Селина, уже в Средневековье использовались «иные, кроме молитвы и покаяния, способы борьбы с эпидемиями», в первую очередь карантинные меры, применявшиеся не только в городах, но и в сельской местности (особенно — с 1560-х гг.)⁸.

Конец 1410-х и 1420-е гг. были отмечены на Руси рядом сильнейших эпидемий. В 1417 г. в Северо-Западной и Центральной Руси свирепствовала, предположительно, легочная и бубонная чума; в 1419–1420 гг., вероятно, сыпной тиф поразил Северо-Восточную Русь и Киев; вспышки мора по «всей земле Русской» отмечались летописцами неоднократно в первой половине — середине 1420-х гг.⁹ Наконец, в 1427 (6935) г. «мор бысть великъ во всѣх градѣх Рус-

долгое время заставляла их видеть в своем существовании проявление Высшей Воли и препятствовала стремиться к естественному объяснению явлений природы» (*Эккерман В.* Материалы для истории медицины в России. (История эпидемий X–XVIII вв.). Казань, 1884. С. 51.

⁵ *Бульст Н.* Почитание святых во время чумы. Социальные и религиозные последствия эпидемии чумы в позднее Средневековье // *Одиссей. Человек в истории.* 2000. М., 2000. С. 155.

⁶ *Майзульс М.П.* «Грех ради наших»: царская смерть и казни Божьи в источниках Московской Руси середины XVII в. // *Источниковедение культуры.* М., 2007. Вып. 1. С. 211; По мнению автора, коллективные кары, обрушивавшиеся на Русскую землю, не воспринимались средневековыми книжниками как конечная гибель всего христианского народа без надежды на спасение, а вот губительная кара отдельных грешников, за которой следуют их смерть и адское пламя, воспринималась как вполне возможная (Там же. С. 213–214).

⁷ *Степанов А.* Опахивание: ритуальная агрессия и самоорганизация // *Ритуалы бедствия: антропологические очерки.* СПб., 2020. С. 77; «Упование на божественное предопределение бедствий было распространено среди крестьян повсеместно — в случае, если беда ещё в стороне, помогая, очевидно, сохранять беспечность, а если уже нагрянула — покорность судьбе» (Там же. С. 80).

⁸ *Селин А.А.* Московские карантинные. Борьба с «моровыми поветриями» в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020. С. 24–25, 126.

⁹ *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960. С. 36–38; *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 289–290; Ср.: *Мирский М.Б.* Медицина Древней Руси. М., 2018. С. 189; Т.Ф. Хайдаров выделяет эпидемии 1419–1420 и 1424–1427 гг., а массовую

скихъ, по всѣмъ землямъ, и мерли прыщемъ; кому умереть, ино прыщъ синь, и въ 3 день умираше; а кому живу быти, ино прыщъ черлень, да долго лежить, дондеже выгниеть. И послѣ того мору, как послѣ потопа, толико лѣтъ люди не почали жити, но маловѣчни и худи и шадушни начаша быти. Того же лѣта въ той же моръ претсавися князь Василей Володимеровичъ, внукъ Андрѣевъ, правнукъ Ивановъ, праправнукъ Данила Московскаго Александровича, и положень во Архангелъ на Москвѣ»¹⁰. Некоторые исследователи, включая историков медицины, считают, что описанная в летописях смерть «прыщем» указывает на оспу¹¹. Другие связывают «великий мор» с чумой¹². Третьи, отмечая многолетние

смертность в 1421–1423 гг. связывает с чередой голодных лет (*Хайдаров Т.Ф.* Эпидемия чумы в XIII–XIV веках и её последствия // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде... С. 56–58); О череде эпидемий в Московской земле: *Веселовский С.Б.* Подмосковье в древности. Три очерка. М., 2002. С. 10.

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 7 (Никоновская летопись); Ср.: М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 52 («Моръ же великъ бысть во всех градѣх русских, мерли прыщом. Тогда преставися князь Василей Володимерович, а положен во Архаагелѣ на плащади»); СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. С. 430 («Того же лѣта моръ бысть въ Твери, а потомъ на Москвѣ. В лѣто 935 моръ бысть великъ зѣло на люди во всей земли Русской, мерли прыщемъ: кому оумерть, ино прыщъ синь и въ третий день умираше, а кому живу быти, ино прыщъ черлень, да долго лежить, дондеже выгниеть. И после того мора, как после потопа, толико лѣтъ люди не почали жить»); СПб., 1910. Т. 23. С. 146 («Моръ же великъ въ градѣх Русскихъ. Тогда преставися князь Василей Володимеровичъ»); М.; Л., 1949. Т. 25. С. 247 («Моръ же великъ въ градѣх Русских, тогда преставися князь Василей Володимерович и положень въ Архагелѣ на Москвѣ»); М.; Л., 1962. Т. 27. С. 101 («Мор бысть великъ в градах русских. Тогда преставися князь Василей Володимерович и положен во Архангелѣ на Москвѣ»), С. 268 («Моръ бысть силен на люди на Москве и въ всех градах русских и волостех и селех, мало людей осталось, мерли прыщемъ»), С. 343 («Моръ бысть силенъ на люди на Москвѣ и въ всѣх градѣх роусских и волостех и селех, мало людей осталось, мерли прыщом»); Л., 1965. Т. 30. С. 132 («Моръ был силен на Москвѣ и по всѣм градом Руским»); М., 1985. Т. 35. С. 56 («...на Москве почался мор злѣи первого»); Упоминание морового поветрия под 6935 г. можно найти и в гипотетическом Севернорусском летописном своде 1472 г. (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7. С. 318), однако существование этого свода ныне ставится под сомнение (*Новикова О.Л.* «Летописец русский» в рукописях и в истории русского летописания XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 184); Н.С. Борисов считает, что уникальное рассуждение об эпидемии отразилось под 1427 г. в труде В.Н. Тагищева, однако из приведѣнной им цитаты очевидно, что тагищевское известие соответствует сообщению Никоновской летописи (*Борисов Н.* Василий Тѣмный. М., 2020. С. 154).

¹¹ *Губерт В.О.* Оспа и оспопрививание. СПб., 1896. Т. 1. С. 186; *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий ... С. 38; *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 37; *Борисов Н.* Иван III. М., 2006. С. 21; *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв. М., 2008. С. 144.

¹² *Langer L.* The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor // Russian History. 1975. Vol. 2. № 1. P. 58; Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик.

непрекращающиеся вспышки чумы с 1417 г., тем не менее не уверены в чумном характере эпидемии 1427 г.¹³ Отмечу, что в специальном исследовании по истории чумы М.В. и Н.С. Супотницкие, внимательно изучая свидетельства источников о русских эпидемиях, события 1427 г. не упоминают вовсе¹⁴.

Эпидемия 1427 г. была осмыслена и в нелетописных текстах. По мнению А.А. Романовой, приписки к текстам пасхалий в рукописях первой четверти XV века, в которых под 6935 г. содержится пророчество «в сем лете печаль, глад и нахождение иноплеменник», могут указывать именно на мор 1427 г.¹⁵ Череда эпидемий в русских землях в конце 1410–1420-е гг. могла отразиться и в монетной чеканке: появление на монетах изображения существа «химерического» типа с коленопреклоненной человеческой фигурой, расположенной под ней¹⁶.

Свидетельства об эпидемии читаются также в «Повестях отца Пафнутия» — круге назидательных рассказов эсхатологического и визионерского содержания,

Волоколамский патерик / изд. под Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М., 1999. С. 440 (комментарий к тексту Волоколамского патерика; тот же комментарий см.: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9. С. 498); Волоколамский патерик / подг. текста, перевод и комм. Л.А. Ольшевской. М., 2011. С. 136; *Малахова А.С., Малахов С.Н.* Феномен болезни... С. 184; *Травников С.Н.* Особенности структуры Волоколамского патерика: к проблеме реконструкции памятника // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2015. Вып. 3. С. 26; *Лаврентьев А.В.* Печать великого князя Дмитрия Ивановича Донского и русские фобии XIV века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 1 (19). С. 116 (автор не касается событий 1427 г., но считает, что слово «мор» обозначает в русских летописях XIV–XV вв. именно чуму); *Метелёва И.Г.* Бич Божий. История чумы. М., 2020. С. 200 (автор полагает, что чумные эпидемии шли непрерывно с 1417 по 1428 гг.).

¹³ *Эккерман В.* Материалы для истории медицины... С. 32.

¹⁴ *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы. В 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 66–67, 69; Нет локализации чумы под 1427 г. и на карте чумных эпидемии второй половины XIV — первой четверти XV в., составленной В.Н. Темушевым и приводимой в работах А.П. Бужиловой, последний чумной год здесь — 1426-й (*Бужилова А.* «Бысть мор велик»: Чем болели в Средневековье на севере Русской равнины // *Родина*. 2003. № 11. С. 112; *Бужилова А.* Homo sapiens: История болезни. М., 2005. С. 291); Не упоминает мор 1427 г. и В.С. Ганин, впрочем, его статья носит обзорный характер, автор не приводит вообще ни одного случая чумы на Руси в XV в. (*Ганин В.С.* История чумы // *Клио*. 2006. № 2 (33). С. 172).

¹⁵ *Романова А.А.* Эсхатологические ожидания XV в. и записи в пасхалии // *Российское государство в XIV–XVII вв.* Сб. ст., посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексева. СПб., 2002. С. 223; Ср.: *Мильков В.В.* Медицинская прогностика // *Сокровенные знания Древней Руси*. М., 2015. Вып. VIII. С. 270.

¹⁶ *Алексеев И.Е.* «Химерические» мотивы на золотоордынских (джучидских) и «удельных» русских монетах XIV–XV вв. в свете гипотезы о символизации эпидемий чумы // *Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.)*. Казань, 2018. С. 187–208.

связанных с именем преподобного Пафнутия Боровского (1394–1477)¹⁷. Первый из рассказов этого круга представляет нравоучительное воспоминание основателя Боровского монастыря о моровом поветрии 1427 г.¹⁸, в котором «отец Пафнутий создал колоритную картину “пира во время чумы” отчаявшихся и потерявших человеческий облик людей»¹⁹. Данный рассказ является своеобразным прологом к так называемому «Видению некоей инокини во время мора 1427 года» — пересказу Пафнутием Боровским впечатлений воскресшей монахини о её загробном путешествии.

До сих пор у исследователей нет единого суждения относительно времени создания «Повестей отца Пафнутия». По мнению А.В. Топильской, они были записаны Досифеем Топорковым не ранее 1546 г.²⁰ По мнению А.В. Пигина, подборка создана Досифеем Топорковым в 1530–1540-е гг., но при этом Повести восходят «к каким-то более ранним устным или письменным монастырским источникам»²¹. А.А. Казаков уверен в наличии устной традиции, лежащей в основе Повестей, и считает, что Досифей Топорков записал их текст уже в 1520-е гг.²² С.Н. Травников полагает, что круг произведений, объединяемых в «Повестях отца Пафнутия», формировался на протяжении XIII–XV вв. и окончательно сложился во второй половине XV в.²³ Особо следует отметить наблюдение Б.М. Клосса, который показал, что описание симптомов болезни во время «великого мора» в Повестях дословно совпадает с их описанием в Русском Хронографе редакции 1512 г.²⁴, составленном Досифеем Топорковым в 1516–1522 гг.

«Повести отца Пафнутия» читаются в составе Волоколамского патерика и Отдельной редакции Жития Пафнутия Боровского²⁵. Также известен сборник середины XVI в., созданный книжником Вассианом Кошкой, в котором Повести

¹⁷ В то же время есть мнение, что читающиеся в Повестях предания имеют и «ярко выраженный социальный аспект» (*Хачатурян В.М.* Русские редакции эсхатологических апокрифов (кон. XV — XVIII вв.). М., 1984. Дис. ... канд. филол. наук. С. 10).

¹⁸ ОР РГБ. Волоколамское собр., № 530. Л. 572–574.

¹⁹ *Травников С.Н.* Особенности структуры Волоколамского патерика... С. 29.

²⁰ *Жития и чудеса святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы* / отв. ред. и сост. М.С. Крутова. М., 2002. Вып. 1. С. 147.

²¹ *Пигин А.В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С. 368.

²² *Казаков А.А.* Жития Иосифа Волоцкого середины XVI века как источник по истории раннего иосифлянства. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. С. 47–48.

²³ *Травников С.Н.* Особенности структуры Волоколамского патерика... С. 27.

²⁴ *Клосс Б.М.* Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV — первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. 6. С. 121.

²⁵ *Романова А.А.* Иосифо-Волоколамский патерик // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 122–124; *Алексеев А.И.* Пафнутий, прп., Боровский. Агиографические и другие источники // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 55. С. 94–95.

переписаны отдельно²⁶, что может толковаться исследователями как свидетельство их бытования в качестве самостоятельного произведения²⁷. Более того, Л.А. Ольшевская полагает, что «Повести отца Пафнутия» имели не только самостоятельное хождение, но и, появившись раньше и Жития Пафнутия Боровского, и Волоколамского патерика, стали общим источником для них²⁸. В издании Волоколамского патерика 2018 г. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников уже склоняются к версии о появлении Повестей первоначально в его составе²⁹. Ещё до революции в похожем ключе рассуждал А.П. Кадлубовский. Он не исключал, что Повести независимо повлияли на Житие и Патерик, но в то же время допускал попадание Повестей в Житие непосредственно из Волоколамского патерика³⁰. В ранней работе А.П. Кадлубовский предполагал, что Повести были добавлены к первоначальному тексту Жития после того, как на его основе была создана редакция, вошедшая в Великие Минеи Четьи (в ней Повести отсутствуют)³¹.

Текст в Повестях и Волоколамском патерике совпадает почти дословно, несущественные различия связаны с заменой или добавлением отдельных букв и слов. Можно сказать, что структура этого текста, являющегося рассказом преподобного Пафнутия Боровского, воспроизводит известную по Русскому Хронографу редакции 1512 г. клиническую картину «великого мора», дополненную примерами благочестивого (пострижение в монахи) и неблагочестивого (пьянство) поведения заболевших. Соответствующий текст в Житии имеет существенные отличия. Это пространное рассуждение об обстоятельствах эпидемии, также вложенное в уста преподобного Пафнутия, обильно дополненное библейскими заимствованиями и аллюзиями. Многие библейские заимствования в Житии были недавно определены М.К. Кузьминой³².

Сравним начало памятников «пафнутьевского» цикла. Совпадения во всех трёх текстах выделяются полужирным шрифтом.

²⁶ ОР РГБ. Волоколамское собр., № 530. Л. 572–589 об.

²⁷ Казаков А.А. Жития Иосифа Волоцкого... С. 48.

²⁸ Древнерусские патерики... С. 440; Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9. С. 498.

²⁹ Волоколамский патерик / подготовка текста, перевод, комментарии, исследование Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникова; набор церковнославянского текста А.В. Духаниной (Patrologia Slavica. Вып. 5). Москва; Брюссель, 2018. С. 182. Прим. 7.

³⁰ Кадлубовский А.П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 160.

³¹ Кадлубовский А.П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Киев, 1899. Т. 2. Отд. 2. С. 115.

³² Кузьмина М.К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015; На основе диссертации автором была издана монография: Кузьмина М.К. Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М., 2017.

Повести отца Пафнутия (ОР РГБ. Волоколамск. собр., № 530. Л. 572)	Волоколамский патерик (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9. С. 48)	Отдельная редакция Жития Пафнутия Боровского (Жития и чудеса святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / Отв. ред. и сост. М.С. Крутова. М., 2002. Вып. 1. С. 125)
Повѣсти отца Пафнутия Боровскаго. Повѣда намъ отецъ Пафнотие: «Въ время, въ неже бысть великий морь, въ лѣто 6935-го, а мерли болячкою глаголемою прыщемъ: и кому оумерти, и прыщъ той на немъ синь бываше, и, три дни болѣвъ, оумираше. И которые себе берегли, и они съ покаяниемъ и въ черньцехъ животь скончеваху...»	Повѣсти отца Пафнутия. Повѣда намъ отецъ Пафнотие: «Въ время, въ неже бысть великий морь, въ лѣто 6935-го, а мерли болячкою глаголемою прыщемъ: и кому умереть, и прыщъ той на немъ синь бываше, и, три дни болѣвъ, умираше. И которые себе берегли, и они съ покаяниемъ и въ черньцехъ животь скончеваху...»	Нѣкогда преподобному поучающоу братию о душеполезныхъ, приложи и сию повѣсть свѣтъ сказая глаголя сице: «Въ время въ неже бысть великъ морь, въ лѣто 6035-го (так!), благоволи Господь быти не токмо на странѣ нашей гнѣву великоу, но и въ царствующемъ граде Москвѣ. И по всѣмъ градомъ и весемъ, вся Русьскыя земля, по словеси Его: “Отвраще, — рече, — лице Мое от вас. И к тому вы не оузрю, яко не послушаете Мене и не внимасе гласа Моего. Имже глаголах вамъ”. Сия вся збыся, якоже рече, за оумножение грѣхъ нашихъ, наведе на грады и области отецъ нашихъ...»

Как видно, в памятниках одинаково читается начало прямой речи преподобного Пафнутия с указанием года эпидемии. Затем в Повестях и Волоколамском патерике следует краткое описание смертельных симптомов, после которого помещена краткая же характеристика благочестивого поведения неизлечимо больных — покаяние и монашеский постриг. В Житии после указания на год «великого мора» даётся объяснение его причин: гнев Божий из-за увеличения людских грехов. В прямую речь преподобного вводится речь Бога. Её первые слова, по мнению М.К. Кузьминой, восходят к фразеологии книги пророка Иезекииля: «И отвращу лице Мое от них, и осквернят стражду мою, и внидут в ня неопасно, и осквернят я» (Иез. 7:22)³³. Однако близкие конструкции дважды читаются в книге пророка Исаяи: «отврати лице Свое от вас» (Ис. 59:2) и «отвращу очи Мои от вас» (Ис. 1:15). А также в книге пророка Михея: «отвратит лице Свое от них» (Мих. 3:4). Причём ни одна из этих конструкций, включая Иез. 7:22, не соответствует дословно фразе в Житии. Дословное же соответствие обнаруживается в 3-й книге Ездры: «Приношение егда мне принесете, отвращу лице Мое от вас, дний бо праздничныхъ и неомения и преобрезания отmeshу» (3-я Езд. 1:31). 3-я книга Ездры в числе других библейских книг, переведённых с Вульгаты на славянский язык в 1490-е гг. в Новгороде во время подготовки Геннадиевской Библии, читалась в новгородском сборнике

³³ Кузьмина М.К. Функции библейских цитат... С. 185.

конца XV в., предназначавшемся непосредственно для библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря (рукопись содержит запись: «Се тетради писаны на Иосифа на Волок»)³⁴.

Наличие Ездры в Иосифо-Волоколамском монастыре, сыгравшем заметную роль в истории книжных текстов, связанных с именем Пафнутия Боровского, представляется значимым. Впрочем, иных совпадений с 3-й книгой Ездры ни в речи Бога, ни, как кажется, в других частях Жития нет. Продолжение речи Бога «яко не послушаете Мене и не внимасе гласа Моего» может иметь параллель в Псалтири: «И не послушаша людие мои гласа Моего, и Израиль не внят Ми» (Пс. 80: 11). Поскольку обе части речи Бога не содержат прямых отсылок к библейским текстам — их непосредственный источник не указан, а первая часть («Отвраще, — рече, — лице Мое от вас») и вовсе тяготеет к распространённым устойчивым формулами, скорее всего, перед нами примеры не прямого заимствования, но библейских реминисценций³⁵.

Следующей смысловой частью прямой речи преподобного Пафнутия в Повестях и Волоколамском патерике является описание поведения тех смертельно заболевших, кто вёл себя неразумно и неблагочестиво, предаваясь безмерному пьянству. Далее в этих памятниках содержится краткая характеристика течения болезни у немногих счастливых, «которымъ же живымъ быти». Завершается прямая речь преподобного Пафнутия в Повестях и Волоколамском патерике рассуждением, подводющим итог всему рассказу о «великом море»: «Наказание же то Божие, яко вѣдомо Богъ сотвори, кому умрети или живу быти, занеже въ три дни мочно покаяться и въ черньци пострищися. Елици же нечювствиємъ содержими, и въ такомъ наказании и гнѣвѣ Божии, посланнѣмъ отъ Бога, погибоша, яко нечювствении скоти. Мало же и рѣдко остана людей»³⁶. Это рассуждение повторяет помещённую в начало прямой речи преподобного Пафнутия мысль о

³⁴ ОР РГБ. Волоколамск. собр., № 11. Л. 79–134 (31 стих 7 главы см. на л. 80 об.); Об этой рукописи см.: *Ромодановская В.А.* Геннадиевская Библия // *Православная энциклопедия*. М., 2005. Т. 10. С. 586.

³⁵ Библейская реминисценция — фрагмент Священного Писания, не маркируемый агиографом (источник не указывается), см.: *Тушков В.А.* Особенности цитирования Священного Писания в оригинальных произведениях русской агиографии (на материале произведений Епифания Премудрого). Волгоград, 2011. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. С. 5, 11; См. также: *Гардзанти М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014. С. 14. Прим. 18; «...Реминисценции бывают смутными и неуловимыми, часто трудно установить грань между осознанной установкой автора на заимствование чужого образа и его бессознательной реминисценцией. Как сознательный прием реминисценция рассчитана на память и ассоциативное восприятие читателя» (*Акимова Э.Н.* Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского Средневековья (XI–XVII вв.). Саранск, 2006. С. 167. Прим. 1).

³⁶ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9. С. 48; ОР РГБ. Волоколамск. собр., № 530. Л. 573–573 об.

достойном поведении смертельно больных — принять монашеский постриг. С окончанием прямой речи святого в Повестях и Волоколамском патерике оканчивается и пролог в целом, за ним начинается «Видение некоей инокини во время мора 1427 года».

В Житии прямая речь преподобного продолжается рассуждением о смысле эпидемии, которое переходит в описание проявлений болезни и поведения заболевших. В этой части прямой речи Пафнутия Боровского, также насыщенной библеизмами, автор текста один раз делает прямую отсылку к Библии, прибегая к ретроспективной исторической аналогии: «Истиннымъ соудом своим посла ярость гнѣва Своего, якоже и при Давиде пророцѣ бяше древле, сниде на ны мечь обоюду остръ, смертоносная язва и неис[ц]ѣльный струпь»³⁷. Очевидно, имеются в виду события, описанные во Второй книге Царств, когда Господь вследствие прегрешения Давида наказал Израиль: «И даде Господь смерть во Израили от утра до часа обедняго, и начася язва быти в людех, и умроша от людей Господних от Дана и до Вирсавии седмьдесят тысящ мужей» (2 Цар. 24:15). Фраза «ярость гнева Своего» является устойчивой конструкцией, неоднократно повторяющейся в Библии (Иов. 20:23; Втор. 13:17; Ис. 42:25). Не менее распространён в библейских текстах образ обоюдоострого меча, упоминания о нём встречаются как в Ветхом (Пс. 149:6; Притч. 5:4; Сирах. 21: 4), так и в Новом Завете (Матф. 4:12; Евр. 4:12; Апок. 1:16)³⁸.

Остальные библейские параллели не содержат указаний на их источник. «О възлюблении, глаголю вам, зрите Божия на ны смотрения, пѣстоуя наказуя и оуча нас подобным разумно, не хотя смерти грѣшнику обратитися и живоу быти емоу, в наказании же сем смертнаго недуга язву объяви...»³⁹ (Ср.: «Понеже не хошу смерти грешника умирающаго, глаголет Адонаи Господь, но еже обратитися ему от пути своего и жити души его, глаголет Адонаи Господь: обратитесь убо, и живи будете» (Иез. 18:32); «понеже не хошу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего и живу быти ему: обращением обратитесь от пути вашего злаго: и вскую умираете, доме Израилевъ?» (Иез. 33:11)). По мнению М.К. Кузьминой, Иез. 18:32 — наиболее распространённое в русской агиографии заимствование из книги пророка Иезекииля, которое в Житии Пафнутия Боровского подчёркивает благую волю Бога, посылающего бедствие людям «для их же блага во очищение грехов»⁴⁰.

³⁷ Жития и чудеса святых... С. 125; О ретроспективной исторической аналогии в контексте Библии см.: *Акимова Э.Н.* Реализация категории обусловленности... С. 184–185.

³⁸ По мнению М.К. Кузьминой, автор Жития обращается именно к Пс. 149:6, другие возможные источники ею не рассматриваются (*Кузьмина М.К.* Функции библейских цитат... С. 290).

³⁹ Жития и чудеса святых... С. 126.

⁴⁰ *Кузьмина М.К.* Функции библейских цитат... С. 182–183.

Соглашаясь с возможностью подобной трактовки замысла автора Жития, всё же обращу внимание, что в отсутствие точного совпадения с текстом Иез. 18:32 и вне указания на источник, нельзя уверенно говорить о заимствовании автором именно текста Иез. 18:32. В равной степени книжник мог опираться и на Иез. 33:11, и, что более вероятно, воспроизводить отложившееся в его памяти библейское чтение, не соотнося его сознательно с конкретной книгой Священного Писания.

Следующий пример: «Елицы же не чювьственнии не устрашающесе гнева Господня <...> и забыша Бога, спасающаго ихъ, и всякъ удобный страхъ отринувше...» (Ср.: «И забыша Бога спасающаго их, сотворшаго велия во Египте, чудеса в земли Хамове, страшная в мори Чермнем» (Пс. 105:21)⁴¹).

Ещё один пример: «Сии же не страшивии и жестосердии злии запоици Божии противници, видѣвъ мертваго лежача и не соумнѣвшесе, яко рубь пхающе ногами и порѣвающе подсъдание нещадно. И паку обратившесе, яко песь на своя блевотины, не възбоявшесе оупивахоуся» (Ср.: «Якоже пес, егда возвратится на своя блевотины, и мерзок бывает, тако безумный своею злобою возвращься на свой грех...» (Притч. 26:11); см. также: «Случися бо им истинная притча: пес возвращься на свою блевотину...» (2 Пет. 2:22)). Любопытно, что образ возвращающегося пса встречается и в Волоколамском патерике в эпизоде встречи Пафнутия Боровского с монахом, бывшим разбойником, который вернулся к преступной жизни после недолгого пребывания в монастыре⁴². Следует отметить дословное совпадение фразы в Житии и Волоколамском патерике, отличающейся от чтения и в Притч. 26:11, и в 2 Пет. 2:22: «яко песь на своя блевотины». Не указывает ли единство фразы на прямую связь между патериком и Житием?

Описание проявлений болезни и поведения заболевших в Житии отличается от их характеристики в Повестях и Волоколамском патерике тем, что оно и более пространно, и метафорично. При этом смысл одинаков во всех памятниках: симптоматика указывает на то, кто выживет и кто умрёт, благочестивое поведение — в покаянии, неблагоразумное — в пьянстве. В заключительной части памятников вновь обнаруживаются текстуальные совпадения.

⁴¹ Жития и чудеса святых... С. 126; Кузьмина М.К. Функции библейских цитат... С. 288–289.

⁴² Кузьмина М.К. Функции библейских цитат... С. 534–535.

Повести отца Пафнутия (ОР РГБ. Волоколамск. собр., № 530. Л. 573–573 об.)	Волоколамский патерик (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9. С. 48)	Отдельная редакция Жития Пафнутия Боровского (Жития и чудеса святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / Отв. ред. и сост. М.С. Крутова. М., 2002. Вып. 1. С. 127)
«...И не много тѣх, но мало зело ошастася людей. И тии точию злато и серебро взимааху, а о иномъ небрегуще ни о чемъ. Наказание же то Божие, яко вѣдомо Богъ сътвори, кому умерети или живу быти, занеже въ три дни мочно покаятися и в черньци постришися. Елицы же нечювьствиемъ содержими, и въ такомъ наказани и гнѣвъ Божию, посланиѣмъ отъ Бога, погибоша, яко нечювьствении скоти. Мало же и рѣдко остана людей»	«...И не много тѣхъ, но мало зело ошастася людей. И тии точию злато и серебро взимаху, а о иномъ небрегуще ни о чемъ. Наказание же то Божие, яко вѣдомо Богъ сотвори, кому умерети или живу быти, занеже въ три дни мочно покаятися и въ черньци постришися. Елицы же нечювьствиемъ содержими, и въ такомъ наказани и гнѣвъ Божию, посланиѣмъ отъ Бога, погибоша, яко нечювьствении скоти. Мало же и рѣдко остана людей»	«...Оувы тогда яко наполедок лѣтомъ неточию оставшиися медь не брегомъ, но и ризы, овца и волы и богатство бесчислено лежаще по распутием. И паки елицы нечювьствиемъ съдержими, и в такомъ наказани гнѣвъ Божию, посланиѣмъ отъ Бога, погибоша яко нечювьствении скоти, мало же и рѣдко остана людий. И тии точию злато и серебро взимаху, а о иному не брегоуше ни о чемъ»

Итак, Отдельная редакция Жития Пафнутия Боровского, несомненно, производит впечатление более позднего памятника, основанного на тексте, отразившемся в Патерике и Повестях, или непосредственно восходящего к Патерику или Повестям. В итоге существенной переработки этого текста, дополнения его подробностями о событиях 1427 г. и библейскими заимствованиями, в Отдельной редакции сохранились только единичные дословно совпадающие фразы. Эти фразы читаются в начале и конце Жития. Содержательная канва повествования и пафос памятников едины. В них выражается характерный для Средневековья идеал — «культ болезни», по определению М.П. Одесского, отражение которого в памятниках агиографического характера (в «высоких» жанрах) предполагает, что болезнь «не только открывает путь к искуплению грехов, но и прямо выводит в ноуменальный мир»⁴³. Тема побеждающего страх смерти благочестия была намечена ещё в раннехристианской литературе и, посредством литературы

⁴³ Одесский М.П. «Человек болеющий»... С. 170; См. также: Найденова Л.П. Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права). М., 2003. С. 107.

византийской, отчётливо отразилась в русской книжности⁴⁴. При этом и благочестие, и «пир во время чумы», очевидно, не следует рассматривать в качестве исключительно художественных образов — население средневековой Европы перед смертельной угрозой действительно могло как проявлять идеальное, с точки зрения церкви, христианское поведение, так и бросаться во все «тяжкие»⁴⁵.

При единообразии содержательного посыла во всех памятниках, между тем, можно отметить любопытное отличие в расстановке акцентов. Как уже было отмечено, «Повести отца Пафнутия» и Волоколамский патерик в качестве благочестивого поведения предлагают заболевшим путь покаяния с последующим принятием иноческого пострига, причём эта идея повторяется в памятниках дважды. В Отдельной редакции Жития автор разводит покаяние и постриг как два возможных способа праведного завершения земного пути: «...И елице же почютивше вреда не иждивущаго, оубоявшеся Бога, рекоуще в себѣ, яко отслеть ны в ъ огонь геенский не готовы соуща. И воспомянувшя своя съгрѣшения, скоро обратившеся на покаяние и исповедавше кождо их своя грѣхы, **инии же** (выделено мной. — *А. Т.*) възложивше от руководителя постризание ангельскаго подобия, иноческый святыи образ, паку по трех днех животь свой скончевахоу»⁴⁶. Таким образом, в понимании автора Отдельной редакции, принятие монашества — это достойный, но не единственный и не обязательный путь для смертельно больных, которым воспользовались некоторые благочестивые современники «великого мора» 1427 г.

Объяснение различий между памятниками, если оно не является случайным или не носит чисто стилистического характера, может крыться в круге читателей этих сочинений. Волоколамский патерик, как известно, не имел общерусского характера⁴⁷, он являлся сугубо монастырским произведением, которое писалось в условиях расцвета «иосифлянства» и предназначалось непосредственно для насельников Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. В отличие от переводных патериков и патерика Киево-Печерского монастыря, Волоколамский патерик не только не оказал сколько-нибудь заметного влияния на русскую литературу и религиозную мысль, но и вовсе долгое время оставался неизвестен за стенами обители⁴⁸. Видимо, то же самое можно сказать и о «Повестях отца

⁴⁴ Борисов Н. Чума и возвышение Москвы // Родина. 2014. № 5. С. 61–62.

⁴⁵ Руссев Н.Д. Безносая привратница эпох: «Чёрная смерть» на Западе и Востоке Европы // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997. С. 220–239.

⁴⁶ Жития и чудеса святых... С. 126.

⁴⁷ Волоколамский патерик. Москва; Брюссель, 2018. С. 144–145.

⁴⁸ Ср.: «И[осифо]-В[олоколамский] п[атерик] не получил распространения в древнерусской книжности в отличие от близкой к нему по стилю Повести о видении инока Павлова Обнорского монастыря Антония Галичанина («О преставлении старца Антония Галичанина»), возможно также составленной иноком Досифеем (Топорковым)»

Пафнутия». Даже если они и были созданы раньше Волоколамского патерика и существовали какое-то время в качестве самостоятельного текста, дальше пределов Иосифова монастыря не пошли. Включивший в свой сборник Повести в качестве самостоятельного произведения Вассиан Кошка был постриженником Иосифо-Волоколамской обители, он работал над этим сборником непосредственно в монастыре, здесь же сборник и остался после его смерти⁴⁹. Волоколамский патерик и «Повести отца Пафнутия» были обращены к тем, кто уже оставил мир, приняв «пострижение ангельского подобия», и подчёркивали преимущества монашеского пути над мирским.

В Отдельной редакции Жития Пафнутия Боровского, как указывал ещё А.П. Кадлубовский, отношение к мирянам и мирскому обществу, мягко говоря, предвзятое, эта редакция сближается с Повестями и Волоколамским патериком своим «суровым и мрачным» характером, соответствуя тому «нравственному миросозерцанию», которое было близко последователям Пафнутия Боровского в иноческой среде⁵⁰. В то же время Отдельная редакция могла создаваться с прицелом на чтение не только в кругу иноков Иосифова или Пафнутьева монастырей, о чём, например, свидетельствует наличие этой редакции Жития в собрании Троице-Сергиевой обители⁵¹. Более того, среди читателей могли предполагаться и благочестивые миряне, и именно для них составитель Отдельной редакции мог включить указание на путь искупления через покаяние как способ достойно принять надвигающуюся от эпидемии смерть.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуются три текста назидательных рассказов об эпидемии 1427 г., связываемых с именем преподобного Пафнутия Боровского, которые автор для удобства обобщает под наименованием книжных памятников

(Романова А.А. Иосифо-Волоколамский патерик. С. 122).

⁴⁹ А.В. Пигин датирует эту рукопись серединой XVI в., И.М. Грицевская — 1550–1560-ми гг. (Пигин А.В. Литературная история Повести о видении Антония Галичанина // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2000. Т. 52. С. 238; Грицевская И.М. Индексы истинных и ложных книг в Волоколамском монастыре // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. 58. С. 501); Вассиан Кошка умер в мае 1568 г. (Кузьмин А.В. Вассиан Кошка // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 266). По бумаге с учётом её залёжности сборник, видимо, следует датировать временем не ранее самого конца 1550-х гг., скорее, уже 1560-ми гг. Описание водяных знаков рукописи см.: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/113/f-113-530/> (проверено 3.01.2020).

⁵⁰ Кадлубовский А.П. Житие преподобного Пафнутия Боровского... С. 105–106; Кадлубовский А.П. Очерки по истории... С. 226 и далее.

⁵¹ ОР РГБ. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры (Ф. 304/1). № 692. Л. 121 (начало Жития).

«Пафнутьевского» цикла. Определена степень их совпадения, подтверждающая вторичность текста, читающегося в Отдельной редакции Жития Пафнутия Боровского. Этот текст насыщен библейскими заимствованиями в основном в виде реминисценций, поэтому источник большинства можно определить лишь предположительно. Также делается предположение, что текст Отдельной редакции отражает чтение, рассчитанное на широкую аудиторию, не только монашествующих, но и мирян.

Ключевые слова: эпидемии, библейские цитаты, Досифей Топорков, Волоколамский патерик, «Повести отца Пафнутия», Житие Пафнутия Боровского, «Божья казни».

ЛИТЕРАТУРА

Акимова Э.Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского Средневековья (XI–XVII вв.). Саранск, 2006.

Алексеев А.И. Пафнутий, прп., Боровский. Агиографические и другие источники // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 55.

Алексеев И.Е. «Химерические» мотивы на золотоордынских (джучидских) и «удельных» русских монетах XIV–XV вв. в свете гипотезы о символизации эпидемий чумы // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Казань, 2018. С. 187–208.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Борисов Н. Василий Тёмный. М., 2020.

Борисов Н. Иван III. М., 2006.

Борисов Н. Чума и возвышение Москвы // Родина. 2014. № 5.

Бужилова А. «Бысть мор велик»: Чем болели в Средневековье на севере Русской равнины // Родина. 2003. № 11.

Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М., 2005.

Бульст Н. Почитание святых во время чумы. Социальные и религиозные последствия эпидемии чумы в позднее Средневековье // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.

Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки). М., 1960.

Веселовский С.Б. Подмосковье в древности. Три очерка. М., 2002.

Волоколамский патерик / подг. текста, перевод и комм. Л.А. Ольшевской. М., 2011.

Волоколамский патерик / подг. текста, перевод, комм., исследование Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникова; набор церковнославянского текста А.В. Духаниной (Patrologia Slavica. Вып. 5). Москва; Брюссель, 2018.

Ганин В.С. История чумы // Клио. 2006. № 2 (33).

Гардзанти М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014.

Грицевская И.М. Индексы истинных и ложных книг в Волоколамском монастыре // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. 58.

Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / изд. под. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М., 1999.

Жития и чудеса святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / отв. ред. и сост. М.С. Крутова. М., 2002. Вып. 1.

Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991.

Казаков А.А. Жития Иосифа Волоцкого середины XVI века как источник по истории раннего иосифлянства. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2019.

Клосс Б.М. Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV — первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. 6.

Кузьмин А.В. Вассиан Кошка // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7.

Кузьмина М.К. Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М., 2017.

Кузьмина М.К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Лаврентьев А.В. Печать великого князя Дмитрия Ивановича Донского и русские фобии XIV века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 1 (19).

Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв. М., 2008.

Майзульс М.Р. «Грех ради наших»: царская смерть и казни Божьи в источниках Московской Руси середины XVII в. // *Источниковедение культуры*. М., 2007. Вып. 1.

Малахова А.С., Малахов С.Н. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI — начало XVII века). Армавир, 2014.

Медведь А.Н. Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб., 2017.

Медведь А.Н. Эпидемии XIV–XV вв. в церковной литературе и жизни православной церкви // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Казань, 2018.

Метелёва И.Г. Бич Божий. История чумы. М., 2020.

Мильков В.В. Древнерусское монашество и его отношение к недугам // *Вестник славянских культур*. 2015. № 2 (36). С. 13–28.

Мильков В.В. Медицинская прогностика // *Сокровенные знания Древней Руси*. М., 2015. Вып. VIII.

Мирский М.Б. Медицина Древней Руси. М., 2018.

Найденова Л.П. Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права). М., 2003.

Новикова О.Л. «Летописец русский» в рукописях и в истории русского летописания XV в. // *Летописи и хроники*. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012.

Одесский М.П. «Человек болеющий» в древнерусской литературе // *Древнерусская литература: Изображение природы и человека*. Коллективная монография. М., 1995.

Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.

Пигин А.В. Литературная история Повести о видении Антония Галичанина // *Труды отдела древнерусской литературы*. СПб., 2000. Т. 52.

Романова А.А. Иосифо-Волоколамский патерик // *Православная энциклопедия*. М., 2011. Т. 26.

Романова А.А. Эсхатологические ожидания XV в. и записи в пасхалии // *Российское государство в XIV–XVII вв.* Сб. ст., посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002.

Ромодановская В.А. Геннадиевская Библия // *Православная энциклопедия*. М., 2005. Т. 10.

Руссев Н.Д. Безноса привратница эпох: «Чёрная смерть» на Западе и Востоке Европы // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997.

Селин А.А. Московские карантинные. Борьба с «морowymi поветриями» в XVI–XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб., 2020.

Степанов А. Опахивание: ритуальная агрессия и самоорганизация // Ритуалы бедствия: антропологические очерки. СПб., 2020.

Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. В 2 кн. М., 2006. Кн. 1.

Травников С.Н. Особенности структуры Волоколамского патерика: к проблеме реконструкции памятника // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2015. Вып. 3.

Тупиков В.А. Особенности цитирования Священного Писания в оригинальных произведениях русской агиографии (на материале произведений Епифания Премудрого). Волгоград, 2011. Автореф. дис. ... канд. филол. наук.

Хайдаров Т.Ф. Эпидемия чумы в XIII–XIV веках и её последствия // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Казань, 2018.

Хачатурян В.М. Русские редакции эсхатологических апокрифов (кон. XV — XVIII вв.). М., 1984. Дис. ... канд. филол. наук.

Юрганов А.Л. Убить беса: путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006.

Langer L. The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor // Russian History. 1975. Vol. 2. № 1.

SUMMARY

Tarasov A.E.

The “Great Pestilence” of 1427 and the Literary Monuments of the “Paphnutievsky” Cycle

The article examines three texts of edifying stories, deals with the epidemic of 1427, associated with the name of Monk Paphnutius Borovsky, which are summarized under the name of the bookishness monuments of the “Paphnutiev” cycle. The degree of their coincidence is determined, confirming the secondary nature of the text, read in the Separate redaction of the Life of Paphnutius Borovsky. This text is rich in biblical borrowings mainly in the form of reminiscences, so the source can be identified presumably. Also, the assumption that the text of the Separate redaction reflects the reading intended for a wide audience, not only monastics, but also secular people.

Keywords: epidemics, biblical quotes, Dosifei Toporkov, Volokolamsk paterikon, “The Tales of Father Paphnutius”, Life of Paphnutius Borovsky, “Divine Executions”.

REFERENCES

Akimova E.N. *Realizatsiya kategorii obuslovlennosti v yazyke pamyatnikov pis'mennosti russkogo Srednevekov'ya (XI–XVII vv.)*. Saransk, 2006.

Alekseev A.I. Pafnutii, prp., Borovskii. *Agiograficheskie i drugie istochniki. Pravoslav'naya ehntsiklopediya*. Moscow, 2019, vol. 55.

Alekseev I.E. “Khimericheskie” motivy na zolotoordynskikh (dzhuchidskikh) i «udel’nykh» russkikh monetakh XIV–XV vv. v svete gipotezy o simvolizatsii ehpidemii chumy. *Ehpidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel’nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.)*. Kazan’, 2018, pp. 187–208.

Borisenkov E.P., Pasetskii V.M. *Tyschyaletnyaya letopis’ neobychnykh yavlenii prirody*. Moscow, 1988.

Borisov N. *Vasilii Temnyi*. Moscow, 2020.

Borisov N. *Ivan III*. Moscow, 2006.

Borisov N. Chuma i vozvyshenie Moskvy. *Rodina*, 2014, no. 5.

Buzhilova A. “Byst’ mor velik”: Chem boleli v Srednevekov’e na severe Russkoi ravniny. *Rodina*, 2003, no. 11.

Buzhilova A.P. *Homo sapiens: Istoriya bolezni*. Moscow, 2005.

Bul’sht N. Pochitanie svyatykh vo vremya chumy. Sotsial’nye i religioznye posledstviya ehpidemii chumy v pozdnee Srednevekov’e. *Odissei. Chelovek v istorii*. 2000. Moscow, 2000.

Vasil’ev K.G., Segal A.E. *Istoriya ehpidemii v Rossii (Materialy i ocherki)*. Moscow, 1960.

Veselovskii S.B. *Podmoskov’e v drevnosti. Tri ocherka*. Moscow, 2002.

Ganin V.S. Istoriya chumy. *Klio*, 2006, no. 2 (33).

Gardzaniti M. *Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavnyanskoi knizhnosti*. Moscow, 2014.

Gritsevskaia I.M. Indeksy istinnykh i lozhnykh knig v Volokolamskom monastyre. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. St. Petersburg, 2007, vol. 58.

Drevnerusskie pateriki: Kievo-Pecherskii paterik. Volokolamskii paterik / ed. L.A. Ol’shevskaya, S.N. Travnikov. Moscow, 1999.

Zhitiya i chudesa svyatykh v drevnerusskoi pis’mennosti: Teksty. Issledovaniya. Materialy, ed M. S. Krutova. Moscow, 2002, issue 1.

Zimin A.A. *Vityaz’ na rasput’e: Feodal’naya voina v Rossii XV v.* Moscow, 1991.

Kazakov A.A. *Zhitiya Iosifa Volotskogo serediny XVI veka kak istochnik po istorii rannego iosifyanstva*. Cand. hist. sci. diss. Moscow, 2019.

Kloss B.M. Iosifo-Volokolamskii monastyr’ i letopisanie kontsa XV — pervoi poloviny XVI v. *Vspomogatel’nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad, 1974, issue 6.

Kuz’mín A.V. *Vassian Koshka. Pravoslavnyaya ehntsiklopediya*. Moscow, 2004, vol. 7.

Kuz’mína M.K. *Kanon prepodobnicheskogo zhitiya skvoz’ prizmu bibleiskikh tsitat*. Moscow, 2017.

Kuz’mína M.K. *Funktsii bibleiskikh tsitat v drevnerusskikh prepodobnicheskikh zhitiyakh XV–XVII vv.* Cand. filolog. sci. diss. Moscow, 2015.

Lavrent’ev A.V. Pechat’ velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha Donskogo i russkie fobii XIV veka. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2016, no. 1 (19).

Mazurov A.B., Nikandrov A.Y. *Russkii udel ehpokhi sozdaniya edinogo gosudarstva: Serpukhovskoe knyazhenie v seredine XIV — pervoi polovine XV vv.* Moscow, 2008.

Maizul’s M.R. “Grekh radi nashikh”: tsarskaya smert’ i kazni Bozh’i v istochnikakh Moskovskoi Rusi serediny XVII v. *Istochnikovedenie kul’tury*. Moscow, 2007, issue 1.

Malakhova A.S., Malakhov S.N. *Fenomen bolezni v soznanii i povsednevnoi zhizni cheloveka Drevnei Rusi (XI — nachalo XVII veka)*. Armavir, 2014.

Medved’ A.N. *Bolezn’ i bol’nye v Drevnei Rusi: ot “rudometa” do “dokhtura”*. *Vzglyad s pozitsii istoricheskoi antropologii*. St. Peterburg, 2017.

Medved’ A.N. Ehpidemii XIV–XV vv. v tserkovnoi literature i zhizni pravoslavnoi tserkvi. *Ehpidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel’nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.)*. Kazan’, 2018.

- Meteleva I.G. *Bich Bozhii. Istoriya chumy*. Moscow, 2020.
- Mil'kov V.V. Drevnerusskoe monashestvo i ego otnoshenie k nedugam. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2015, no. 2 (36), pp. 13–28.
- Mil'kov V.V. Meditsinskaya prognostika. *Sokrovennye znaniya Drevnei Rusi*. Moscow, 2015, issue 8.
- Mirskii M.B. *Meditsina Drevnei Rusi*. Moscow, 2018.
- Naidenova L.P. *Mir russkogo cheloveka XVI–XVII vv. (po Domostroyu i pamyatnikam prava)*. Moscow, 2003.
- Novikova O. L. “Letopisets russkii” v rukopisyakh i v istorii russkogo letopisaniya XV v. *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniya. 2011–2012*. Moscow, St. Petersburg, 2012.
- Odesskii M.P. “Chelovek boleyushchii” v drevnerusskoi literature. *Drevnerusskaya literatura: Izobrazhenie prirody i cheloveka. Kollektivnaya monografiya*. Moscow, 1995.
- Pigin A.B. *Videniya potustoronnego mira v russkoi rukopisnoi knizhnosti*. St. Petersburg, 2006.
- Pigin A.V. Literaturnaya istoriya Povesti o videnii Antoniya Galichanina. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. St. Petersburg, 2000, vol. 52.
- Romanova A.A. Iosifo-Volokolamskii paterik. *Pravoslavnaya ehntsiklopediya*. Moscow, 2011, vol. 26.
- Romanova A.A. Eshkhatologicheskie ozhidaniya XV v. i zapisi v paskhalii. *Rossiiskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv. Sbornik statei, posvyashchennyi 75-letiyu so dnya rozhdeniya U.G. Alekseeva*. St. Petersburg, 2002.
- Romodanovskaya V.A. Gennadievskaya Bibliya. *Pravoslavnaya ehntsiklopediya*. Moscow, 2005, vol. 10.
- Russev N.D. Beznosaya privratnitsa ehpokh: “Chernaya smert” na Zapade i Vostoke Evropy. *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoi indoevropskoi istorii*. St. Petersburg, 1997.
- Selin A.A. *Moskovskie karantiny. Bor'ba s “morovymi povetriyami” v XVI–XVII vv. v Novgorode i Pskove*. St. Petersburg, 2020.
- Stepanov A. Opakhivanie: ritual'naya agressiya i samoorganizatsiya. *Ritualy bedstviya: antropologicheskie ocherki*. St. Petersburg, 2020.
- Supotnitskii M.V., Supotnitskaya N.S. *Ocherki istorii chumy*. Moscow, 2006, book 1.
- Travnikov S.N. Osobennosti struktury Volokolamskogo paterika: k probleme rekonstruktsii pamyatnika. *Prepodobnyi Iosif Volotskii i ego obitel'*. Moscow, 2015, issue 3.
- Tupikov V.A. *Osobennosti tsitirovaniya Svyashchennogo Pisaniya v original'nykh proizvedeniyakh russkoi agiografii (na materiale proizvedenii Epifaniya Premudrogo)*. Cand. filolog. sci. diss. Abstr. Volgograd, 2011.
- Khaidarov T.F. Ehpideimiya chumy v XIII–XIV vekakh i ee posledstviya. *Ehpideimii i prirodnye kataklizmy v Zolotoi Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.)*. Kazan', 2018.
- Khachatryan V.M. *Russkie redaktsii ehskhatologicheskikh apokrifov (kon. XV–XVIII vv.)*. Cand. filolog. sci. diss. Abstr. Moscow, 1984.
- Yurganov A.L. *Ubit' besa: put' ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni*. Moscow, 2006.

О.Д. Шемякина

Микробиологическая опасность и социальные инициативы: чума в Москве 1770–1772 гг.

Сфера риска, включающая в себя опасности, порождённые природой, такие как болезни и неурожаи, а также войны и другие формы насилия, была в до-модерную эпоху особо значима¹. Осознание риска, предотвращение угроз для жизни, необходимость принимать новые решения в контексте конфликтующих мнений невозможны без доминирования рационального типа мышления. Развитие науки, управленческих технологий, глобальной взаимозависимости стран, роль дипломатии, гасящей конфликты, создавали ресурсы, которые могли ограничить сферу риска.

Голод и мор, опустошения, вызванные войнами в до-модерную эпоху, были страшной реальностью жизни человека, не обладавшего ресурсами противостояния ей, но понимание природы несчастий и страданий в сознании человека, не-свободного от глубоко религиозного чувства, было особым. Несчастья и страдания в христианской картине мира являлись возмездием за прегрешения и были предопределены. «В исторической перспективе раскрывающаяся в будущее цепь событий выглядела сворачивающейся. История как бы деградировала, ибо она неумолимо двигалась к своему завершению. Согласно христианской философии истории, получив начало в акте творения, мир и человечество идут навстречу своему концу, который будет ознаменован пришествием Спасителя и Страшным судом»².

Время несчастий и человеческих ошибок исчерпывается концом истории и началом Новой земли и Нового неба. В рамках этой мировоззренческой системы риском было непонимание знаков-знамений Божественной воли и возможности расширения территории зла вследствие неправедных мыслей и поступков.

¹ *Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity, 2008; Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 96–101.*

² *Мильков В.В. Канонический, апокрифический и традиционный подходы к осмыслению истории в Древней Руси // Древняя Русь: пересечение традиций. М.: Скрипторий, 1997. С. 136.*

Новое время принесло новые риски и их осмысление³, чрезвычайно усложняя их сферу, потому что предшествующие смыслы не исчезли — роль религии изменилась, но религиозные институты и религиозное сознание остались.

Эва Эстерберг совершенно права в том, что демаркации, которые проводил Э. Гидденс между домодерным обществом и обществом модерна, при всей их эвристической ценности носят условный характер⁴, оставляют вне поля зрения исследователя зоны перехода, накопления изменений, в которых рождались парадоксальные диалоговые стратегии. В этом отношении особый интерес представляют ситуации кризиса, в которых исключительная «сила общения» (Ф. де Соссюр) различных стратегий проявилась особенно ярко.

Так, события, связанные с чумой 1770–1772 гг. в Москве, породили совершенно особые патерналистские модели управления в чрезвычайных условиях, выявили потенциал адаптационных возможностей эсхатологической доктрины староверов⁵, реанимировали архаичные практики сакрального «единодушия» горожан, способствовали апробированию практик всеподнадзорности, дали толчок к развитию русской эпидемиологической школы. Возникновение чрезвычайно опасной микробиологической среды стало триггером появления социальных практик, имевших длительную судьбу.

Книга американского орнитолога, физиолога и географа Дж. Даймонда «Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ»⁶ позволяет вписать эти процессы в контекст евразийской истории, для которой был характерен особый динамизм, отличающий её, например, от обществ Нового Света. Для государств Евразии был характерен высокий уровень городской культуры, который был невозможен без излишков продуктов сельского хозяйства. А это стало возможным вследствие того, что на территории Евразии произрастало много видов зерновых культур, которые были одомашнированы, и обитало много стадных животных, способных к одомашниванию и содержанию в стойлах и загонах.

³ В социологии XX в. возникло направление, связанное с управлением рисками.

⁴ Эстерберг Э. Индивиды, друзья и родственники в средневековой Исландии. Наследие Арона Гуревича // Образы прошлого: сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 320.

⁵ В разработке этой проблематики особо хочу отметить труды томского историка Е.Е. Дутчак. См.: Дутчак Е.Е. Из Вавилона в «Беловодье»: адаптационные возможности таёжных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI вв.). Томск: Изд-во Томского университета, 2007; Дутчак Е.Е. Полемика о деньгах сибирских староверов-странников: экономические причины и социальные последствия (1870–1920-е гг.) // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: к 90-летию Н.Н. Покровского / ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт. Новосибирск: РАН, Сибирское отделение, Институт истории, 2020.

⁶ Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ / пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ:АСТ МОСКВА:CORPUS, 2010.

Скученность людей в городах и большое скопление животных и людей в непосредственной близости друг от друга создавали основу формирования патогенной микробиологической среды, в которой реликтовые очаги чумы активизировались с большой скоростью. Отходы человеческой жизнедеятельности, запасы корма для животных становились источником роста популяции крыс, которые разносили чумных блох по всему городу.

Дж. Даймонд обращает внимание ещё на один фактор, характерный для Евразии, — интенсивность торговых путей на её огромных пространствах. Подарком судьбы микробам «стало развитие мировых торговых путей, которые ко времени расцвета Римской империи фактически объединили популяции Европы, Азии и Северной Африки в один гигантский патогенный питомник. Именно тогда оспа (вошедшая в историю как “чума Антонина”) впервые достигла Рима, который в 165–180 гг. н.э. потерял из-за неё несколько миллионов своих граждан.

Бубонная чума впервые появилась в Европе как “чума Юстиниана” (542–543 гг. н.э.). Однако свирепствовать в полную силу (под именем “чёрной смерти”) она начала здесь лишь в 1346 г. — к этому времени новый сухопутный маршрут торговли с Китаем вдоль евразийской восточно-западной оси обеспечил скорый транзит кишашего блохами пушного товара из заражённых областей Центральной Азии»⁷.

Для человеческой популяции последствия этих факторов были неоднозначными. Несмотря на высокую смертность, положительным следствием было приобретение коллективного иммунитета, который начал формироваться задолго до начала вакцинации. Нужно отметить ещё одно немаловажное следствие. Освоение производства продовольствия, скученность людей в городах и развитие трансконтинентальных торговых путей не только были источником путешествия микробов, но также способствовали скорости обмена информацией и распространения технологий, динамизирующих социальную жизнь на этой огромной сухопутной территории. «Основная ориентация Евразии вдоль восточно-западной оси создавала условия для быстрого проникновения многих инноваций из одних частей континента в другие, расположенные в тех же широтах и поэтому обладающие сходным климатом <...> Ввиду всех этих факторов Евразия и стала континентом, на котором технологический прогресс вступил в фазу послеплейстоценового ускорения раньше всего и привёл к накоплению самого обширного арсенала технологий»⁸.

В ситуации возникновения пандемии начинал осуществляться жёсткий контроль за людьми и товарами. Карантинные меры способствовали выпадению определённых территорий из зоны исключительной «силы общения» евразийского пространства. Пандемия уносила человеческие жизни, но неизбежно динамизировала социальные практики и связанные с ними смыслы.

⁷ Даймонд Дж. Указ. соч. С. 309.

⁸ Там же. С. 395.

«Появление чумы в Восточной Европе хронологически совпало с началом боевых действий между вооруженными силами Турции и России <...> чума началась в турецких войсках весной 1769 г. сразу после их выхода из Константинополя <...> в этом же году чума проникла и в русские войска <...>».

В войсках чума появилась после взятия Галаца в начале сентября. Когда корпус войск, бравших Галац, вступил в Яссы (26 сентября), выяснилось, что и там есть чума. Её “виновником” сразу же был назначен один еврейский торговец, купивший у солдата “военную добычу в виде турецких платьев” и погибший от чумы вместе с семьей⁹.

В России чума появилась в 1770 г. Её появление, как считают М.В. Супотницкий и Н.С. Супотницкая, стало следствием последовательной пульсации реликтовых очагов чумы Северного Причерноморья, Малороссии и Русской равнины¹⁰. Однако современники эпидемию связали с прибытием в конце августа 1770 г. в Киев купца из Польши, где чума уже была. Спустя несколько дней купец и вся его семья умерли от чумы, заболели и погибли многие из их соседей¹¹.

В Москве чума появилась в ноябре 1770 г. И несмотря на то, что авторы «Очерков истории чумы» настаивают на том, что чума в Москве носила эндемичный, сезонный характер и распространялась из домовых крысиных очагов, версию заноса чумы заболевшими людьми и вещами исключать нельзя. «В ноябре в Москве появились слухи, что в Лефортовой слободе умер и скрытно погребён какой-то приехавший из армии офицер. Его лечил лекарь и прозектор Московского генерального госпиталя Евсеевский, который 23 ноября “болел горячкою с черными пятнами и умер”. Через несколько дней после смерти прозектора один за другим умерли 22 из 27 человек, проживавших в том же здании вблизи госпиталя. Смерть наступала на 3–5-ый день заболевания»¹².

Страх гнал людей из города. Дворяне уезжали в свои имения, но уехать могли те, кто мог себе это позволить. Простой люд оставался в Москве, тайно хоронил своих близких, боясь попасть в карантин и лишиться домов и скромных пожитков. Мертвецов стаскивали баграми на телеги похоронные команды, которые формировались из уголовных преступников. Власть осталась та, которая не могла покинуть город. Даже генерал-губернатор Москвы граф П.С. Салтыков в сентябре 1771 г. самовольно покинул свой пост и уехал в подмосковное имение Марфино¹³.

⁹ Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: в 2 кн. Кн. 1: Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. С. 221.

¹⁰ Там же. С. 223.

¹¹ Там же. С. 224–225.

¹² Там же. С. 228.

¹³ Там же. С. 248.

Чумные бактерии не просто убивали людей, они делали социальное пространство разреженным и неуправляемым. Социальная ткань истлевала с каждым месяцем, подобная ситуация в городах неоднократно повторялась в истории. Годом раньше в 1770 г. в Киеве весь магистрат бежал из города, за ним последовали все более или менее состоятельные люди¹⁴. Уместно вспомнить и «Декамерон» Дж. Боккаччо. Знатные дамы покидали зачумлённую Флоренцию, уезжая в свои имения и развлекая друг друга историями о превратностях фортуны. В её причудах можно было рассмотреть и благосклонность, правда, (увы!) только к благородному и благовоспитанному человеку, но отнюдь не подлого сословия¹⁵.

К простому жителю Москвы фортуна явно не была благосклонна. Не очевидна была и эффективность предпринимаемых мер по уменьшению контагиозности в городе, которые предпринимали светские и духовные власти.

«Московский архиепископ Амвросий предписал священникам соблюдать крайнюю осторожность при совершении треб: к больным при причащении не прикасаться, исповедовать их через окно или дверь, при крещении в опасном доме погружение ребенка в воду поручать повивальной бабке, а священнику только читать молитвы, не совершать нистрижения, ни миропомазания, откладывая это до более удобного времени. Мёртвых он велел священникам хоронить в день смерти, не внося их в церковь, а обряд отпевания совершать уже после их погребения. Он запретил священникам брать деньги от родственников умерших от чумы и предписал им, чтобы они советовали прихожанам поститься и приобщаться, пока здоровы»¹⁶.

Несмотря на предпринимаемые меры, положение в Москве становилось всё отчаяннее. В день умирало более 800 человек. На следующий день после отъезда Салтыкова из Москвы начались события, известные под названием «чумного бунта 1771 года».

С.В. Оболенская подчеркивала мысль одного из крупнейших английских социальных историков Э.П. Томпсона о том, что память народа, особенно в неграмотных обществах, исключительно устойчива, а также то, что нападения на зернохранилища участников так называемых «хлебных бунтов», преследовали цель не грабежа, а наказания за нарушение обычая — попечительской политики правительства в организации торговли хлебом в голодные годы. Эти меры в Англии к концу XVIII в. уже переставали соблюдать, и тогда низшие слои общества переходили к прямым действиям, обеспечивая традиционные правила, которые были частью исторической памяти, но не актуальной политики публичной власти¹⁷.

¹⁴ *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Указ. соч. С. 225.

¹⁵ *Боккаччо Дж.* Декамерон. Книга 1. М.: Художественная литература, 1988.

¹⁶ *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Указ. соч. С. 247.

¹⁷ *Оболенская С.В.* Реферат статьи Э.П. Томпсона «Моральная экономика низших слоев английского населения в XVIII веке. Электронный ресурс: samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/tompson.shtml (19.01.2021).

Возможно то, как до конца сопротивлялись звонари, бывшие в набатные колокола, является свидетельством того, что сама идея рядовых москвичей сбора денег для «всемирной свечи» в ситуации временной парализации власти была реанимацией идеи сакрального единодушия «мужей градских», которому посвятил свою обстоятельную работу П.В. Лукин? А грабежи богатых домов — наказанием за нарушение традиции? Добровольно-принудительное коллективное «единодушие» на народных собраниях западнославянского «племенного» союза лютичей осуществлялось следующим образом. Если они путем единодушного обсуждения на собрании приходили к согласию о вещах, которые нужно исполнить, то противоречащих им на собрании били палками, а открыто противоречащие им вне собрания теряли все имущество путём поджога или непрерывного разграбления¹⁸.

Вечевые традиции были выкорчеваны московской властью, как заключает своё исследование П.В. Лукин, но это не означает, что они не жили в памяти и не могли всплыть в ситуации парализации власти — Салтыков покинул город в ситуации крайне тяжёлой. А распоряжение московского архиепископа перенести в более сохранное место денежный ящик у иконы Боголюбской Богородицы у Варварских ворот стало тем роковым решением, которое разбудило набатные колокола.

Проблематика единодушия и осуществляемая в рамках этого смыслового поля стратегия поведения была не актуальна для советской историографии, как отмечал Лукин, но тем более симптоматично, что в труде такого выдающегося историка, как М.Н. Тихомиров, посвящённом городским восстаниям, разрешение конфликтов в духе «единачества» было им отмечено¹⁹.

Обращаясь к чумному бунту в Москве, можно говорить об особой зоне риска в период кризисного управления, когда сталкиваются структуры большой длительности, связанные с памятью о способах реализации политической воли городской общины (ожидание патернализма, а в ситуации его отсутствия прямое действие в духе «единачества»), и дискретная политическая воля правящей элиты. Дискретная с точки зрения хронологии и актуальной политики. Самое страшное в смерти — это молчание, писал Р. Роллан в «Кола Брюньоне», в произведении, в котором чума переворачивала жизнь всех героев. А память не молчит никогда, какую бы победу ни одерживало московское государство.

Бунт стал кровавым и был подавлен кроваво. Но патерналистская модель была осуществлена — приехавшим в Москву графом Г.Г. Орловым. Всем людям, выпиравшимся из больницы и карантинных домов, выдавалось денеж-

¹⁸ Лукин П.В. Принцип единодушия в представлениях и политической практике Древней Руси // Образы прошлого: Сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 379.

¹⁹ Там же. 377.

ное пособие. Москвичи почувствовали большее доверие к врачам и больницам потому, что Орлов значительно сократил полицейский произвол и беспорядки при госпитализации и карантинизации. В целях борьбы с недостатком съестных припасов были построены вне земляного Камер-коллежского вала по всем дорогам амбары и торговые помещения²⁰.

Чтобы обеспечить ремесленникам сбыт их продукции, учреждена была особая комиссия для покупки производимых ремесленниками товаров. Был опубликован сенатский указ об организации земляных работ по углублению Камер-коллежского вала для людей, которые занимались чёрными и грубыми работами, чтобы дать этим людям «благоразумное пропитание»²¹.

Идеи и общественные практики социального государства оформились в XX в., но определённые модели управления появились гораздо раньше. Ценности и практики патернализма, которые предшествовали ценностям свободы рынка как регулятора общественных отношений, заслуживают внимания не в качестве домодерного института, а в качестве материала, генетически родственного социальным государствам XX–XXI вв., хотя и с поправкой на то, что они существуют вне рамок сословных иерархий.

После того как чума отступила, карантинные меры были сохранены, и стоит отметить ещё одни социальные последствия чумы, уже совсем другого свойства. Опыт контроля за передвижением людей и товаров был отличным полигоном для выработки технологий всеподнадзорности²² и экономии власти за счёт доносительства. Так, например, «за донос о тайном провозе товаров через границу из неблагополучных или сомнительных мест было назначено вознаграждение, равное 1/3 стоимости конфискуемого товара, который велено сжигать»²³. Противоэпидемиологические меры требовали, безусловно, контроля, но формировали особую зону риска — риска накопления опыта управления в чрезвычайных обстоятельствах и возможности его актуализации в других условиях и коррупции в форме взяточничества, которое в разгар эпидемии имело место²⁴.

И ещё на одном сюжете, относящемся к чуме в Москве, имеет смысл остановиться. Власть, стремясь снизить зону риска, делегировала часть ответственности частным лицам с той целью, чтобы они устраивали карантин, используя свои собственные ресурсы. История возникновения Преображенского кладбища относится именно к этой теме.

²⁰ Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Указ. соч. С. 262.

²¹ Там же. С. 262–263.

²² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 238–277.

²³ Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Указ. соч. С. 274.

²⁴ Там же. С. 244.

Согласно указу от 1 сентября 1777 г., где населению предлагалось учредить на свой кошт карантинные дома и лазареты, Илья Алексеевич Кавылин, купец, принявший крещение в федосеевском согласии, подал прошение «разрешить построить против Преображенского в земляном валу карантин для больных»²⁵. «Здесь были устроены застава для контроля проезжающих, построены бараки, небольшая деревянная часовня для отпевания умерших беспоповцев, отведено место для погребения. После конца эпидемии вокруг кладбища в оставшихся бараках начали проживать вдовы и сироты умерших беспоповцев. Это кладбище быстро приобрело важное значение в жизни согласия. Изменился его облик. Московский главнокомандующий А. Прозоровский доносил 25 октября 1792 г. Екатерине II: «...близ Преображенской заставы, в самом Камер-коллежском валу, находится часовня, для которой вал сей заровняли, чтобы более дать место погосту. Сия часовня каменная представляет наружность церкви, около оной довольно каменного жилого строения, в котором они (беспоповцы) содержат богато более 1000 человек»²⁶.

Кирпич для строительства предоставил Кавылин со своих заводов. «В течение 37 лет Преображенское числилось как частная собственность И.А. Кавылина. Он оберегал его, постоянно раздавая «подарки» различным мелким чинам, покупая их лояльность. Законодательство имп. Екатерины II и Павла I не знало юридического понятия старообрядческой общины. Старообрядцам — как отдельным лицам, так и целым обществам — вменялось в обязанность лишь соблюдение общих законов и правил общего для всех благочиния. Это отдавало их в полную власть низших чиновников <...>. Однажды И.А. Кавылин не дал обычного подношения какому-то мелкому чину. Последовал донос о незаконных действиях на Преображенском кладбище. Дело попало на решение к имп. Павлу, который распорядился закрыть кладбище и снести все постройки. Кладбище удалось спасти ценою пирога с начинкой из 10000 золотых полуимперялов, поднесённого московскому обер-полицмейстеру генералу Воейкову»²⁷.

Адаптивная гибкость социальных практик, реализованных И.А. Кавылиным, начала формироваться в условиях не просто давления среды извне, в которых традиционно существовало старообрядчество, а в ситуации социального шока.

Перемены сами по себе являются частью жизни, писал Э. Тоффлер. Но «изменение бесконтрольное и неуправляемое, ускоренное изменение, опрокидывающее не только физическую природу человека, но и его способность принимать решение, — такое изменение является врагом жизни» [Тоффлер, 1997, с. 399].

²⁵ Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С. 232.

²⁶ Там же. С. 232.

²⁷ Там же. С. 233.

Отмечу, что в условиях бифуркации многие инструментальные средства адаптации, прежде всего институционализированные и нормативно-регулятивные, разрушаются почти до основания и субъект вынужден ограничиваться преимущественно индивидуальными (личностными) инструментальными средствами»²⁸.

Личность И.А. Кавылина и община стали опорой в формировании механизмов адаптации старообрядцев беспоповского согласия во время эпидемии чумы в Москве. А свобода воли человека, понятая как личная ответственность за спасение (а спасти веру от гибели без сохранения жизни верующих невозможно), стала способом преодоления страха. Немаловажно отметить ещё одно обстоятельство — контролировать эпидемию легче в локальных группах, а высокая степень человеческой солидарности, характерная для старообрядчества, помогла преодолению страха и выработке стратегии адаптации.

«Деструктивный эффект страха, по мнению Д. Дефо, состоит в том, что “страх отнимает у нас способность распоряжаться теми средствами, какие разум предлагает нам в помощь”»²⁹.

В преодолении страха важен был выход из иерархии ценностей, утверждающей приоритет отдельного человеческого существования. Его преодолевали врачи, верующие люди и те стратегии управления в период фактического социального коллапса, которые были ориентированы на человека.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена влиянию патогенной микробиологической среды на социальные процессы. Автор рассматривает события, связанные с чумой 1770–1772 гг. в Москве, в контексте появления патерналистских моделей управления, формирования практик всеподнадзорности, обращает внимание на адаптационные возможности старообрядцев федосеевского согласия и на реанимирование архаичных практик выражения политической воли горожан.

Ключевые слова: чума в Москве 1770–1772 гг., социология риска, социология адаптации, патернализм, всеподнадзорность, Преображенское кладбище.

ЛИТЕРАТУРА

Бокаччо Дж. Декамерон. Книга 1. М.: Художественная литература, 1988.

Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 96–101.

²⁸ *Корель Л.В.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. С. 305.

²⁹ Там же. С. 313.

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ / пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ:АСТ МОСКВА:CORPUS, 2010.

Дутчак Е.Е. Из Вавилона в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных об- щин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI вв.). Томск: Изд-во Томского университета, 2007.

Дутчак Е.Е. Polemika o den'gakh sibirskikh staroverov-strannikov: ekonomicheskie prichiny i sotsialnye posledstviya (1870–1920-e гг.) // Aktualnye problemy otechestvennoy istorii, istochnikovedeniya i arheografii: k 90-letiyu N.N. Pokrovskogo / red. A.P. Derevyanko, A.X. Elert. Novosibirsk: RAN, Sibirskoe otdeleniye, Institut istorii, 2020.

Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Ново- сибирск: Наука, 2005. С. 305.

Лукин П.В. Принцип единодушия в представлениях и политической практике Древ- ней Руси // Образы прошлого: Сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб.: Центр гуманитар- ных инициатив, 2011. С. 379.

Мильков В.В. Канонический, апокрифический и традиционный подходы к осмысле- нию истории в Древней Руси // Древняя Русь: пересечение традиций. М.: Скрипторий, 1997. С. 136.

Оболенская С.В. Реферат статьи Э.П. Томпсона «Моральная экономика низших слоев английского населения в XVIII веке. Электронный ресурс: samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/tompson.shtml (19.01.2021).

Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С. 232.

Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: в 2 кн. Кн. 1: Чума до- бактериологического периода. М.: Изд-во «Вузовская книга», 2006. С. 221.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 238–277.

Эстерберг Э. Индивиды, друзья и родственники в средневековой Исландии. Насле- дие Арона Гуревича // Образы прошлого: сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 320.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cam- bridge: Polity, 2008.

SUMMARY

Shemyakina O.D.

Microbiological Hazard and Social Initiatives: The Plague in Moscow in 1770–1772

The article is devoted to the influence of the pathogenic microbiological environment on social processes. The author examines the events associated with the plague of 1770–1772 in Moscow in the context of the introduction of paternalistic models of governance, the formation of surveillance practices, draws attention to the adaptive capacity of Old Believers of the fedoseyan creed and reanimation of archaic practices of political expression of citizens.

Keywords: the plague in Moscow in 1770–1772, sociology of risk, sociology of adaptation, paternalism, all-surveillance, Preobrazhenskoe Cemetery.

REFERENCES

- Boccaccio G. *Dekameron*. Kniga 1. Moscow, 1988.
- Daimond J. *Ruzh'ya, mikroby i stal'. Sud'by chelovecheskikh obshchestv*. Kolopotina (trans.). Moscow, 2010.
- Dutchak E.E. *Iz Vavilona v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX — nachalo XXI vv.)*. Tomsk, 2007.
- Dutchak E.E. *Polemika o den'gakh sibirskikh staroverov-strannikov: ekonomicheskie prichiny i sotsial'nye posledstviya (1870–1920-e gg.). Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkheografii: k 90-letiyu N.N. Pokrovskogo*. Novosibirsk, 2020.
- Esterberg E. *Individy, druž'ya i rodstvenniki v srednevekovoi Islandii. Nasledie Arona Gurevicha. Obrazy proshlogo: sbornik pamyati A.Ya. Gurevicha*. St. Petersburg, 2011, 320 p.
- Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my*. Moscow, 2016, pp. 238–277.
- Giddens E., Sattou F. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii*. E. Rozhdestvenskoi, S. Gavrilenko. (trans.) 2nd ed. Moscow, 2019, pp. 96–101.
- Korel' L.V. *Sotsiologiya adaptatsii: Voprosy teorii, metodologii i metodiki*. Novosibirsk, 2005, 305 p.
- Lukin P.V. *Printsip edinodushiya v predstavleniyakh i politicheskoi praktike Drevnei Rusi. Obrazy proshlogo: Sbornik pamyati A.Ya. Gurevicha*. St. Petersburg, 2011, 379 p.
- Mil'kov V.V. *Kanonicheskii, apokrificheskii i traditsionnyi podkhody k osmysleniyu istorii v Drevnei Rusi. Drevnyaya Rus': peresechenie traditsii*. Moscow, 1997, 136 p.
- Obolenskaya S.V. *Referat stat'i E.P. Tompsona «Moral'naya ekonomika nizshikh sloev angliiskogo naseleniya v XVIII veke*. Available at: samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/tompson.shtml (19.01.2021).
- Supotnitskii M.V., Supotnitskaya N.S. *Ocherki istorii chumy: in 2 vol. Vol. 1: Chuma dobakteriologicheskogo perioda*. Moscow, 2006, 221 p.

Н.С. Борисов

Заключительное слово

Я с большим интересом слушал выступления. Конференция была очень разнообразной и в плане источниковедческом, и в плане историческом. Я не буду подводить итоги и просто поделюсь некоторыми своими размышлениями.

Во-первых, вы, наверное, согласитесь со мной, что эпидемии, которые периодически проходили по средневековой Руси, очень мало изучены. В нашей литературе (до самого последнего времени) нет хотя бы одной книжки, автор которой пытался бы осмыслить их не только в медицинском, но и в социальном, политическом, религиозном плане. А между тем эпидемии потрясали современников и влияли существенно на социальные процессы, приводили к глубоким переменам. Что касается этих перемен, отмечу только несколько моментов.

Безусловно, вследствие разгула чумы изменяется структура поземельных отношений. Огромное количество умерших людей освобождает свои земли. Вымирают боярские кланы, вымирают целые княжеские дома. Появляется много выморочных земель, и эти земли, если говорить о XIV в., сосредотачиваются в руках московской княжеской фамилии, которая, в свою очередь, под воздействием чумы превращается в узкую группу людей. То есть происходит концентрация собственности, и понятно, что этот процесс прямо соотносился с политической централизацией: у кого в руках земля, у того и власть, у того и военная власть. Поэтому я бы сказал, перефразируя Карамзина: «Москва обязана своим величием чуме». Чума расчистила то политическое пространство, в котором строилось Московское государство.

Посмотрим на другой любопытный сюжет. Известно, что Иван III — «отец русского самодержавия» — удивительно счастливо царствовал в том отношении, что при нём не было больших эпидемий. По крайней мере, они не отмечены летописями, а последние были весьма чутки к такого рода событиям. Не было при Иване Великом и больших голодовок, и каких-то иных серьёзных потрясений стихийного характера. Пожары, конечно, были, но это уж дело рук человеческих, скорее всего. Почему так происходило? Не ответ ли перед нами на вопрос, на что уже была способна московская монархия? Проще говоря, очень вероятно, что Иван III уже «держал все под контролем», как сейчас любят гово-

речь. Устраивал кордоны, организовывал карантин — такие же свирепые, как потом у Ивана Грозного, раздавал хлеб во время неурожая, чтобы людей сохранить. Да, применялись эти меры, по современным понятиям, не всегда гуманно, но это было необходимо, чтобы у людей имелось больше шансов выжить. Этого нет в источниках, но такова очевидная логика процесса. Иван III сумел каким-то образом остановить или ослабить эпидемии, так чтобы они не опустошали его владения.

Я бы поразмышлял и над таким вопросом: в какой степени освоение русского Севера было связано с желанием спастись от эпидемий в центре страны? Люди бежали во время эпидемий подальше от опасности. Как говорил один из героев Боккаччо, «лучший способ спастись от чумы — встать пораньше и убежать подальше»³⁰. Эти побеги должны были происходить постоянно, потому что люди понимали, что бегство — единственный хороший путь спастись. И думаю мне, что наша «монастырская колонизация» Русского Севера — при всем её религиозном контексте — не в последнюю очередь была связана с тем, что и крестьяне, и люди иных званий уходили за монахами на Север, потому что понимали, что там спастись от чумы легче. Почему? А потому что там нет городов. Чума свирепствовала в городах, потому что там люди жили тесно, достаточно было одной заражённой крысы для того, чтобы целый город превратился в пустыню — как в своё время вымерло Белоозеро, как вымер Смоленск, когда, по слову летописца, «некому было городские ворота затворить» (такая страшная чума была в Смоленске в 1404 г.)³¹. Удар по городам — люди разбегаются из городов. Оставшиеся в живых — разбегаются. Но бежать им было куда? На юг, на восток? Там татары. Значит, на север...

Теперь о другом. Важное значение в истории с чумой играла моральная сторона дела. Стоял простейший вопрос: кто будет хоронить умерших? Начнём с древнейших времен: первая известная чума — ещё времена Фукидида, V в. до н.э. Фукидид говорит, что у людей появилось два подхода к проблеме. Умирает человек — его нужно похоронить. Одни, не боясь заразиться, организовывали погибшим достойные похороны — кто-то заразился, кто-то нет³². Другие под разными способами старались от этого уклониться, бежать... А потом, уже в христианские времена, Евсевий Кесарийский, знаменитый историк Церкви, говорил, что христиане и в самую лютую эпидемию не бросали своих: на руках несли их на кладбище, там хоронили, не боясь заразиться. Язычники, говорит Евсевий, никогда такого не делали, бросали своих умерших как попало³³. Конечно, такие моральные драмы разыгрывались и у нас в XIV–XV вв. В этом

³⁰ Боккаччо, Джованни. Декамерон. СПб., 2014. С. 10.

³¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 11. С.91–93.

³² Фукидид. История. М., 1999. С.37–38.

³³ Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 262–264.

отношении, я думаю, что так называемая «монастырская реформа» прп. Сергия Радонежского и его школы, которая происходила в середине — второй половине XIV в., связана и с последствиями чумы, потому что чума, во-первых, обнажила перед взором современников праведников и грешников. Грешников было много, они чувствовали раскаяние, и на волне всеобщего раскаяния возникает стремление к высокой жизни, монашескому «высокому житию». Это стремление к «высокому житию» было, конечно, основой движения. Оно не связано с татарами — я думаю, оно связано с чумой. Московская монастырская реформа — это стремление как-то очиститься, как-то умиловать небесные силы своим покаянием. Монастырь — самая действенная форма покаяния.

Вспомним и о еретиках XIV–XV вв. Откуда они взялись? Не связано ли это с тем, что во время эпидемии не все священники выдержали моральное испытание и остались верны своему пастырскому долгу (такие моменты нередко отмечались и в Западной Европе)? Некоторые плохо себя показали в эпидемию. А значит престиж духовенства пострадал. И вот на этом разочаровании части христианского общества, быть может, и поднимаются еретические движения? И в этой ситуации появляются и стригольники — практически одновременно с эпидемией чумы, а позднее уже — московские ереси XV в. Конечно, это не более чем предположение, наброски, *кроки*, как говорят художники.

Вот ещё одна любопытная вещь. В наших летописях немало рассказов про чуму, но нигде я не встретил упоминаний (если, может, вы встретили, подскажите мне), что работали какие-то врачи, что ходили лекари, лечили людей — хорошо ли, плохо ли. Что у нас на Руси, врачей не было? Были, лекари упоминаются ещё в XI в. У нас врачей не заметно с тех пор, как в Русской Правде говорится «а лечцу мзда» и пара врачей упоминается в Киево-Печерском Патерике. Получают они там свою «мзду» и исчезают из наших летописей надолго... Но ведь должны же они быть! Тогда почему о них никто не говорит? Как они себя вели во время чумы? Как они работали? Не знаем...

Возникает и ряд интересных вопросов, связанных с нашей современностью. Сейчас мы переживаем бедствие всё же не такое свирепое, как «великий мор» Средневековья, но тоже достаточно осязаемое. И возникает вопрос, который каждый из нас сейчас себе задает: когда кончится эпидемия, это будет «другой мир»? Все говорят — да. Но вот когда начинаешь спрашивать человека: «А какой — другой?», человек обычно разводит руками и говорит: «Я не знаю, у нас всё может быть. Но то, что это будет другой мир, для меня очевидно». Я не собираюсь что-то уверенно утверждать, потому что Россия действительно непредсказуемая страна, где лучше воздержаться от пророчеств. Но очевидны всё-таки несколько моментов.

Конечно, грядёт ускоренное развитие индивидуализма. Люди привыкают жить дистанционно: вот, мы уже держим дистанцию в полтора метра друг от друга. Подшучиваем, но держим. На всякий случай. Стараемся где-то и два, а

то и два с половиной. И вот эта привычка держаться друг от друга подальше и ожидать от другого чего-то нехорошего (даже, может, и непроизвольно), но она, как семя, уже укореняется в нас. Мы привыкаем опасаться ближнего своего. Не помогать ближнему, а стараться как-то от него побыстрее избавиться, чтобы он не чихнул на тебя ненароком. Конечно, это вписывается в то, что называется развитие «буржуазного индивидуализма». Вообще всё, что происходит сейчас в России в плане морали, — это тихая буржуазная революция, которая у нас никогда не была «допечённой», все время какая-то недопечённая, сыроватая. Но сейчас, кажется, она «допекается».

Какие будут после эпидемии люди? У А.А. Блока есть небольшое, но очень глубокое, на мой взгляд, стихотворение. Я позволю себе его вам зачитать:

Того, кто побыл на войне,
Порой пронизывает холод —
То роковое *всё равно*,
Которое подготавливает
Чреду событий мировых
Лишь тем одним, что не мешает...
Всё отразится на таких
Полубезумною насмешкой...
И власть торопится скорей
Всех тех, кто перестал быть пешкой,
В тур превращать, или в коней...

Кого «пронизывает холод»? Действительно, эпидемия или война, на первый взгляд, разные совершенно явления, но по сути своей, по корню, они очень похожи, потому что в обеих ситуациях человек ощущает свою полную беспомощность. Вот ведь никто конкретно не хотел, чтобы была, например, Первая мировая война. Никто, да? Но она произошла, и никто, ни один человек, не мог её остановить. Желание человека в процессе назревания войны не имеет никакого значения. И вот в эпидемии то же самое: человек ощущает себя пешкой. Поэтому действительно после пандемии будет другой мир, но этот мир будет, по видимому, морально гораздо более холодным, чем тот, в котором мы живём.

Эпидемия подобна лотерее: одни возвращаются пешками, но из пешек становятся потом «турами или конями». А кому не повезёт, тот и остается маленьким человеком, и его будет пронизывать глубокая усталость, потому что вот это всё, что мы сейчас переживаем, эти страшные месяцы, может, полгода, год — всё это у нас где-то там, в подкорке, в мозжечке откладывается: эта усталость, равнодушные, убеждение, что жизнь — лотерея, что от тебя ничего не зависит.

И что же нам, историкам, во всей этой ситуации следует делать? Мы лучше других знаем, что всё проходит. И почти всё повторяется. Сегодня идёт

устроенное природой (или кем-то ещё?) очередное испытание человечества на выживаемость. Выдержим, только если изменимся к лучшему...

Вот такие мысли навеяли мне эти сегодняшние чтения. А вообще надо сказать, что мне удивительно радостно от того, что и в такое время находятся люди, которые устраивают свой «пир во время чумы» — вопреки чуме, назло чуме. Вот вы собрались тут и обсуждаете свои изысканные темы, бесконечно далекие от реальности. Вас нельзя испугать, потому что у вас ничего нет. Но вы вместе — и дай Бог, чтобы и дальше были вместе.

Сведения об авторах

АВДЕЕВ Александр Григорьевич. Доктор исторических наук, научный сотрудник Университета Дмитрия Пожарского, профессор Исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, учитель истории школы «Интеллектуал». Сфера научных интересов: история и археология Древней Руси, специальные исторические дисциплины (ставрография, некрополистика, древнерусская и античная эпиграфика).

E-mail: avdey57@mail.ru

БОРИСОВ Николай Сергеевич. Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Сфера научных интересов: политическая история России XIV–XV вв., история русской средневековой культуры и Русского Севера.

E-mail: muksalma@mail.ru

ГОРЮШКИНА Людмила Павловна. Старший преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет кафедра истории России до начала XIX века. Сфера научных интересов: История России; история русской культуры.

E-mail: alae@mail.ru

ЛАУШКИН Алексей Владимирович. Кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент кафедры истории России исторического факультета ПСТГУ, научный руководитель Соловецкого морского музея. Сфера научных интересов: история России XI–XV вв., история древнерусской культуры, история Поморского Севера XV–XIX вв.

E-mail: laushkin@list.ru

МАТАСОВА Татьяна Александровна. Кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ. Научный сотрудник СПбГУ. Член редколлегии

историко-литературного альманаха «Соловецкое море». Постоянный участник всероссийских и международных конференций, в т. ч. за рубежом. Автор более 40 научных работ, посвящённых различным граням истории русско-итальянских отношений и культуре Русского Севера, в т. ч. книги «Софья Палеолог» (М.: Молодая гвардия, 2016, переизд. — 2017), удостоенной премии «Просвещение через книгу» (2016). Сфера научных интересов: русско-итальянские связи политические и культурные XV–XVII вв., история Русского Севера.

E-mail: tamatt2009@gmail.com

НОСОВ Артём Владимирович. Специалист по учебно-методической работе в МГУ имени М. В. Ломоносова. Сфера научных интересов: история монашества, агиография, средневековая книжность.

E-mail: js32r@yandex.ru

ТАРАСОВ Аркадий Евгеньевич. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Сфера научных интересов: история культуры, история Русской церкви, книжность, история Средних веков.

E-mail: varzuga@gmail.com

ШЕМЯКИНА Ольга Дмитриевна. Кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Сфера научных интересов: эволюция традиционной культуры в эпоху модернизации.

E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Information about Authors

AVDEEV Alexander Grigoryevich. DPh in History; research fellow at the University of Dmitry Pozharsky, full Professor of the Department of History St. Tikhon's Orthodox University; history teacher, Intellectual middle school, Moscow. Sphere of scientific interests: history and archaeology of Ancient Russia, auxiliary historical disciplines: Old Russian and antique epigraphy, studies in staurography and necropoleis.

E-mail: avdey57@mail.ru.

BORISOV Nikolay Sergeevich. DPh in History, Professor, Head of the Department of Pre-19th Century Russian History of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific interests: Russian political history of the XIV–XV centuries, the history of Russian medieval culture and the Russian North.

E-mail: muksalma@mail.ru

GORYUSHKINA Lyudmila Pavlovna. Senior Lecturer of Lomonosov Moscow State University, Faculty of History, Department of Pre-19th Century Russian History. Sphere of scientific interest: History of Russia; history of Russian culture.

E-mail: alae@mail.ru

LAUSHKIN Alexei Vladimirovich. Ph. D. in History, docent; Associate Professor at the Department of Pre-19th Century Russian History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor at the Department of Russian History, Faculty of History, St. Tikhon's Orthodox University; Academic Adviser at the Solovetsky Maritime Museum. Sphere of scientific interest: history of Russia in the 11th — 15th centuries, history of Ancient Russian culture, history of the Pomor North in the 15th — 19th centuries.

E-mail: laushkin@list.ru

MATASOVA Tatyana Aleksandrovna. Ph. D. in History (2012), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Pre-19th Century Russian History, Faculty of History, Lomonosov MSU. Researcher of Saint Petersburg University. Member

of the Editorial Board of the historical and literary almanac *Solovetsky sea*. Regular participant of All-Russian and international conferences, including those held abroad. Author of more than 40 academic papers on various aspects of the history of Russian-Italian relations and the culture of the Russian North, including the book *Sophia Palaiologos* (Moscow: Molodaya Gvardiya, 2016, reprint. — 2017) awarded the “Enlightenment through a book” prize (2016). Sphere of scientific interest: Russian-Italian political and cultural relations of the 15th — 17th centuries, history of the Russian North.

E-mail: tamatt2009@gmail.com

NOSOV Artem Vladimirovich. Education and Methodology Expert at Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific interest: history of monasticism, hagiography, medieval literary tradition.

E-mail: js32r@yandex.ru

TARASOV Arkadii Evgenyevich. Ph. D. in History, Senior Lecturer at the Department of Pre-19th Century Russian History, Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific interest: culture of Medieval Rus', history of the Russian Church, Ancient Russian booklore.

E-mail: varzuga@gmail.com

SHEMYAKINA Olga Dmitrievna. Ph. D. in History, Researcher at the Department of History of Russia before the beginning of the XIX Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific interest: the evolution of traditional culture in the era of modernization.

E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Список сокращений

ОР БРАН — Библиотека Российской Академии наук, отдел рукописей

ИРАО — Известия Императорского Русского археологического общества.

СПб.

Зёрнова — *Зёрнова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29, 31. М.: Наука; ООО Лексрус, 1975–2019. Вып. 30. М.; СПб.: Нестор-История, 2015 (издание продолжается).

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). М.; Л.; СПб.

ЯЕВ — Ярославские епархиальные ведомости

PG — *Patrologiae cursus completus, seu bibliotheca universalis integra, uniformis, commoda, oeconomica omnium SS. Patrum, doctorum, scriptorumque ecclesiasticorum. Series Graeca.* Acc. J.-P. Migne. Paris.

Периодическое издание

**Вестник
Университета Дмитрия Пожарского
№ 1 (21) 2021 г.**

Редактор Г. Г. Донской
Корректор А. В. Пименова
Переводчик А. А. Курышева
Дизайн макета И. Р. Яворский
Компьютерная вёрстка А. А. Васильева
Дизайн обложки Е. А. Горева
Оформление обложки А. А. Васильева

Электронный адрес издания: vestnik.udp@yandex.ru

«Русский фонд содействия образованию и науке»,
Университет Дмитрия Пожарского.
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13, стр. 1.
www.publisher.usdp.ru
knigiudp@gmail.com